

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

XI

SZEGED
1976

Publicationes Instituti Philologiae Russicae in Universitate
de Attila József Nominata

XI.

Redigit:

Imre H. Tóth

Seriem publicationum edendam curat

Sándor Kónyi

ВТОРОЙ БУНТ ДУХА (Интерпретация поэмы Лермонтова "Демон")

А. Фейер

Лермонтовым, как и многими крупными европейскими поэтами и писателями, был разработан миф о грехопадении.

В первом стихе поэмы Демон назван "Духом изгнания." Демон, парящий в темных сферах мирового пространства, когда-то был ангелом, небожителем. Но вкусив от горького плода познания, он утратил чистоту: вера уступила месту сомнению, любовь — ненависти. С тех пор гордый Дух, этот противник бога, сеет на земле раздор и бунт: неся знание, он нарушает мировую гармонию, творит зло.

Будучи знаком с традиционным истолкованием этого мифа в европейской литературе, Лермонтов сознательно перерабатывает миф, "ведет" его дальше. В традиционном варианте мифа можно выделить два состояния, в которых пребывает Дух: до грехопадения, и после него. Герой же поэмы Лермонтова предстает перед нами в каком-то третьем обличье. К тому моменту, с которого начинается поэма, Вечный Дух отрицания уже свершил свою миссию. Его усилия увенчались успехом: созданные по образу и подобию божьему люди отказались от благородных стремлений, прекратили борьбу за самоутверждение. Демон признается Тамаре:

И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Все благородное бесславил
И все прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...¹

Дух Вечного Отрицания потому и превращается в Демона, потому и предстает перед нами в каком-то третьем обличье, что в лермонтовской интерпретации мифа в людях угасли благие стремления, творческий дух, и то отрицание, которое несет с собой Демон, не встречает сопротивления. В интерпретации Лермонтова миф получа-

¹ Цитаты по изданию: М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в четырех томах. Гослитиздат, М., 1964.

ет неожиданный и удивительный поворот: Дух одерживает победу, "грешная земля" становится добычей Демона.

Но торжество оказывается для Демона катастрофой. Одержав победу, беспокойный дух вынужден бездействовать: поскольку он не может творить зло, он становится лишним. С этого момента начинаются страдания Духа. Демона мучит сознание бессмысленности собственного существования и ненужности своей деятельности. Скука и одиночество обрушиваются на него: он вынужден нести бремя бесконечности пространства и времени. Одержавший победу Дух жалуется Тамаре:

О! если б ты могла понять,
Какое горькое мученье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознаграждения;
Жить для себя, скучать собой
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видеть,
Стараться все возненавидеть
И все на свете презирать.

Хотя это кажется странным, мы должны признать, что в критической литературе до сих пор не раскрыта оригинальность лермонтовской концепции. В работах, анализирующих поэму, авторы не замечали различия между вторым и третьим состоянием Духа, и это привело к тому, что мотив угасания творческого духа в людях не был выделен; исследователи также не приняли во внимание и вытекающие отсюда последствия: пиррову победу Духа и превращение самого отрицания в нечто ненужное. В лермонтоведении принято трактовать образ Демона как образ бунтаря-индивидуалиста и в свете этих укоренившихся представлений объяснять отчаяние Демона закономерным крахом бунтаря. Этой традиции придерживается и Е. Пульхритудова — автор наиболее полного современного анализа поэмы.²

² Е. Пульхритудова. "Демон" как философская поэма — В кн.: Творчество М.Ю. Лермонтова. "Наука", М., 1964, стр. 76-106.

Интерпретация, предложенная Пульхритудовой, противоречит природе разработанного Лермонтовым мифа. Правда, миф говорит о крахе бунта, но в контексте мифа крах осмысливается принципиально иначе. Крах индивидуалистического бунта согласно мифу состоит в том, что цель его – разрушение божественного миропорядка – никогда не может быть достигнута, что такие попытки будут вновь и вновь обречены на неудачу. Но поражение самого бунтаря никогда не является окончательным, непоправимым, для него всегда открыта возможность вновь и вновь повторять свои попытки. В произведении И. Мадача, которое также строится на мифе о грехопадении, эта мысль достаточно четко сформирована. Восставший Дух – Люцифер – из "Трагедии человека" обращается к Богу:

Ты победил меня. Покорен я судьбе –
Я поражение всегда терплю в борьбе,
И с новой силой я бунтую вечно.³

Итак, восставшего на миропорядок не страшат поражения: он сознает себя вечным духом отрицания в двойном значении: с одной стороны он вечно должен довольствоваться вторым после Бога местом, с другой стороны – это место навсегда вечно принадлежит ему. Павший ангел не только прекословит творцу тогда, когда его изгоняют из рая, но с тех пор отрицает все на свете: он не изменяет себе, не "печалится", потому что, как упрямо повторяет Люцифер Мадача: "... кроме своей сути, Дать не могу я ничего иного".⁴

В том мире, который изображает миф, нет такой силы, которая могла бы противостоять космической энергии Духа. Исходя из тех принципов, на которых строится миф, невозможно объяснить овладевшую гордым бунтарем слабость. Да и какое же отчаяние смогло бы затуманить разум, несущий свет всему человечеству? Каким образом может Дух дойти до такого глупого заблуждения, чтобы поверить, что он может стать другим, не тем, что он есть, чтобы надеяться, что он может отказаться от роли, предназначенной ему со времен сотворения мира?

³ И. Мадач: Трагедия человека. Перевод Л. Мартынова. Изд. "Искусство". М., 1964, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 9.

Интерпретатор поэмы соединяет несовместимое, когда предполагает, что отверженный Дух страдает потому, что, взбунтовавшись, он сам обрек себя на ад скуки и одиночества. Разочарование Демона не вытекает из его бунта, так же как и его изгнание из рая не вытекло из того, что он некогда был ангелом. Смиранный ангел стал Духом отрицания потому, что возник новый, несовместимый с его ангельской сущностью фактор: познание. Бунтарь-индивидуалист был вынужден отказаться от своей гордой обособленности в результате противостоящего его сущности внешнего фактора - угасания в людях творческого духа. Одиночество и ужасная скука, "уничтожающие" Демона, не проистекают из отверженности и отчужденности бунтаря-индивидуалиста. Бунтарь-индивидуалист навлек на себя гнев бога, выступил против творения бога в целом, и потому он никогда не остается по-настоящему наедине с собой: мироздание становится подмостками, на которых он играет свою роль. Свое отъединение от мироздания Демон принимает с гордым упрямством. Мучительное сознание одиночества овладевает им лишь тогда, когда его отчужденность становится бессмысленной в результате крушения метафизического миропорядка, когда в открытом ему бесконечном времени и пространстве ему приходится спасаться от самого себя.

Когда-то бунт повлек за собой тяжелую кару: падший ангел был изгнан из рая. Однако, именно поэтому он стал антогонистическим началом мироздания. Но в результате крушения миропорядка ему предстоят еще более тяжелые испытания. Свершив свою миссию, не имея перед собой более объекта для отрицания, Дух отрицания оказывается как бы вторично изгнанным: теперь уже не из мира гармонии - из рая - но из всего дисгармонического мироздания. Не встречая препятствий, он оказывается наедине с самим собой, он вынужден отрицать себя. ("Нигде искусству своему он не встречал сопротивления - И зло наскучило ему"). Это - генезис лермонтовского героя, с этой мертвой точки демонического состояния духа начинается поэма Лермонтова.

Пришедший в разлад с самим собой, Дух хочет положить конец своим бессмысленным страданиям. Бывший упрямый бунтарь испытывает

неутолимую тоску по блаженству неба. Увидев земную девушку, Тамару, Демон начинает надеяться, что он сможет освободиться от ада скуки и одиночества.

Тамара еще живет в раю детства, ее необыкновенная красота объясняется естественной гармонией чистой девичьей натуры. Тамара – под защитой своего непосредственного, чувственного и естественного восприятия мира, рефлексия еще не разрушила цельности ее натуры. И только "тайное сомнение", которое охватывает ее при мысли о скором замужестве, свидетельствует о том, что гармония скоро нарушится: "дитя свободы" станет рабыней, ее детская красота будет принесена в жертву "коварной мечте" жениха. Тамара напоминает Демону небесных ангелов, духов рая, окружавших его некогда, но поэма содержит в себе намек на то, что Тамаре уготована судьба всех земных женщин.

В поэме появлению Тамары, изображению ее танца, предшествует описание цветущих долин Грузии. В истолковании Пульхритудовой долина – это символ души Тамары. По нашему мнению поэтическое значение этих двух мотивов не может быть одинаковым, так как долина и танцующая красавица вызывают в Демоне противоположные чувства. В долине Демон "все презирал, иль ненавидел", роскошь южной природы вызвала в нем лишь "холодную зависть", девушка же пробуждает в нем надежду на воскресение. Объяснить это можно только тем, что долина для Демона – это грешная земля, "презрение и ненависть" вызывает падший мир, а образ Тамары противопоставит этому миру.

Эту противопоставленность подчеркивает различие в двух идеалах красоты. Пышность растительности, неисчерпаемое разнообразие красок, запахов, звуков, красота грузинских девушек, – все в долине говорит о буйном цветении жизненных сил. Движения же танцующей Тамары благородны, сдержанны, стыдливы, выражают чувство и мысль: ("И были все ее движения Так стройны, полны выраженья, Так полны милой простоты.") Нам кажется, что поэтический текст не позволяет считать образ девушки олицетворением непосредственной, чувственной красоты и приравнивать этот образ к образу долины. В чувственной красоте долины не только нет одухотворенности, но, отказавшись от попыток сознательного восстановления утра-

ченной гармонии, долина как бы насмехается над духом. Долина не рай, который мог бы служить убежищем ангелоподобной Тамаре, а подчинившийся власти Демона неподвижный мир, в котором утрата чистоты неизбежно влечет за собой проклятие.

В своем анализе Пульхритудова не придает значения тому обстоятельству, что описанию цветущей долины противостоит описание гор — суровый, мертвый пейзаж. Снеговые вершины, темные пропасти, извивающиеся змеей, ревущие горные потоки, фантастические скалы и мрачные замки наводят на мысль о проклятости этого места, внушают, что все здесь — во власти какой-то злой силы. В описании пейзажа, сочетающего огромность размеров и разнообразие форм, нет торжественности и величия.

Если в долине чувственное начало как бы издевается над духовным, то здесь духовное презирает чувственное. Если там, в долине, покинутая Духом жизнь лениво течет, лениво плодится, то здесь, в горах, неуправляемая воля одичавшего Духа творит чудовищные формы. Жители долины не знают возможностей духа, чудовища же гор презирают чувственный мир.

Гора и долина, вершины Кавказа и долины Грузии, символизируют землю, поработленную Демоном. Вслед за угасением творческого духа окончательно распалась связь между духом и эмпирией. Обитатели земли больше не стремятся к восстановлению внутреннего равновесия: жители долины "глупо" не признают своих противоречий, а горный мир "лицемерно" не хочет о них знать. Демон не принимает землю, которая ему легко досталась: ("А стояли ль трудов моих Одни глупцы да лицемеры"), он презирает глупцов, ненавидит лицемеров.

Чистота Тамары беззащитна и одинока в погрязшем в грехах мире. Демон хочет помочь Тамаре: он знакомит ее с миром духов, он доказывает оплакивающей жениха девушке, что эмпирический мир конечен и односторонен:

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа

Облаков неуловимых
 Волокнистые стада.
 Час разлуки, час свиданья —
 Им ни радость, ни печаль;
 Им в грядущем нет желанья
 И прошедшего не жаль.
 В день томительный несчастья
 Ты об них лишь вспомни;
 Будь к земному без участия
 И беспечна, как они!

Свершается неожиданное и радостное: дочь долины, приобщившись к миру духов, оказывается способной и после того как бессознательная гармония ее души нарушается не отказаться от своей детской чистоты. Для падшего человека снова открывается возможность верить в восстановление утраченной гармонии. Тамара избежала участи глупцов и лицемеров, и среди тупых или диких обитателей земли ее обособленное существование становится конфликтным. Потеряв былую непосредственность и неопытность, она не отвергла ни чувственное, ни духовное начало. Хотя она узнала противоречивость бытия, она не приняла ее, но, не приняв противоречивость бытия, она не забыла об этом.

С образом Тамары, отведавшей от горького плода познания, молящейся об искуплении, символически связан третий пейзаж: в долине, окруженной горами, стоит монастырь. Соседство гор и долины меняет — смягчает — и тот, и другой пейзаж: поднимающиеся вдали суровые горы при взгляде из долины кажутся "светло-лиловой" стеной; мирная долина скромно вписывается в широко раскинувшуюся панораму. Расширение перспективы одухотворяет пейзаж, а соседствующие друг с другом контрасты вводят его в определенные рамки. Венчающая картину снежная вершина привносит в мир долины мотив торжественности и благородного достоинства. Голубой рассвет и смиренный покой в окрестностях монастыря одновременно выражают тоску по миру духовному и покорность, с которой избывается бремя бытия.

Человек, вспоминая то время, когда он был еще невинным, и надеющийся обрести это состояние снова, считает свое теперешнее состояние переходным. Земная жизнь предстает перед ним в виде печальной юдоли; сознательная жизнь означает для него поэтому добровольно принятые на себя страдания. Измученная Демоном, Тамара теряет желание жить, уходит в монастырь и доверяет "спасителю" сердце, "объясняя беззаконною мечтой". Молящаяся в монастыре Тамара верит: наперекор всему, опираясь лишь на человеческую потребность в вере, она верит в призвание человека и в то, что человек должен быть достойным своего призвания.

Встретив Тамару, испепеленный, опустошенный Дух испытывает незнакомое ему доселе чувство: "тоску любви", любовную страсть. Дух отрицания понимает, что означает "святиня любви, добра и красоты", он больше не способен желать зла: ("И слов коварных искушений найти в уме своем не мог..."). Бывший Дух познания умоляет о любви земную девушку, он к ней ищет спасения. Падший ангел вновь хочет верить и любить, бунтарь готов к тому, чтобы навсегда отказаться от своей гордой отчужденности, навеки отречься от своего прометеява призвания:

Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я не челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —
И мир в неведение спокойном
Пусть доцветает без меня!

Демон, познавший любовь, искренен, но несмотря на искренность, его признания не могут быть истинными. Как бы ему ни хотелось, он не может отречься от своего прошлого, от своей сути:

ведь он не может — и, в соответствии со своей природой, не хочет — ничего забыть: ("Ему забвенья не дал бог, Да он и не взял бы забвенья"). Напрасно противопоставляет он свою титаническую волю своей демонической природе. Что бы он ни делал, он действует в соответствии со своей бунтарской природой. Он восстает и тогда, когда отрицает творца в творении, и тогда, когда разрушает божественный творческий дух в человеке, когда подрывает в человеке веру. Он восстает и тогда, когда отрицание приходит в столкновение с божественным утверждением, когда дух разрушения уравнивается божественным созиданием. Но этот антагонист духа созидания лишь тогда по-настоящему угрожает божественному миропорядку, лишь тогда становится устрашающим, когда не принимает самого себя, готовится отказаться от назначенной ему в мироздании роли.

Влюбленный Демон хочет любить, но Дух познания не способен любить. В то же время Демон не может в этом признаться, так как Дух отрицания не признает ничего, кроме собственной титанической воли. Демон влюблен в Тамару, но Демон не любит ее. Вечный Дух не может любить земную девушку, потому что, презирая все мироздание, он презирает и человека — земное творение создателя. Демон, жаждущий любви, для того, чтобы любить предмет своего влечения, собирается сделать девушку достойной своей любви. У него есть определенный замысел, и этот замысел, соответствующий титанической натуре Демона, грандиозен. Поскольку любовь Духа не терпит пределов, положенных человеческим отношениям, он намеревается сделать Тамару "царицей мира". Охваченный страстью, он рисует картину апофеоза своей любимой:

Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата

Окрестный воздух напою;
 Всечасно давнюю игрою
 Твой слух лелеять буду я;
 Чертоги пышные построю
 Из бирюзы и янтаря;
 Я опущусь на дно морское,
 Я полечу за облака,
 Я дам тебе все, что земное —
 Люби меня!...

Если раньше Демон заставил Тамару уйти из долины, то теперь он хочет заставить ее уйти из монастыря. Какющаяся Тамара живет под защитой монастырских стен, "без страстей, среди молитв", "равно далеко от божества и людей", убивает свой дух и тело. Влюбленный Демон собирается спасти Тамару, но он хочет спасти ее в соответствии со своим замыслом. Он убеждает Тамару довериться ему и самой не пытаться больше получать искупление.

Демон исполнен благих намерений, но отрекшийся от самого себя Дух не ведает, что творит. Собираясь вырваться из своего одиночества, Демон хочет спасти человека. Однако, Демон не знает, к чему он готовится, так как он не понимает людей и, несмотря на безграничность познания, никогда не поймет их, потому что не любит людей. Дух познания всеведущ, но так как ему не ведома любовь, его познание не всемогуще: это — познание "падшее", познание отрицания; и поскольку все отрицается, человек для такого познания оказывается недоступным. Дух познания рассматривает человека — подобно всем остальным явлениям мира — как объект познания, поэтому он не знает, не может знать, что человек — не просто совокупность качеств и способностей. Демон не способен постичь, что человеком является лишь тот, кто хочет быть человеком. Дух чистого познания никогда не признает, что нельзя постичь человека, не рассматривая его в человеческом аспекте. Человек больше того, чем он представляется Духу познания, но Дух познания не в состоянии этого понять.

Демон знает, что человек несет в себе противоречие духовного и чувственного начала, потому что душа человека, поддающегося искушению и легко теряющего веру, распадается на эти составные

элементы. Однако, Демон не знает, что человек остается человеком лишь в той степени, в какой ему удастся преодолеть в себе противоречие духовного и чувственного начала. Земное существо может сохранить свой человеческий облик только в том случае, если оно непрерывно стремится к тому, чтобы присущая ему чувственность была проникнута духом, а дух был связан с чувственным миром. В борьбе человека за самого себя дух и эмпирия неизбежно ограничивают друг друга. Дух познания не видит цели этой борьбы, и поэтому считает вынужденное самоограничение человека бессмысленным. В его представлении человек — это не что иное как совокупность духовного и чувственного начал. Поэтому он хочет возвысить человека, усвершенствуя в отдельности обе стороны человеческой природы. Поставив перед собой задачу воскресить человека, Демон взамен ограниченности человеческого существования предлагает Тамаре всю полноту эмпирического мира и свой титанический дух.

Демон не способен любить, но Демон и не хочет любить человека: он намерен создать такое существо, которое бы удовлетворяло его демоническим желаниям, которое позволяло бы ему, Демону, познать любовь. Дух познания хочет "верить и любить", злой дух намерен служить добру, бывший бунтарь хочет примириться с богом. На самом же деле Демон и теперь бунтует, еще самонадеяннее и абсурднее, чем когда-либо. Опьяненный победой, Демон полагает, что создатель повержен, и теперь он — хулиатель мироздания — призван восстановить пошатнувшийся миропорядок и отлить для человека — этого жалкого ничтожества, смеси глины и духа — совершенную форму. Вечный дух отрицания косвенно признавал бога: признавал в том смысле, как предполагают существования друг друга взаимоисключающие полюсы. Но в результате катастрофической своей победы бывший отрицатель становится безбожником. В своей глупой самонадеянности или в малодушном отчаянии он полагает, что ему все дозволено, и даже идет дальше: стремится занять место бога, отнять у него роль созидателя, творца. Копируя бога, Демон собирается создать человека по своему образу и подобию. О закономерном крахе этой кощунственной попытки, о втором бунте Духа и говорит поэма Лермонтова.

Пульхритудова называет Демона, не желающего считаться с любим, препятствующим его воле фактором, волюнтаристом. Демон, действительно, не считается с реальностью, но нельзя упускать из виду тот факт, что ничто и не препятствует его демонической воле. Творческое начало потерпело крах. Так создается видимость, что все оправдывает волюнтаризм Демона: земля оставлена на произвол злого духа. Демон прав, когда на предостережение Тамары: "А бог!" — отвечает: "На нас не кинет взгляда, Он занят небом, не землей."

Дух познания не должен считаться с "объективной" властью, определяющей порядок вещей, поскольку эта власть не заявляет о себе: вопреки желанию творца творение его оказалось поверженным, восставший дух вопреки "закону" одержал победу. Вера Тамары также не является препятствием для Демона. Хотя ее вера не поколеблена, она уступает просьбам Демона, потому что жалеет страдающего, потому что вера обязывает ее отдавать переполняющую ее любовь каждому страждущему.

Узнав Демона, спасаясь от него, Тамара уходит в монастырь. Но святые стены не защищают ее от посещений таинственного незнакомца: усердные молитвы, чистосердечные покаяния — все напрасно. Напрасной оказывается стойкость ее веры, напрасным оказывается смирение, с которым она переносит все испытания. Нет больше надежды на возвращение душевного спокойствия. Стойкая вера может спасти от искушений злого духа, но она беззащитна перед тем смятением души и тела, которое вызывает в ней кающийся Демон. Чудовищно сочетающий в себе контрасты, Демон родился в результате распада миропорядка, и верующий человек ощущает себя совершенно беспомощным, когда оказывается перед лицом такого распада:

То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь — ни мрак, ни свет!...

До самого конца, до самого принятия рокового решения, Тамара не знает, кто перед ней. Так она становится соучастницей задуманного демонического плана.

Тамара не знает, кто такой Демон, потому что Тамара, природа которой есть беспредельная любовь, не знает ничего кроме любви. Когда Демон знакомит Тамару с духовным миром, он пробуждает в ней жадность знания, но, до бесконечности разжигая эту жажду, он не дает ей знания. Какющийся дух и не может дать знание этой земной девушке, ведь, увидев ее, он отказался от своего прометеева призвания. Влюбленный Демон оставляет свою любимую в неведении, потому что отказавшийся от себя дух может пробудить только любовь в земной девушке, потому что жаждущий искупления Демон нуждается в любви Тамары.

Любовь же Тамары, лишенная знания, так же ущербна, как чистое знание, которым обладает дух, лишенное любви. Хотя любовь Тамары бесконечно велика, без знания она не всемогуща, она не может быть помощью страждущему, не может воскресить дух. Бесконечность любви не позволяет Тамаре отдаться познанию. Безмерная любовь до бесконечности разжигает жажду знания, и эта жажда заставляет Тамару отказаться от той задачи, которая стоит перед человеком: Тамара отказывается от утверждения своей личности, отказывается от того, чтобы в борьбе прийти к познанию. Побуждаемая безграничной любовью, Тамара ставит перед собой фантастическую задачу: воскрешение вечного духа. Поэтому она внимает доводам духа, и, повинаясь Демону, от измелчавшего человеческого мира обращается к космической трагедии демонического существования:

Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений
Перед минутой одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь иль труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть — ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!

Моя ж печаль бессменно тут,
 И ей конца, как мне, не будет;
 И не вздремнуть в могиле ей!
 Она то ластится, как змей,
 То жжет и плещет, будто пламень,
 То давит мысль мою, как камень —
 Надежд погибших и страстей
 Несокрушимый мавзолей! ...

Взяв на себя задачу искупления духа, Тамара исполняет желания Демона, но одновременно во имя жертвенной любви, она поступает так, как предписывает вера. Отдавая себя во власть Демона, она отказывается от самой себя, но, следуя велениям веры, уже тогда, когда Тамара уходит в монастырь, она отказывается от стоящей перед человеком задачи утверждения человеческой личности. Желания верующей девушки и стремления безбожного духа естественно сходятся. Напрасно Тамара хранит веру, напрасно отвергает доводы Демона: тем, что она терпит присутствие Демона, слушает его жалобы, распространяет и на него свою любовь, она становится соучастницей демонического замысла. Смиренная вера Тамары беспомощна перед лицом губительной силы, воплощенной в Демоне: кроткая верующая вместе с бунтующим духом погружается в "пучину демонического познания".

Смиренная покорность Тамары и надменный бунт Демона, вера одной и безверие другого, взаимно обуславливают и дополняют друг друга. Аскетизм Тамары, убивающий и плоть, и дух человека, и титанический идеал человека, созданный Демоном, равно бесчеловечны. Подобно Демону — ее антиподу — Тамара тоже не понимает человека, потому что ее иррациональная вера — исповедание любви — делают ее видение односторонним и не дают ей возможности понять человека. Дух воспринимает человека как объект познания и, бесстрастно взвесив факты, признает лишь духовную и плотскую суть обитателей земли. Верующая девушка, поддаваясь внушениям любви, выделяет в человеке лишь стремление к добру, и, преклоняясь только перед этим стремлением, не замечает жалкого существования павшего человека. Дух не в состоянии понять, что даже при идеальном развитии духовных и эмпирических возмож-

ностей только тот остается человеком, кто сам хочет быть человеком, кто стремится к тому, чтобы духовное и эмпирическое начала взаимопроникали друг в друга. Вера девушки не может привести к тому, чтобы при стремлении к равновесию и гармонии духовного и эмпирического начал, сами эти начала — хотя бы в зачатке — обязательно сохранились. Поэтому верующая Тамара принимает искреннюю, но в то же время ложную, клятву Демона, поэтому она жертвует своей земной человеческой личностью во имя загробного спасения.

В противовес безбожнику-Демону Тамара верит в бога, однако ее вера не означает, что в мироздании есть божественная творческая воля. Вера девушки созерцательна. Человек действия верит в свой замысел, в свою творческую силу. У Тамары же нет никакого замысла, верующая Тамара бездействует. Верующая девушка воплощает принцип сохранения человечности, она противопоставлена миру "глушцов" и "лицемеров", но удаляющаяся в монастырь Тамара убеждена, что этот принцип неосуществим, что исконные противоречия человеческой природы неразрешимы: Тамара верит, но верит наперекор разуму. Человек действия, который, выполняя свою задачу, рассчитывает только на свои силы, всегда имеет перед собой реальное задание, поэтому вера человека действия всегда рациональна. Обреченная же на абсолютную пассивность Тамара во всем полагается на бога и вместо борьбы с реальными трудностями вступает в поединок с конечными вопросами человеческого бытия. Поэтому вера Тамары иррациональна.

Демоническое существование, поверженность духа, ад скуки и одиночества с одной стороны и созерцательная вера Тамары с другой стороны — эти два противоречащие друг другу состояния возникли как следствие умирания веры, способной к действию, как следствие невозможности действовать. Дух превращается в Демона в результате катастрофической для него победы, вера же Тамары вспыхивает в поверженном мироздании при активном вмешательстве Демона. Страдающая в долине печали девушка и мучающийся в своем аду дух, верующая Тамара и неверующий Демон — оба жертвы распада миропорядка. Но когда они вступают в противоестественный союз, когда при побуждении со стороны Демона и с согласия Тамары,

несмотря на невозможность действия, они все же пытаются действовать, они превращаются из несчастных жертв в разрушителей миропорядка. Знание, которым владеет дух, и любовь, которую несет земная девушка, отторженные друг от друга, бескрылы, односторонни, непригодны для постижения человеческого существования в целом. Их же сочетание, вместо того, чтобы преодолеть эту односторонность, начинает угрожать человеческому существованию, так как сочетание искаженных начал потерпевшего крах мироздания вместо решения конечных вопросов человеческого бытия несет в себе искажения возведенные в степень.

Вера Тамары иррациональна, но иррациональная вера обязывает ее оставаться пассивной: она спасает ее от иррациональных поступков. Дух не верует, но именно его безверие, спасает мироздание от попыток духа объявить рационализм творческим началом и таким образом спасает мир от иррациональных поступков. Когда же дух и Тамара становятся союзниками, как раз и открывается устрашающая возможность: противоестественное соединение иррациональной веры и рационального отрицания грозит человеку катастрофой, порождая иррациональное действие. Поцелуй верующей девушки и неверующего духа порождает пучину, в которой тонет чистая человечность Тамары.

Демон обещал Тамаре дать ей всю полноту духовной и эмпирической жизни, хотел превратить свою возлюбленную в богочеловека. Обещание духа сбылось, но так, как сбываются слепые предсказания: как бы в насмешку над доверчивым человеком они оборачиваются своей противоположностью. От напоенного ядом поцелуя злого духа Тамара умирает. Но в гробу Тамара красивее, чем когда-либо: ее прекрасное тело облечено "по древнему обряду" в роскошный наряд, масса цветов земли украшает Тамару, а на лице девушки — особая улыбка, "холодное презрение души, готово ответить". Влюбленный Демон дал то, что обещал: он подарил любимой все земное и свой демонический дух.

Однако Демон не удовлетворен. Осуществляя свой план, он не только обманул девушку, но и сам не получил того, о чем мечтал. Он хотел "верить и любить", но пробудить веру и любовь Демона

может только богочеловек, обладающий всей полнотой интеллектуального и эмпирического существования; то же, что лежит перед ним, не бог и не человек, а труп. То, что было в Тамаре человеческим, что превращало в человеческое ее дух и плоть, отлетело после смертельного поцелуя Демона. Разочарованный Демон гонится за неуловимым: он осознает, что ему нужно было то, существования чего он никогда не признавал: самосознание человека, свершающего свою человеческую миссию. Но спасенная душа Тамары принадлежит богу, и сверкающий взгляд ангела, уносящего душу Тамары на небо, говорит Демону, что он стоит у предела той сферы, которая ему отведена.

Второй бунт духа потерпел поражение. Демонический план отказывающегося от себя духа не мог увенчаться успехом, так как таил в себе противоречие, в сущности был абсурдным. Безудержному стремлению Демона к действию ничто не могло воспрепятствовать, никакая объективная сила в распавшемся мироздании не могла обуздать его волю, волюнтаризму духа положили пределы внутренние возможности самого духа. Представляя лишь одну половину мира в целом, дух никогда не сможет стать способным правильно оценивать свои возможности, правильно судить о мире и о себе. После распада мироздания блуждающий дух может погубить человека, но человеческое самосознание, его "бессмертную душу" он никогда не получит, потому что дух в конечном итоге не знает, что делать с душой.

После отчаянной попытки духа и смерти Тамары на земле все остается по-старому: в долине цветет жизнь, на мрачной горе царит тишина; мироздание ждет воскресения, но для человека нет никакой разумной возможности воскреснуть: жалобы страдальцев не нарушают спокойствия равнодушной природы.

К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ РАННЕЙ ЛИРИКИ А. АХМАТОВОЙ II.^x

(Опыт параллельного анализа семантической структуры текста и психологической структуры жанровой модели)

А. Хан

В статье, предшествующей данной, была сделана попытка поставить вопрос о жанровом своеобразии ранней лирики А. Ахматовой в определенном аспекте, для которого основой служило предположение, что своеобразная двойственность семантического облика поэтического слова и такая же двойственность структуры поэтического жанра есть факты, находящиеся в строгой взаимообусловленности.

Выдвинутый в нашей статье в чисто проблемном плане вопрос, с тех пор был не только поставлен, но и решен в широком историко-культурном и теоретическом аспекте в большой коллективной работе "Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма."¹ В этой работе, изменения парадигматической функции и, следовательно, и семантической структуры слова в акмеистической поэтике соотнесены в системе коррелятивности со структурными изменениями поэтического жанра, и также указаны важнейшие нововведения акмеистов в области жанра.²

Однако, надеясь, что наша работа не будет ограничиваться

^x Первую часть см. Acta Universitatis Szegediensis, Dissertationes Slavicae IX-X, стр. 55-83.

¹ Ю.И. Левин, Д.М. Сегал, Р.Д. Тименчик, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян: "Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма". "Russian Literature"; 7/8, The Hague - Paris, 1974.

² "Одним из наиболее кардинальных завоеваний литературного языка, обязанных акмеистам, явилось резкое смещение границ между поэзией и прозой (и ими обеими и жизнью - внеположным миром, внетекстовым бытием, "разыгрыванием", как сказал бы Мандельштам, в произведении)... Суть акмеистической реформы в этом отношении - в интериоризации в пространство стихотворения (при сохранении его объема или даже при значительном, по сравнению с принятым, его сокращении) элементов прозы, но не ради таких ее прежде всего бросающихся в глаза особенностей как "сюжетность", наличие многих героев, сложной композиции и т.д., а ради максимального спрессовывания мира произведения - ..." "Русская семантическая поэтика..." стр. 53-54.

только повторением теоретических положений указанного коллективного труда, еще раз вернемся к исследованию закономерностей, обуславливающих двойственность семантического облика поэтического слова и структуры жанра.

В поэтических течениях 10-х годов, порвавших с философским и поэтическим наследием символистов, как центральная встала проблема нового подхода к "многозначности" поэтического слова, обработка слова поэтом — мастером. Выдвижение этой проблемы, как центральной, роднило и столь разные в методах ее разрешения поэтические группы, как футуристы и акмеисты.

Поставленная в центр поэтического дела программа преобразования семантической структуры слова вызывает существенные трансформации и в модели поэтических жанров. Поэтическое слово, со своей преобразованной структурой и переосмысленной функцией, становится едва ли не доминирующим фактором жанрообразования в поэзии 10-х годов.³

Акцентировка роли преобразованного поэтического слова, как жанрообразующей доминанты в поэзии 10-х годов, нам не кажется преувеличенной, поскольку мы считаем, что в сложной системе факторов, образующих жанровый организм, нет универсального доминирующего фактора, который определял бы развитие данной жанровой структуры на протяжении всего историко-литературного развития. Нам близка точка зрения, согласно которой, из динамической живой системы жанрообразующих факторов, подчиняясь логике историко-литературного развития, в разные эпохи и периоды выделяется тот или другой конструктивный фактор, как доминантный. С некоторым упрощением можно сказать, что в поэтике акмеизма, и еще точнее в поэтике ранней Ахматовой, жанровая модель "держится" не на заранее заданной теме, не на готовой философской модели мира, а на слове-спектре, и способ реализации семантической сферы центральных слов-стержней перерастает в "тему".

³ Вопрос о коренной трансформации всех жанровых форм (и не только форм, но и жанровых родов), как о закономерном результате "освобождения слова", наверное одним из первых поставил Бенедикт Лившиц в программной статье альманаха футуристов "Гилея" (Дохлая луна, Осень 1913, Москва).

Однако нужно учесть, что как ни органически взаимообусловлены изменения в структуре слова и в модели жанра, нельзя все закономерности жанрово-композиционной структуры исключительно и механически сводить к закономерностям семантической сферы поэтического слова. Поэтому еще одна задача статьи состоит в том, чтобы проблемы структуры жанра поставить в зависимость от проблемы поэтического мироощущения.

Из многочисленных факторов, участвующих в процессе "от слова к жанру", настоящая статья сосредоточивается только на двух, на проблеме контекста и композиции.

Проблема контекста сразу предстает в двойном аспекте. С одной стороны, контекст, как неделимая смысловая сфера, анализирует определенные семантические признаки слова, вступившего в контекст. Таким образом от типовой принадлежности контекста, от растяжимости его границ и от его структуры зависит смысловой объем слова и способ его реализации, то есть типовая принадлежность поэтического символа.⁴

Предметные слова, заселяющие раннюю поэзию Ахматовой, главным образом заряжаются вторичным ассоциативным значением не в общем контексте разомкнутой системы поэтического стиля, а в замкнутой контекстуальной сфере отдельных стихотворных композиций, они в основном являются предметными символами локально-конкретными. В поэзии Ахматовой, как и в постсимволистских поэтических течениях в целом, параллельно с повышенной синтагматической организованностью художественного текста, увеличивается и роль контекста, заданного композиционным целым, как своеобразного регулятора семантического поля слов.⁵

⁴ "Преобразование слова совершается в поэтическом контексте... Художественный контекст имеет самые разные объемы, в том числе далеко выходящие за пределы одного произведения. И целым литературным направлениям, и отдельным поэтическим системам присущи разные типы контекста. Контекст — ключ к прочтению слова; он сужает слово, выдвигая, динамизируя одни его признаки за счет других, и одновременно расширяет слово, наращивая на него пласты ассоциаций." Л. Гинзбург, О лирике, Ленинград, 1974, стр. 10.

⁵ См.: М.В. Панов, Стилистика. В кн.: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 100-107.

Но с другой стороны, слово, будучи уже поэтически преобразованным, и само вызывает и строит свой контекст, диктует его границы и структуру, как поля своей семантической реализации.⁶

Уже в работе В.В. Виноградова было отмечено, что своеобразие вещных символов Ахматовой обусловлено изменившимся способом композиционной реализации их смысловой структуры и также их изменившейся функциональной ролью. Прикрепленность предметных символов к разорванным мигам, запечатленным в отдельных стихотворных композициях с целью подчеркнуть их неповторимость, как на это указывает В.В. Виноградов, делает смысловую окрашенность этих символов более индивидуальной, неожиданной, но "именно единичность функционирования этих слов ослабляет их условно-символическую значимость."⁷

Проблема контекста отсылает нас к проблеме композиции, ведь реализация смысловой структуры полного контекста стихотворения является итогом поступательного композиционного движения⁸, управляемого внутренними, структурными принципами, организующими поэтическую модель мира.

Таким образом, сюжетно-композиционная структура может дать ключ и к модели поэтического мира, к основным свойствам поэти-

⁶ См.: Андрей Губер, Структура поэтического символа. В сб.: Художественная форма, Ленинград, 1927, стр. 126-127.; В.П. Григорьев, О некоторых проблемах лингвистической поэтики. В сб.: Теория поэтической речи и поэтическая лексикография, Щадринск 1971, стр. 9.

⁷ В.В. Виноградов, О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски), Ленинград 1925, стр. 60.

⁸ "... органическое единство, образуемое восприятием цельной лирической пьесы, представляет собой неповторимый смысловой комплекс, лишь в этой полноте богатый теми нюансами, которые обуславливают нашу эстетическую квалификацию ее". Б.А. Ларин, О лирике, как разновидности художественной речи. "Русская речь"; Новая серия, вып. I., Ленинград 1927, стр. 51-52.

ческого мироощущения. ⁹

В работе В.В. Виноградова изменившаяся структура семантической сферы стихотворений Ахматовой была поставлена в строгую взаимосвязь с синтаксической (и в более широком смысле синтагматической) организованностью композиции: "В стихах Ахматовой нагляднее, чем где-либо, обнаруживается связь синтаксических явлений с созданием новых семантических феноменов... Формы сочетания символов-предложений в поэзии Ахматовой необходимо описать, как систему приемов, осуществляющих семантические метаморфозы." ¹⁰

Один из основных приемов этой системы семантических метаморфоз, как об этом уже было сказано в предыдущей статье, В.В. Виноградов видел в параллельном сопоставлении двух, метафорически не связанных смысловых рядов, взятых из "разно-предметных смысловых сфер", но образующих сложное семантическое взаимодействие. ¹¹

Однако и в рамках категории сопоставления, как особого рода семантической взаимосвязанности двух словесных рядов, В.В. Вино-

⁹ "Разумеется, любые сюжетно-композиционные конфигурации тоже связаны с мировоззрением автора, но здесь очевидно, речь должна идти не только о социально-политических, философских, эстетических и т.п. взглядах, но и о каких-то глубинных психологических структурах (заманчиво было бы предположить, что о каких-то генетических структурах). Пока однако остается констатировать, что типичная для писателя сюжетно-композиционная конфигурация характеризует строй его души, его художественное мировоззрение". Б.Ф. Егоров, О жанре композиции и сегментации. В кн.: Жанр и композиция литературного произведения, Калининград 1974, стр. 14.

¹⁰ В.В. Виноградов, О поэзии Анны Ахматовой, стр. 6.

¹¹ Смысловое содержание сопоставляемых рядов разнообразно. Чаще одна цепь фраз рисует эмоционально-обстановочный фон, или последовательность внешних, чувственно воспринимаемых явлений, а другая - выражение эмоции в форме непосредственных обращений к собеседнику. Система их сопоставлений рождает представление о тесной эмоциональной связанности этих двух рядов... Здесь открывается своеобразный метод семантических преобразований, который /мне кажется/ удобнее всего определить как систему эмоционально-символического переплетения фраз из разно-предметных смысловых сфер. Словесные выражения явлений внешней природы - вовлекаются в речь героини для того, чтобы эмоциональными впечатлениями от их подбора, смутными предчувствиями их намеков воспользоваться восприятие внутренней трагедии рассказчицы. "В.В. Виноградов, О поэзии Анны Ахматовой, стр. 70.

градов разграничивает два подтипа. Эти подтипы отличаются друг от друга с точки зрения способа сюжетно-композиционной реализации их семантической связанности.

Первый подтип представляет собой тот вариант реализации семантической структуры стихотворения, когда метафорическая связанность сопоставляемых рядов природы и внутренних переживаний становится явной в ходе прогрессивно-поступательного семантического движения композиции, когда "словесная объективация внешних восприятий природы оказывается неожиданно субъективным выражением личных эмоций героини, превращается в символику человеческих отношений." ¹² Происходит это в результате того, что неожиданно вторгающаяся в описание природы открытая лирическая речь бросает новый семантический ответ на весь предшествующий сюжетно-композиционный ход, наполняя картины природы ассоциативно-символической значимостью, обнаруживает их "метафоризованность".

Такой подтип "сопоставлений" В.В. Виноградов описывает на примере композиции стихотворения "Память о солнце в сердце слабеет", где парное сопоставление разных словесных рядов распространяется на все композиционное построение, напоминая таким образом гармонически завершенную песенную структуру, построенную на принципе фольклорного психологического параллелизма.

В работе Б. Эйхенбаума "Анна Ахматова. Опыт анализа" (1923) тоже уделено внимание композиционному движению этого стихотворения, отражающему изменившийся характер развертывания лирической темы. ¹³

¹² В.В. Виноградов, О поэзии Анны Ахматовой, стр. 72.

¹³ "Вместе с изменением словаря изменился и характер лирического движения. В "Вечере" и в "Четках" крайне обострена резкость смысловых переходов — движение идет скачками, между фразами образуются смысловые разрывы. Часто строфа распадается на две части, между которыми нет никакой смысловой связи: ... Иногда первая часть (обычно пейзаж) растягивается на большее пространство — тем неожиданнее переход:

Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет,
Едва, едва.

Ива не небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть лучше, что я не стала
Вашей женой.

В кн.: Б. Эйхенбаум, О поэзии, Ленинград, 1969, стр. 136-137.

Должно быть отмечено, что такие варианты композиционного решения, внешне воссоздающие фольклорную песенную структуру, даже в первых книгах Ахматовой немногочисленны. Парное деление строфы, напоминающее нарушенный психологический параллелизм, обычно распространяется только на одну или две строфы, чаще всего только на первую строфу, дальнейший же ход стихотворения резко меняет свой характер.

Однако и в данном стихотворении, несмотря на песенный характер композиции, Ахматова только формально сохраняет внутренний механизм и принцип деления фольклорного психологического параллелизма, резко-индивидуально перестраивает внутреннюю семантическую структуру простой композиционной схемы, нарушая тематическую и временную последовательность композиционного движения, "закладывает" в нее свое сложное, трагически окрашенное мироощущение.

При внешней песенно-нарастающей поступательности сюжетно-композиционного хода, семантическая структура стихотворения образует не только тематическое, но и временное кольцо. Композиционное обрамление охватывает один момент, объем которого составляет психологический процесс от предчувствия окончательного замирания чувства /объективированного в предчувствии наступления ранней зимы/ до констатации факта его наступления. В рамках этого растянутого психологического момента время предстает в двойном своем облике: как время процессуальное, реализующееся в вечном обновлении жизни природы, где предпосылкой замирания служит движение, и как время потерянное, застывшее в неподвижности, что и есть время душевной бессобытийности лирической героини. Соотнесенность, сталкивание этих двух аспектов времени, воссозданного в памяти героини, и является одним из факторов, создающих трагизм общего тона стихотворения.

Таким образом возникает противоречие между впечатлением песенной открытости, поступательностью внешней композиционной схемы, и строгой замкнутостью внутренней семантической структуры стихотворения, а также самозамкнутостью психологического и временного объема лирического переживания.

Поскольку такой композиционный вариант семантической соотне-

сенностью двух сопоставляемых словесно-смысловых рядов является сравнительно редким в ранней поэзии Ахматовой, наше внимание будет уделено закономерностям второго подтипа реализации "сопоставлений", описанного в работе В.В. Виноградова.

При таком подтипе уже сразу в композиционном начале сопоставлены "символы эмоций" и картины пейзажа, образующие параллель без мотивированной связи. Таким образом, в самом зачине стихотворения возникает "метафорическая загадка"; дальнейшее прогрессивно-поступательное движение контекста хотя и не осуществляет метафорическую связь двух смысловых рядов, но наталкивает на предположение о существовании такой связи, и, тем самым, на разгадку ее природы. Однако ключ к разгадке этой связи дает только полностью восстановленный контекст, и разгаданная связь соединяет воедино сопоставляемые ряды предыдущих строф как бы при обратном чтении, доказывая "метафорическую предопределенность" их сопоставления.

Описание такого типа реализации семантической структуры стихотворения В.В. Виноградов дает на примере двух стихотворений: "Мне с тобою пьяным весело" и "Каждый день по-новому тревожен".

При сравнении этих двух подтипов семантического движения текста В.В. Виноградов отмечает чрезвычайно важную закономерность, состоящую в том, что в этих двух случаях направленность движений словесных ассоциаций в их внешнем, сюжетно-композиционном выражении является обратной, противоположной.¹⁴

Именно такая семантическая структура, реализующая "метафорическую загадку", заданную в композиционном зачине, путем регрессивно-семантической перекодировки текста, усматривается во всех ком-

¹⁴ "Однако в большинстве случаев метафоризация не является данной: условно-символистические соответствия лишь ищутся, предчувствуются. Создается иногда иллюзия метафоричности. Ахматова как бы настраивает читателя на такое истолкование - при всей реальной невозможности его осуществить. И вместе с тем совершенно ясно, что направленность словесных ассоциаций - в их внешнем выражении - в этих случаях бывает обратно по сравнению с структурой разобранного выше стихотворения "Память о солнце". Там словесная объективация внешних восприятий природы оказывается неожиданно субъективным выражением личных эмоций героини, превращается в символику человеческих отношений. Здесь, наоборот, контекст влечет к поискам метафорических смыслов в фразах о внешних явлениях, так как они прицеплены сразу же к символам эмоции". В.В. Виноградов, О поэзии Анны Ахматовой, стр. 71-72.

позиционных моделях ранней поэзии Ахматовой, которые принято называть "новеллистическими". Поэтому, описание такой композиционной структуры, в свете указанных нами в начале статьи аспектов, может представлять интерес:

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: "Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!"

В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О, как вернуть вас, быстрые недели,
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней оелой вьюгой
О нем гадала я в канун крещения.
И в январе была его подругой. ¹⁵

Внутреннее деление первой строфы покоится на парном сопоставлении картины внешнего мира (или скорее ее субъективно-окрашенного восприятия: ...облачко серело, как ...) и "сцены переживаний" с протагонистами: герой – героиня. Этот немотивированный "психологический параллелизм", или "метафорическая загадка" принадлежит временному плану прошлого.

В дальнейшем композиция как бы принимает повествовательный ход, выдержанный в прошлом. Зафиксированная в первой строфе сцена разворачивается во времени; через тонко обрисованный психологический автопортрет героини передается ее переживание, вызванное словами героя. Но информативная ценность этой "сцены" крайне неопределенна.

В композиционной оси стихотворения этот повествовательный ход резко прерывается. Воспроизведенный процесс прошлого пересе-

¹⁵ Текст стихотворения цитируется по сборнику: Бег времени, Ленинград, 1965.

кается настоящим моментом, временной план которого становится доминантным для всего дальнейшего композиционного хода. Одновременно с этим меняется и способ лирического самовыражения, приемы опосредования заменяет открытая лирическая речь. Временная и семантическая "переоценка" предыдущего композиционного хода происходит параллельно. Настоящий момент "накладывается" на процесс прошлого, придавая ему ретроспективное временное освещение и одновременно снимает его процессуальность, а лирическая исповедь, прозвучавшая в настоящий момент, новым семантическим пластом наслаивается на психологическое содержание, зашифрованное в сцене, воспроизведенной из прошлого, восстанавливая таким образом ее полную значимость.

В результате этой семантической переоценки, объективированное в словах героя предупреждение о хрупкости, непрочности любовного чувства, о его скором превращении в "любовное молчанье", метафорически связывается с картиной "высоко сережщего облачка", вырастающего таким образом в центральный предметный символ, непосредственно сведенный к психологическому состоянию героини, предчувствию ее неизбежной эфемерности чувства еще в процессе его существования. ¹⁶

А настоящий момент снова есть переживание неотвратимой обреченности любви. Психологический объем и природа переживания, охваченного композицией, обнаруживает аналогию с переживанием, закрепленным в песенной композиции стихотворения "Память о солнце..." при различии внешней жанрово-сюжетной схемы.

Восстановление, развертывание целостного контекста в данном стихотворении реализуется путем столкновения двух временных и семантических пластов, в результате которого стихотворение как бы поворачивается вокруг своей временной оси.

Исходным временным планом стихотворения, таким образом, яв-

¹⁶ "...любовь воздушная и минутная, связана с таким облаком. Облако конкретное, маленькая белышка шкурка стали знаменем акмеизма." В.Б. Шкловский, О Маяковском, 1940. В кн.: Виктор Шкловский, Собр. соч. т. 3., Москва, 1974, стр. 24.

ляется настоящий момент, а в его психологических, внутренних рамках воспроизводится прошлое, тот его событийный фрагмент, когда впервые была пережита мысль о потере чувства еще на уровне предчувствия. Это и означает, что временная перспектива стихотворной композиции оказывается ретроспективной, а его "психологическая перспектива" — интроспективной.

Для восприятия действительной, а не кажущейся семантической структуры и психологического содержания стихотворения мы снова должны исходить из настоящего момента, не только как основного временного плана стихотворения, но и как его временного и психологического обрамления. В таком случае напрашивается вопрос о причине несовпадения внешней "новеллистической" сюжетно-композиционной схемы и глубинной модели структуры жанра.

Ведь при прогрессивно-поступательном движении композиции на хронологической оси стихотворения сначала появляются именно воссозданные события прошлого, стихотворение начинается как "рассказ о прошлом", с экспозицией и заданной повествовательной интонацией. Это сопровождается созданием впечатления предметности элементов действительности, которые как кажется, важны сами по себе, как реалии внешнего мира. Перевод композиции в другое временное и семантическое пространство происходит при ее вторичном, обратном движении.

Эта закономерность сюжетно-композиционного движения обнаруживает общность с направленностью семантического движения контекста, обусловленного изменившейся структурой поэтического слова.

В поэтике символизма ассоциативная сфера метафорически осмысленного слова покоилась на устойчивых историко-культурных и философских предпосылках. Поэтому основной стороной акмеистической программы было стремление освободить слово от этой "ого-

воренности", от напластованных на нем условных значений. ¹⁷

Для этого прежде всего нужно было "преодолеть" примат вторично-метафорического значения слова над его предметно-назывным значением, и восстановить равновесие между ними: "В слове оказались полноправными и конкретно-назывная его функция и функция метафорически понятийная. ... Метафоричность акмеистов задана конкретным текстом и выявляется в его синтагматических связях:..." ¹⁸

¹⁷ Конципирование словом своего предмета – акт сложный: всякий "оговоренный" и "оспоренный" предмет, с одной стороны, освещен, с другой – затемнен разноречивым социальным мнением, чужим словом о нем, ..."

¹ В этом отношении очень характерна борьба с оговоренностью предмета (идея возврата к первичному сознанию, первобытному сознанию, к самому предмету в себе, к чистому ощущению и т.п.) в руссоизме, натурализме, импрессионизме, акмеизме, дадаизме, сюрреализме и аналогичных направлениях. М. Бахтин, Вопросы литературы и эстетики, Москва, 1975, стр. 90–91.

"Надо изменить отношение к поэтическому языку, который превратился в мертвый диалект, лишенный живого развития, живой игры. Надо было или создать новое косноязычие, новую дикую речь, или освободить традиционный поэтический язык от оков символизма и привести его к новому равновесию. Иначе говоря – встал вопрос о революции или эволюции. ... Они (т.е. акмеисты – А.Х.) не порывали с традициями высокого искусства и смотрели на себя не как на разрушителей символизма, а как на его непосредственных продолжателей и законных наследников. Власть символистов ослабела, явились признаки поэтической анархии – надо было отказаться от изжитых традиций, заменить их другими, освободиться от теоретических предрассудков и таким образом создать новый порядок, новое равновесие." Б. Эйхенбаум, О поэзии, Ленинград, 1969, стр. 81–82.

"Упорные поиски такого слова, в котором ничто не устоялось, где все было выведено из словарных и символических ассоциаций, все неопределенно, и составили содержание важнейшей части акмеистической деятельности." "Русская семантическая поэтика...", стр. 61.

¹⁸ М.В. Панов, Стилистика, стр. 102.

Сужение объема контекста, и тем самым ассоциативной сферы метафорически осмысленного слова, закономерно приближало поэтическое слово к своему предметному значению. Но в этом же суженном контексте должно было осуществиться и высвобождение слова из сети устойчивых значений, создание семантического простора для свободного выбора им актуального значения из множества виртуальных значений.¹⁹

Совмещение этой двойной задачи было возможно только при изменении внутренней семантической структуры контекста, при растяжении пути и при изменении направленности движения между предметно-назывным и вторично-ассоциативным значениями поэтического слова.

В поэтике символизма метафорическая связь двух сопоставляемых смысловых рядов заранее задана, их синхронное совмещение реализовано уже в зачине текста. Разгадка природы этой связи не требует ассоциативной активности поскольку она покоится на устойчивых, условных значениях.

Метафорически осмысленное слово при прогрессивно-поступательном движении контекста (которому соответствует песенно-нарастающий композиционный ход) движется по ассоциативно-синонимической цепи парадигматической оси текста. В ходе этого движения основной, заданный смысл углубляется, обрастая все новыми побочными ассоциациями. Но к каким бы широким семантическим полям ни вели эти ассоциации, они всегда остаются в обязательном ряду синонимии.

¹⁹ "Суть этих преобразований в создании семантической неопределенности, при которой элементы поэтического текста оказываются (в отношении семантических характеристик их) как бы "взвешенными", неприкрепленными, и в последующем использовании этой неопределенности для свободного творения нового смыслового мира, для свободного диалога с читателем, который погружаясь в этот постулируемый автором новый смысл, сохраняет несравненно большую возможность интерпретирования, чем это имеет место обычно... Слово как бы рождается заново и вольно выбрать себе нужное значение в зависимости от общего задания текста." "Русская семантическая поэтика...", стр. 61-62.

Цепь ассоциативно-синонимического движения слова так же бесконечна, как и бесконечно растяжимы границы контекста. Контекст совмещает в себе все более широкие семантические поля, и в конечном итоге его границы становятся столь же открытыми, как и границы поэтической модели мира.

Вторичное метафорическое значение слова, двигаясь по ассоциативной цепи, все более удаляется от своего предметного значения, и включаясь в все расширяющийся, бесконечный ряд синонимии, полностью отрешается от своего "тела-носителя".²⁰

В поэтике акмеистической освобождение слова от своей историко-культурной "оговоренности" сопровождается переосмыслением связи между предметным и метафорическим значениями слова, и это отражается не только в восстановлении их равноправия, но и в структурном преобразовании их взаимоотношения.

В семантической структуре ранних стихотворений А. Ахматовой направленность движения между предметно-назывным и вторично-метафорическим значениями слова становится диаметрально противоположной по отношению к поэтике символизма.

Вторичное, метафорическое значение слова движется не от предметного значения, постепенно удаляясь от него, а к предметному значению, следуя законам семантического движения контекста, который возвращает "отрешенное" вторичное значение к своему предмет-

²⁰ "Слово у поэтов этой школы (т.е. символизма - А.Х.) включено в бесконечный "парадигматический ряд": оно имеет безграничное число синонимов, так как значение его в стихе допускает неопределенное количество переосмыслений. Его синтагматические связи ослаблены, оно существует при нейтрализованном контексте." М.В. Панов, Стилистика, стр. 101.

ному носителю. 21

Ассоциативное поле предметных символов не шире, чем это позволяют границы контекста, но путь "возвращения" метафорического значения к своему предметному носителю настолько растянут внутренними структурными свойствами контекста, что возникает иллюзия широты семантического простора и свободного движения в нем слова.

Как уже было отмечено, в зачатке текста возникает "метафорическая загадка", но метафорическая связь сопоставляемых смысловых рядов не реализована. Предметные слова как будто остаются тождественными своему первичному, назывному значению. А семантическая сеть вторичного, метафорического значения возникает не путем ассоциативного приращения, идущего от предметного значения, а как бы независимо от него, на синтагматическом уровне текста, путем семантического взаимодействия соотнесенных словесных единиц. Таким образом, прогрессивно-поступательное движение текста создает семантическую сеть "блуждающего" вторично-метафорического значения, "ищущего" своего предметного носителя.

В пределах контекста, слово имеет безграничные возможности свободного творения смысла, направление его движения не ограничено синонимической прикрепленностью только к одной ассоциативной цепи. Создается та сфера "семантической неопределенности", та "игра двойственностью возможных эмоциональных впечатлений у воспринимающего", ²² в которой происходит переосмысление семантичес-

21 "Преодоление символизма" в творчестве Ахматовой выражалось, в частности, не в отказе от использования символа, но в ином подходе к нему. В поэтике символизма всякий предмет (потенциально или реально) становится знаком другого предмета или явления, его отражением, структурным отпечатком. Иными словами, поэтика символизма утверждала непрерывность и многоступенчатость отсылки от одного к другому, проектировала предмет в бесконечность....

В противоположность этому, у Ахматовой (как и у многих других поэтов постсимволистской формации) символ не проектировался в бесконечность, знаковая ситуация имела свой порог, предмет без труда поддавался авторской оценке. Символ Ахматовой отсылает нас не к другому символу, но непосредственно к представлению о предмете или событии, с которыми данный художественный знак связан синтагматическим отношением". И.П. Смирнов, К изучению символики Анны Ахматовой (Раннее творчество). В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы, Ленинград, 1971, стр. 286-287.

22 "Русская семантическая поэтика..." стр. 61; В.В. Виноградов, О поэзии Анны Ахматовой, стр. 72.

кой структуры слова.

Однако это свободное "блуждание" вторично-метафорического значения в семантическом просторе текста, и вместе с этим семантическая неопределенность всей словесной структуры выдержаны только до концовки прогрессивно-поступательного композиционного хода, с этой точки направления движения "блуждающего значения" строго регулировано, предписано семантическим движением контекста. Именно на той точке, где кульминирует ассоциативная насыщенность текста, где возникает ожидание семантической разрядки, границы контекста замыкаются, направление его движения принимает обратный ход, и "отрешенное" вторичное значение отсылается к своему предметному носителю.

Такая модель семантической структуры поэтического слова в одинаковой мере говорит и о его "свободе" и о его "рабстве".

Структурное преобразование контекста, растяжение пути возвращения вторичного значения к своему предметному носителю создают иллюзию свободного простора движения слова. На самом же деле, ассоциативная цепь, по которой движется слово, резко укоротилась, стала одноступенчатой; стал длиннее только процесс восприятия контекста и вместе с тем и путь восстановления обратной структуры слова.

Таким образом, термин ассоциативность, применительно к поэтике Ахматовой не может означать ассоциативный способ поэтического мышления, а только ассоциативный способ восприятия текста, то есть повышенную активность ассоциативного мышления читателя, продиктованную закономерностями семантической структуры целостного контекста как системы.

Границы семантической сферы контекста сузизись, равно как и объем поэтической модели мира. При таком контексте возможна только обратная направленность движения между предметным и вторичным значениями слова, соотношение между которыми таким образом стали

более интенсивными. 23

Ассоциативный способ восприятия текста означает и ассоциативный путь реализации метафорической образности.

Конечный результат восстановления контекста как системы и есть реализация той метафорической образности, которая в самом тексте существует на уровне виртуальности, как "метафорическая загадка", и которая реализуется путем совмещения двух смысловых рядов как единый синхронный акт образного значения только в ассоциативном восприятии.

Эта синхронность двух рядов значений не дана в самом тексте, там сопоставленные ряды только смыкаются, ее реализация предполагает восстановление "надтекстовой системы" в читательском восприятии.

Такой способ реализации метафорической образности поэзии А. Ахматовой воспринимался как собственно "неметафоричность" поэтического стиля.

Метафорическая образность, как правило, предполагает полное взаимопроникновение двух смысловых рядов, связь между которыми дана, как их органическое слияние. При явной реализованной метафоричности, ассоциативная активность восприятия требует для восстановления множественности значений, индуцируемых образом.

В поэтике же А. Ахматовой вся ассоциативная активность восприятия израсходована на поиски метафорической связи, на разгадку ее природы, чтобы реализовать единственное актуальное значение из множества возможных.

Реализация этого единственного актуального значения, заданного темой, происходит при регрессивно-семантическом восприятии текста, продиктованного структурным движением контекста.

23

"Изменилось отношение к слову. Словесная перспектива сократилась, смысловое пространство сжалось, но заполнилось, стало насыщенным. Вместо безудержного потока слов, значение которых затемнялось и усложнялось многообразными магическими ассоциациями, мы видим осторожную, обдуманную мозаику. Речь стала скупой, но интенсивной... принцип экстенсивности, пользующийся ассоциативной силой слова, отвергнут Ахматовой. Слова не сливаются, а только соприкасаются - как частицы мозаичной картины. Именно поэтому они обнаруживают перед нами новые оттенки своих значений". Б. Эйхенбаум, О поэзии, Ленинград, 1969, стр. 87-88.

Эта закономерность семантического движения, получающая отражение и в сюжетно-композиционном движении, отмечена в работе В.В. Виноградова, как черта, свойственная семантической структуре определенных типов ранних стихотворений А. Ахматовой. Однако, эта закономерность должна быть более общей. Она должна распространяться не только на акмеистическую поэтику в целом, но и на другие явления поэзии 10-х годов.

К такому предположению приводит нас работа Б.А. Ларина "О лирике, как разновидности художественной речи". Б.А. Ларин разбирая семантическую структуру одного стихотворения В. Хлебникова, выводит эту же общую закономерность, как характерную для поэтики футуристов. ²⁴

24

Немь лукает
луком
немым

В

закричальности
зари!

Ночь роняет душам

темным

Клича старые: гори!

(В. Хлебников. Сб. "Требник троих". М., 1913, стр. 18)

... - по тенденции обратного семантического соединения в стихотворении - "немь" осмысливается применительно к "ночь", как природное, стихийное и конкретное понятие. Здесь-то и сказывается действие "ожидания новизны", - мы образуем представление "немь" как новое, и притом в данных условиях контекста, оно становится семантическим ядром стихотворения, на нем сосредоточивается смысловой эффект всех выразительных элементов его. Я указал выше, что в этом стихотворении ощутимо убывание неологизмов - и знакового и семантического порядка. Эстетическая целесообразность такого убывания в том, что мы вынуждены в понимании стихотворения идти с конца к началу, - и это характерно для футуристов. У них преобладает регрессивный, обратный семантический ход, тогда как у символистов, например, чаще встречаем смысловое нарастание, обогащение концовки смысловым эхом передних стихов. При обратном ходе, как в данном случае у Хлебникова, семантической доминантой только и может оказаться зачин, неясное сперва "немь". Б.А. Ларин, О лирике, как разновидности художественной речи. Русская речь; Новая серия, вып. 1., Ленинград, 1927, стр. 47-53.

Исследование конкретных модификаций этой общей закономерности семантической структуры в произведениях поэтов, принадлежавших к разным течениям поэзии постсимволистской поры, могло бы служить одним немаловажным аспектом к типологическому рассмотрению развития русской поэзии 10-х годов.

Закономерность структуры стихотворения В. Хлебникова, описанная Б.А. Лариным, согласно которой в результате регрессивной переоценки текста семантической доминантой стихотворения становится высказывающий самую большую семантическую неопределенность при прогрессивном ходе зачин, полностью проявляется и в семантической модели стихотворения Ахматовой "Высоко в небе облачко серело". При регрессивном восприятии текста на предметно-реальный ряд на-слаивается ассоциативно-психологическая реальность, в итоге чего предметные реалии переводятся в символический план.²⁵

Это обратное семантическое движение сопровождается восстановлением непрерывности текста, "выпрямлением" сюжетной линии, и этим самым и восстановлением "предыстории" ситуации, закреплённой в тексте.²⁶

Описание такой модели текста, где предыстория ситуации включена в структуру построения самой ситуации, и таким образом текст индуцирует эту предысторию, как надтекстовую систему и внетекстовую реальность, принадлежит Р.Д. Тименчику, и получило место в

²⁵ См.: И.П. Смирнов, Причинно-следственные структуры поэтических произведений. В кн.: Исследования по поэтике и стилистике, Ленинград, 1972, стр. 224.

²⁶ См.: "Русская семантическая поэтика ..." стр. 56.

уже указанном коллективном труде. ²⁷

Если такую модель построения текста в сюжетно-композиционной структуре жанра рассмотреть не только с точки зрения поэтической, но и как отражение определенной "психологической структуры", то раскрываются закономерности, свойственные поэтическому сознанию Ахматовой, и таким образом указующие ее место в пределах общей поэтической программы акмеистов.

при любой модификации внешней сюжетно-композиционной схемы, временной отрезок, охваченный композицией, равен мигу. Однако подчеркивая этот факт, мы еще не определили специфику поэтического мироощущения Ахматовой, ведь в любом, по своей жанровой специфике лирическом стихотворении момент "лирической концентрации" определяет закономерности развития лирического сюжета, принципы отражения в нем эмпирических фактов жизни. ²⁸

²⁷ "Если перейти к самому поэтическому тексту, то и он трансформируется Ахматовой таким образом, чтобы стать способным вместить в себя новые элементы при сохранении объема. Эта задача чаще всего достигается таким изменением композиции, при котором большая часть сюжета выносится за скобки, переводится в предысторию, в той или иной степени восстанавливаемую по наличному тексту. Характерно, что Ахматова не раз подчеркивала как большое новаторство, предвосхитившее достижения романа XX века именно такое построение романов Достоевского (особенно *Идиот*, *Бесы*), при котором предполагается большая предыстория. При этом она же подчеркивала, что Достоевский трактовал роман как психологический комментарий к роману. Говоря о "головокружительной краткости" "Каменного гостя", Ахматова, конечно, имела в виду прежде всего такое построение текста, при котором многое переведено в предысторию, во-первых, и эта предыстория экономно упрятана в сам текст, во-вторых." "Русская семантическая поэтика...", стр. 76-77.

²⁸ Сюжет таким образом, разворачивается не своим естественным путем, не первично, а отраженно, через переживание героя, который, с точки зрения перспективы изображения, находится в некой фиксированной пространственной точке, соответствующей в психологическом плане состоянию лирической концентрации. ... Время протекания лирического сюжета заменено, таким образом, в стихотворении временем его переживания, точно так же как стихотворение непосредственно передает не самый сюжет, а переживание этого сюжета лирическим "я", почему оно в идеале и способно по краткости приближаться к мгновению". Т.И. Сильман, Семантическая структура лирического стихотворения (к проблеме "моделей жанра"). В сб.: *PHILOGICA*, Ленинград, 1973, стр. 418-419.

В статье Т.И. Сильман ставится вопрос об идеальном в эстетическом смысле месте "основной точки отсчета", о том, "где для данной определенной темы, для данного сюжета кроется решающий момент "лирической концентрации", находящей свое объективное выражение в структуре стихотворения?".²⁹ Т. И. Сильман как идеальный вариант расположения момента для "основной точки отсчета" устанавливает "некое срединное, "переходное" положение, когда яркость жизненно-непосредственного переживания предмета уже способна сочетаться с итоговым постижением его сути."³⁰

Стихотворения Ахматовой рождаются, когда чувственный процесс прерывается, когда чувство превращается в бессобытийное "молчанье", здесь и наступает момент его лирического осмысления. Поэтому "основная точка отсчета" в ее стихах есть не один из этапов развития чувства, а его конечный предел, откуда открывается только временная ретроспектива, но не перспектива. Поэтому и ранние стихи Ахматовой имеют только обратную перспективу, напряженность "лирической концентрации" настоящего момента направлена в прошлое, устремлена в глубь памяти, откуда восстанавливаются истоки наступившего "любовного молчанья", чтобы постичь его причины, чтобы вывести из них итог.

Так как аналитическое просвечивание "истоков" настоящего момента происходит во внутренней сфере памяти, оттуда восстанавливается только "психологическая предыстория" настоящего момента, ведь лирический субъект из прошлого выделяет только те факты, которые ассоциируются с настоящим, то есть, в психические и эмпирические факты прошлого проектируется трагический "итог" настоящего момента, и таким образом они превращаются в мнимые "причины" неотвратимости наступившего момента. Так возникает иллюзия "диалектики души".

Именно с исключительно интроспективной направленностью психологической перспективы связана и безвыходность анализа прошло-

²⁹ Там же, стр. 419.

³⁰ Там же, стр. 419.

го. 31

Таким образом, закономерность композиционного построения, которая заключается в том, что в структуру изложения ситуации настоящего момента включена и предыстория этого момента, с точки зрения психологической структуры стихотворения и означает, что в настоящем реализуется только то, что существовало уже в прошлом как предчувствие, память осознает неотвратимость наступления того, что было заложено уже в предыстории. Познание истины есть память о том, что совершившееся в настоящем было предопределено.

Но строгая детерминированность совершившегося в настоящем не сразу становится однозначной, во внутреннем просторе поэтического мира согласно двойственности временной перспективы открывается и двойная психологическая перспектива.

Пока выдержана иллюзия, что временная перспектива и этим психологический ракурс стихотворения направлены из прошлого в будущее, предчувствие, объективированное в чужом голосе воспринимается как предугадывание, как познавательный акт, устремленный в будущее.

Но при хронологической и семантической переоценке композиции принимает обратное направление и ее психологическая перспектива, и становится явным, что в этом, направленном в глубь сознания мире, существует единственная форма познания, память, и предугадывание таким образом превращается в предсказание, в пророчество.

Итак, психологическая структура уже самых ранних стихотворений Ахматовой моделирует одну из центральных тем ее поэзии, тему трагических пророчеств, предсказания роковых бед. В поэтическом мире, где все происшествия заранее детерминированы, любой взгляд в будущее может быть только пророчеством.

Поскольку внутренний простор ахматовского художественного мира ограничивается лично-биографической памятью, выведенные из

31 "... "трагическое" находит многообразное проявление в лирике Ахматовой. Оно выражается прежде всего в психологической заостренности отдельных лирических моментов, их внутренней безысходности, что приближает поэтессу к трагизму отчаяния." Н.И. Аргуховская, О драматизме ранней лирики Ахматовой. "Вестник Московского университета"; 1974, № 4, стр. 23.

предыстории "итоги" не могут снять трагизм настоящего, наложение друг на друга два временных плана принадлежат той же психологической реальности, движимы теми же закономерностями, поэтому чем сильнее аналитическая устремленность памяти-познания, тем явнее безысходность, тем острее драматизм поэтического мира.

Закономерность ранней поэзии Ахматовой, заключающаяся в том, что вся напряженность лирической концентрации направлена в глубь памяти, должна быть освещена и в другом аспекте. Поэтическая память спасает переживание от исчезновения, в композиции произведения объективирован именно этот акт памяти, увековечивающий эфемерные душевные переживания, проявляющие тенденцию к самозамыканию, к сужению до мига, к выпадению из времени. Таким образом в поэтическом мире Ахматовой, как и в художественном мире Мандельштама, искусство, акт творения, остается единственным способом "удержания" времени, жизни.

32
Такое понимание творческого акта имеет свои предпосылки не только в особенностях художественного мира Ахматовой, но и в общих закономерностях развития русской поэзии начала века в целом.

В поэзии символистов индивидуально-лично пережитое расширяется до переживания трансцендентальных сущностей, границы поэтического сознания расширяются до границ мира, понятого, как мир трансцендентный.

В поэзии же Ахматовой границы мира сужаются до границ поэтического сознания, скорлупа модели мира и скорлупа поэтического сознания совпадают, все что не входит в "державу" поэтического сознания-памяти, не входит и в мир. Широта поэтической модели мира зависит от широты внутреннего пространства памяти.

Здесь должно быть еще отмечено, что все "равновесие" и "вещность" поэтического мира Ахматовой, которые были отмечены в 10-е

32 "Память - верность, противопоставляемая забвению - измене /.../ в семантической системе Ахматовой приобретает значение основной конструктивной положительной ценности. Сохранение воспоминаний является залогом непрерывности и преемственности жизни, становится утверждением реальности существования. Жизнь предстает в виде совокупности воспоминаний, отбираемых сознательно /.../". "Русская семантическая поэтика...", стр. 51.

годы современной ей критикой, как отличительные черты ее поэзии, есть вещьность и предметная осязаемость мира памяти, внутреннего простора сознания, а не вещьность предметно-реального, наличного мира.

Внутренняя драматичность лирической композиции в ранней поэзии Ахматовой связана еще с тем, что нарушена гармоническая завершенность тематического движения, обобщающее осмысление индивидуально-пережитого не способно к реализации.³³ Поэтому "основная точка отсчета" зафиксирована в предельной позиции чувственного процесса, момент "постижения истины" не сопровождается переходом от непосредственно пережитого к его обобщающему итогу, т.е. выходом за пределы временных и психологических границ данного момента, "постижение истины" не больше чем принятие неизбежности наступившего момента.

Обобщающий итог переживания заменен многосторонним его анализом, в направленности которого заложена трагическая безысходность, и эта безысходность находит отражение в психологической осложненности изображения.

Доминирующая роль аналитического элемента в изображении переживания в стихотворениях Ахматовой есть признак стремления лирического субъекта обобщить свой душевный опыт, но в то же самое время, есть и признак нереализованности этого стремления. Аналитическая устремленность авторской позиции является только заявкой на рефлексивно-медитативное осмысление лирического переживания, но не ее реализацией.

33 "... в случаях, когда лирический сюжет укладывается в один какой-либо краткий отрезок, скажем, настоящего времени, "основная точка отсчета" естественнее всего устанавливается там, где в семантическом движении стихотворения, в его тематическом развитии происходит перелом от чувственно-конкретного, единичного к общему, от внешнего к внутреннему, от случайного к закономерному, т.е. непосредственно перед моментом "постижения истины". Т.И. Сильман, Семантическая структура лирического стихотворения, стр.421.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

М. Хармат

Изучение литературы XVIII века — приблизительно до середины нашего столетия — занимало в русском и советском литературоведении менее важное место, чем изучение литературы более ранних или более поздних эпох. Отношение русских литературоведов к литературе XVIII века как к литературе второстепенной начинается уже с Белинского. Он и его современники были настолько заняты политической, идеологической и эстетической борьбой своего времени, что они не давали объективной оценки прошлому, особенно не очень далекому прошлому¹. Белинский высоко ценил демократическую и республиканскую античность; французский классицизм он считал лишь формальным подражанием античной литературе, русский же классицизм, отождествляемый им с русской литературой XVIII века, представлялся ему "привозным растением", не имевшим органической связи с другими литературными явлениями русской жизни. Это выразилось в частности в самом термине "псевдоклассицизм" ("ложноклассицизм"), и русская литература XVIII века долгое время рассматривалась в пределах этого схематического представления.

Буржуазные литературоведы конца XIX — начала XX веков собирали богатый материал для изучения русской литературы XVIII века (напр. работы А.Н. Пыпина, С.А. Венгерова, А.Н. и Ю.А. Веселовских, В.В. Сиповского и др.), но вследствие известных историко-политических причин разработка их исследований на основе марксизма началась только со второй половины 30-х годов. В 1934 году, когда заниматься литературой прошлых столетий уже не считалось формой уклонения от решения задач советской литературной критики, при Институте русской литературы была организована группа по изучению литературы XVIII в. Руководителями и

¹ Szőke György — T. Halász-Mária, A XVIII. század orosz irodalma az újabb szovjet irodalomtörténeti kutatások tükrében. Irodalomtörténeti Közlemények (ItK), 1969, 2/3.

самыми выдающимися представителями этой группы были Г.А. Гуковский и П.Н. Берков². Во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы многостороннее и фактическое исследование литературы XVIII века временно прекратилось. Авторы 40–50 годов, как нам кажется, только повторяют определенные взгляды Г.А. Гуковского. Все, что в суждениях Г.А. Гуковского появляется как необходимая тенденция, в этих многочисленных схематических вариантах становятся догмой. Г.А. Гуковский своими трудами, написанными в 30 годы, положил начало новой эпохе в изучении русской литературы XVIII века. Гуковский, с одной стороны, должен был опровергнуть распространенное, слишком одностороннее мнение литературоведов дореволюционного периода, заключавшееся в том, что мировая слава русской литературы XIX века коренится в произведениях Карамзина-европейца, и, с другой стороны, подчеркивая огромную роль Радищева и русского Просвещения в развитии революционной мысли в России, выступить против тех теоретиков молодой советской культуры, которые смотрели на традиции прошлого лишь как на тягостное наследство, которое, по их мнению, подлежало уничтожению. В результате этой "борьбы на два фронта" Г.А. Гуковский часто преувеличивает идейные и художественные заслуги демократического лагеря и Радищева, резко противопоставляя им Карамзина и других так наз. дворянских сентименталистов. При этом, однако, Г.А. Гуковский, анализируя конкретные произведения сентименталистов, глубоко понимает и объективно оценивает их художественные достоинства. Он приходит к выводу, что "Державин, Радищев, Фонвизин, Крылов и даже Карамзин... — все они внесли свою долю при построении Пушкиным системы реалистического мировоззрения в искусстве,.... и в проблемах созидания языка и стиха, и в проблемах... социального мышления вообще"³. Но критики 50-ых годов не восприняли от Г.А. Гуковского ни тонкого разбора деталей, ни синтезирующего подхода к творческому на-

² Проблемы историографии русской литературы XVIII века подробно излагаются в книге П.Н. Беркова "Введение в изучение истории русской литературы XVIII века", Часть I, Л., 1964.

³ Г.А. Гуковский, Очерки русской литературы XVIII века, Л., 1938, стр. 313–314.

следию писателей и поэтов XVIII века. Только поляризация, не полностью соответствующая фактам, но объяснимая и понятная в концепции Гукковского, получает у них окончательное оформление.

Так, например, по мнению Л.И. Тимофеева, в русской литературе последних десятилетий XVIII века друг с другом борются представители двух течений: "консервативные сентименталисты" и "прогрессивные реалисты".⁴ А.Н. Соколов различает две основные линии в развитии русской литературы рассматриваемого периода: "русское просветительство" и "дворянский сентиментализм". Обе линии, по его мнению, были направлены против "дворянского классицизма".⁵ В статье Г.П. Макогоненко, вышедшей в свет в 1960 году, также высказывается подобное мнение о литературном развитии 80-ых годов: "Все предвещало расцвет просветительской литературы, новые успехи складывающегося в России реализма". Но "естественный ход развития передовой литературы был насильственно оборван..." именно тем, что наступил период господства дворянского сентиментализма.⁶

В этих и других работах такое разделение оказывается слишком "жестким", в некоторых случаях даже ошибочным (оно осуществляется с точки зрения разных принципов), что мешает понять сущность и истинный ход развития русской литературы XVIII века вообще и особенно литературы последней трети столетия. Авторы указанных и подобных концепций не делают различия между идеологией и литературными стилями эпохи. Они не обращают должного внимания на то, что просветительская идеология, воздействие которой является отличительной чертой русской литературы всего XVIII века, может выражаться и выражается с помощью элементов классицизма (напр., в сатирах Кантемира, в одах Ломоносова, в комедиях Фонвизина и др.), сентиментализма (напр., в произведениях Карамзина, Радищева, Николая Смирнова) и с помощью элементов реализма (напр., в творчестве Фонвизина, Радищева, Новикова, Крылова и др.).

⁴ Л.И. Тимофеев, Основы теории литературы, изд. 4, М., 1971, стр. 413-414.

⁵ А.Н. Соколов, Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века, М., 1955, стр. 254-255.

⁶ Г.П. Макогоненко, Были ли карамзинский период в истории русской литературы? "Русская литература", 1960, № 4, стр. 4.

Проблема осложняется тем, что литературоведы 50-ых годов дают оценку явлениям XVIII века с точки зрения своего мировоззрения и на основе проблем и задач своего времени, не считаясь с возможностями и фактами той эпохи. Радищев, со своим требованием народной революции, им более близок, чем другие писатели XVIII века, поэтому они оценивают, напр. Карамзина, с точки зрения своего понимания Радищева, а не с точки зрения тогдашней русской действительности. Они исключают Карамзина как "реакционера" из лагеря просветителей, забывая о том, что именно он выступил во имя разума и справедливости за страдавших в тюрьмах и в ссылках прогрессивных мыслителей (ода "К милости", 1792), и не принимая во внимание статей Карамзина в "Вестнике Европы", освещающих республиканские темы полностью в духе просветительской идеологии⁷. Этому не противоречит, конечно, отрицательное отношение Карамзина к кровавым событиям французской революции, как вообще ко всяким насильственным выступлениям человека против человека. В этом отношении Карамзин, однако, отнюдь не стоит особняком среди русских просветителей. Для самого Радищева образцом является не французская революция⁸ и не пугачевское восстание⁹.

⁷ См. П.А. Орлов, Республиканская тема в журнале Карамзина "Вестник Европы", НДВШ, ФН, 1969, № 3.

⁸ "Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, цензура во Франции не уничтожена... Мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступаая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания... О Франция! Ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей" (А.Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Гл. "Торжок", М.-Л., 1961, стр. 120.)

⁹ "В бывшее пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, некие крестьяне... связав своего господина, везли его на неизбежную казнь... Глухие крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! Но почто не поведали вы сего законным судиям вашим?... Но крестьянин в законе мертв... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет". (Там же, Гл. "Едрово", стр. 79).

Исходя из того факта, что Карамзин—"реакционер" был сентименталистом, некоторые литературоведы пришли к выводу, что Радищев—"революционер" не мог иметь ничего общего с сентиментализмом, или же писали о сентиментализме Радищева как о своего рода грехе, который можно извинить. А русский просветитель и сентименталист Николай Смирнов (Даурец Номохон), происходивший из крепостных крестьян и много страдавший от феодального произвола, совсем не укладывался в шаблоны. О нем молчали.

Изучая проблемы развития русского реализма, вышеназванные критики не считались и с тем фактом, хотя Гукровский не раз подчеркивал это, что русская реалистическая литература XIX века опиралась не только на сатирическую критику действительности у Фонвизина, Новикова и Радищева, но и на тонкие психологические наблюдения и их точное языковое оформление у сентименталистов.

С конца 50-х годов, в полном соответствии с политическими, культурными и другими изменениями в СССР, начался новый период в изучении русской литературы XVIII века: догматизм постепенно заменялся требованием фактичности в анализе литературных произведений и в раскрытии литературных процессов. Начались дискуссии по вопросам литературы. В 1959 году в Ленинграде состоялась конференция, центральной проблемой которой явился вопрос о взаимосвязи просветительства и русской литературы XVIII века, а именно — хронологические границы, содержание и возможности художественной передачи идей русского просветительства и Просвещения. Споры, конечно, не решили вопросы окончательно (некоторые проблемы не решены и до наших дней). Их значение заключается в том, что — наряду с раскрытием все новых и новых фактов — они выяснили основную разницу в концепциях, в содержании отдельных важных терминов.

Начиная с этого времени, одна группа литературоведов придерживается того мнения (разделяемого и нами), что просветительство — это идеология определенной эпохи, находящая свое выражение в литературных произведениях посредством различных стилей: классицизма, сентиментализма, реализма, и вследствие своеобразного развития русской литературы, — посредством элементов Ренес-

санса и барокко. Романтизм оказывается также не полным отрицанием Просвещения, как раньше считали, а скорее продолжением его, но уже в рамках новой эпохи ¹⁰.

По мнению других литературоведов, просветительская идеология создает свой стиль, который они называют "просветительством", или чаще "просветительским реализмом". Вопрос о просветительстве как о самостоятельном литературном стиле по отношению к русской литературе, был поднят в 1958 г. немецким профессором Э. Винтером ¹¹, предложившим поместить его между барокко и романтизмом ¹².

В 1959 году, на вышеупомянутой ленинградской конференции в концепции Ю.М. Лотмана "просветительство" как литературный стиль заняло свое место между классицизмом и романтизмом ¹³, а Г.П. Макогоненко называл его "просветительским реализмом", параллельно с которым он признавал и существование сентиментализма ¹⁴.

В 1966-67 гг. в номерах журнала "Филологические науки" ^{НДВШ} споры шли уже не о существовании просветительского реализма, а о его характерных чертах ¹⁵. В книге "Развитие реализма в русской литературе" ¹⁶ Н. Степанов убедительно доказывает, что просветительская идеология находит свое отражение в разных литературных

¹⁰ А. Дмитриев, Романтизм и Просвещение - борьба или взаимодействие? "Вопросы литературы", 1972, № 10. Sótér István, Az ember és műve, Бр., 1971, 121.

¹¹ См. П.Н. Берков, Основные вопросы изучения русского просветительства. Сб. "Проблемы русского Просвещения в литературе 18 века", М.-Л., 1961, стр. 24.

¹² E.W. Winter, Die Aufklärung in der Literaturgeschichte der slawischen Völker. Сб. "Славянская филология", III, М.-Л., 1958, стр. 291.

¹³ Ю.М. Лотман, Просветительство и реализм. Сб. "Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века", М.-Л., 1961, стр. 159.

¹⁴ Г.П. Макогоненко, К истории русского Просвещения и реализма XVIII века. Указанный сборник, стр. 173-189.

¹⁵ ^{НДВШ}, "Филологические науки", 1966, № 2, 1967, № 3, № 4.

¹⁶ Развитие реализма в русской литературе. т. I, М., 1972., Гл. "Просветительский реализм".

стилях: в классицизме, сентиментализме, и даже в романтизме, но в самой концентрированной форме — и это является спорным моментом в его концепции — в просветительском реализме как в самостоятельном литературном стиле. Н. Степанов перечисляет "отличительные признаки" просветительского реализма¹⁷, но именно они заставляют нас сомневаться в самостоятельности этого стиля, ибо среди них нет ни одного признака, который не был бы присущ и другим стилям: или реализму вообще (напр., изображение действительности в ее конкретной данности, в ее социальном качестве, объяснение действий и поступков человека непосредственным влиянием среды), или классицизму (напр., показ характеров в их односторонней, одноплановой данности, неизменность характеров, дидактизм автора, сатирическое изображение действительности, рациональное построение самой разнообразной структуры), сентиментализму (напр., моральный критерий общественных явлений, простейшие формы сюжетной организации в прозаических жанрах: очерк, анекдот, авантюрно-нравоописательный роман; наиболее распространенная жанровая форма: роман воспитания или "путешествие", имевшее ту же воспитательную функцию).

Все перечисленные Н. Степановым признаки (вместе со многими другими свойствами) характерны не для одного стиля, просветительского реализма, а для литературы целой эпохи, для просветительской литературы.

Определение русского просветительства как идеологического течения, проблемы его периодизации, объяснение Просвещения как одного определенного этапа просветительства были до сих пор наиболее ярко представлены в вступительном докладе П.Н. Беркова на ленинградской конференции 1959 года¹⁸. П.Н. Берков определил и литературные стили, посредством которых идеи просветительства отражаются в литературе отдельных этапов. В концепции Беркова,

¹⁷ См. там же, стр. 67-68.

¹⁸ П.Н. Берков, Основные вопросы изучения русского просветительства. Сб. "Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века", М.-Л., 1961.

в целом весьма убедительной, встречаются два на наш взгляд - спорных момента: во-первых, вопрос о хронологических гранях русского просветительства, во-вторых, вопрос о классицизме в русской литературе.

I) По аналогии с французской революцией, которая явилась естественной и закономерной границей для французского Просвещения, Берков считает книгу Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" таким же диалектическим "снятием" русского Просвещения 60-80 годов (четвертый, последний этап русского просветительства по концепции Беркова). "Тем самым - пишет Берков - просветительство переставало существовать как просветительство и перерастало в революционный демократизм" ¹⁹.

С такой точкой зрения мы не можем согласиться потому, что революционная практика во Франции в радикальной форме наносила удар Просвещению и просветительской идеологии вообще. В России, однако, такой практики не было. В эпоху подавления крестьянского восстания Пугачева даже теоретическое требование народной революции казалось очень далеким самому Радищеву ²⁰. Его "Путешествие" означало конец русского Просвещения только в том смысле, что после появления этой книги Екатерина II уже открыто выступила против прогрессивных мыслителей. Но просветительская идеология (про-

¹⁹ Указ. работа, стр. 16.

²⁰ См.: "...О! если бы рабы тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашу обогрили нивы свои!... Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие". ("Путешествие", Указ. изд., Гл. "Тородня", стр. 141).
 "О! горестная участь многих миллионов! Конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих..." (там же, Гл. "Черная грязь", стр. 152).

светительство) не переставала существовать и распространяться в России даже в XIX веке – сначала в форме просветительства, а потом сливаясь с революционным демократизмом, с идеями народничества, и следы просветительства везде обнаруживаются в литературе XIX века (напр. в идеях альтруизма, самоусовершенствования и т.п.).

2) В вышеназванной статье П.Н. Берков справедливо указывает на то, что в первый и второй периоды русского просветительства / то есть во второй половине XVII и в первой четверти XVIII века / в литературе господствующего стиля нет, т.е. просветительские идеи передаются не единственным литературным стилем, а комплексом стилей. То же самое касается и литературно-стилистического выражения четвертого периода, эпохи русского Просвещения (60–80 гг.). А третьему периоду (30–50 гг. XVIII века) – как считает Берков – соответствует классицизм, поэтому литературу предыдущих периодов просветительства Берков предлагает назвать суммарно "предклассицизмом", а литературу последнего периода – "постклассицизмом".

Литературные факты (напр., элементы Ренессанса и барокко в одах Ломоносова) свидетельствуют, однако, о том, что в русской литературе 30–50 гг. XVIII века классицизм является не единственным стилем²¹. А применение терминов "предклассицизм" и "постклассицизм" невольно приписывает классицизму центральное значение в русской литературе XVIII века, что приводит к новому упрощению проблем данной эпохи. Позднее, чтобы избежать терминологической путаницы и освободить литературоведение от традиционных "измов", которые мешают изучать факты и процессы развития национальной литературы во всей их сложности, сам П.Н. Берков предлагает "лечение радикальное, хирургическое": отказаться от понятия "русский классицизм XVIII века"²².

²¹ Tétényi Mária, A XVIII. század orosz költészete az új irodalomkutatások tükrében. Filológiai Közlöny, 1974, 3/4, 431–432.

²² П.Н. Берков, Проблемы изучения русского классицизма. "XVIII век", Сб. 6, М.-Л., 1964, стр. 28–29.

Отождествление русской литературы с русским классицизмом противоречит фактам; но полный отказ от термина "русский классицизм XVIII века" кажется нам также крайностью ²³.

В. Кожин в своей статье "О принципах построения истории литературы (методологические заметки)" ²⁴ также отказывается от понятия "русский классицизм" — но по совсем иным причинам, и с другим результатом. По мнению В. Кожина, XVIII век в России — это последний этап средневековья, своего рода подготовка русского Возрождения, расцвет которого Кожин относит к эпохе Пушкина и Гоголя; в русской же литературе XVIII века классицизма и Просвещения не было, ибо до Ренессанса для них реальной почвы в России быть не могло. После Ренессанса, по мнению Кожина, появляются и в России представители Просвещения (Белинский, Герцен, Щедрин, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов и др.), русские сентименталисты (молодой Достоевский, молодой Л. Толстой, молодой Тургенев) и представители романтизма (Лютчев, Достоевский, Глеб Успенский и др.).

В. Кожин ставит своей целью освободить русскую литературу от традиционных схем. Выполняя эту задачу, Кожин создает новые (правда, не обычные!) шаблоны. Кожин пользуется теми же традиционными категориями, против которых сам выступает. Не обращая внимания на истинный ход развития русского общества и русской литературы, Кожин исходит из западноевропейского опыта: так как в Западной Европе Возрождение в свое время занимало целую эпоху, это не могло быть иначе и в России. (Но в его аналогиях нет достаточной последовательности, ибо после Ренессанса в развитии русской литературы он не обнаруживает ни барокко, ни классицизма!).

Концепция В. Кожина, хотя она и называется неприемлемой ²⁵,

²³ См., Szöke György. — T. Halász Mária, Ук. статья, Itk, 1969, 2/3, 345.

²⁴ См. "Контекст. 1972", Литературно-теоретические исследования, М., 1973.

²⁵ См. "Дискуссию о принципах построения курса русской литературы", "Вопросы литературы", 1974, № 8.

имеет огромное значение в том смысле, что она в резкой форме обращает наше внимание на сложность комплекса вопросов о своеобразном характере русской литературы XVIII века. Правда, в России XVIII века не было движения "третьего сословия", отсутствием которого объясняет В. Кожин свой тезис об отсутствии реальной почвы для возникновения русского просветительства, но сознательного "третьего сословия" не было в России и в XIX веке. Несмотря на это, именно вследствие известного "прорубления окна" на Запад, уже с конца XVII века всеми мыслящими людьми, среди которых, конечно, численно преобладали дворяне, резко ощущалась крепостническая отсталость России. Это явилось главной предпосылкой для возникновения русского просветительства²⁶ для усвоения и распространения просветительских идей, среди которых центральное место занимала идея естественного равенства людей, вера в возможность и силу воспитания разума и сердца подданных и самого монарха. Для передачи, для художественного выражения этих мыслей не пригоден сам по себе ни один из перечисленных выше литературных стилей. Поэтому ни создание абстрактных схем "русский классицизм", "русский сентиментализм" и "русский просветительский реализм", ни полный отказ от них не приводит к прояснению понятий. Элементы различных литературных стилей вместе, в неразрывной связи друг с другом, выступают как художественные носители просветительской идеологии, определяющей характер русской литературы XVIII века.

²⁶ См., Е. Купреянова, И. Серман, В каком веке жил Державин? "Вопросы литературы", 1974, № 8, стр. 210.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ СКАЗ ИЛИ ОРНАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА?

(К проблематике романа Андрея Белого "Серебряный голубь")

К. Секе

Термин "сказ" особенно часто начинает употребляться в критической литературе, начиная с 20-х годов XX века, когда анализируется проза Гоголя, Лескова, Белого, Ремизова, Пильняка, Леонова, Зощенко и др.¹

Раскрывая содержание понятия "сказ", В.В. Виноградов в своей статье "Проблема сказа в стилистике" пишет следующее: "... часто сюжетная динамика новеллы оказывается преломленной в целом или своих отдельных частях сквозь призму сознания и стилистического оформления посредника-рассказчика (Medium). Тогда художественный мир автора представляется не как объективно воспроизведенный в слове, а как своеобразно отраженный в плоскости субъективного восприятия рассказчика или даже как преображенный в ряде странных зеркальных отражений."²

Рассказчик (Medium) — на его важную роль ссылаются и Б. Эйхенбаум и В. Виноградов в своих статьях — вносит разговорную речь (устную речь) или "иллюзию" устной речи в литературное произведение.³ Исследователи имеют в виду устную речь как народный язык. рассказчика, человека, близкого к народу, или язык, сходный с этим языком. Поскольку рассказчик — медиум, сквозь его сознание проходят все события, он представляет особый социальный взгляд на мир.⁴ В.В. Виноградов как раз и обращает внимание на то, что "не только новые формы словесных комбинаций, ощутимые остро на фоне ломки привычных семантических отношений, но и новые методы худо-

¹ См. статьи Б. Эйхенбаума: "Иллюзия сказа". — "Книжный угол", 1918, № 2.; Как сделана "Шинель" Гоголя. (Б. Эйхенбаум. О прозе. Ленинград, 1969, стр. 306-327) и В.В. Виноградова "Проблема сказа в стилистике". (Poetika I-V. Nachdruck der Ausgaben Leningrad 1926-29. München, 1970, стр. 24-40) и в новейшей критической литературе — статью Г. Белой "Проблема активности стиля". В сб. "Смена литературных стилей". Москва, 1974, стр. 122-178.

² В.В. Виноградов. Проблема сказа в стилистике. стр. 24.

³ Там же, стр. 27; Б. Эйхенбаум. Иллюзия сказа, стр. 10.

⁴ Г. Белая. Проблема активности стиля, стр. 142. (О сказе Лескова)

жественного преобразования мира создаются с помощью сказовых форм.⁵

В согласии с этим представлением "настоящим сказом" можно считать повествовательную форму Гоголя и Лескова, т.к. у них стремление внести в произведение народный язык сводится к изображению объективного, этнографически точного народного мира в произведении в целом.⁶

Как раз в этом смысле возникает вопрос: можно ли говорить о сказе в романе А. Белого "Серебряный голубь"?

Даже при поверхностном анализе романа бросается в глаза, что роман построен из "неоднородных элементов", и включает в себя далекие друг другу сферы: крестьянство, рабочее движение, старый, русский дворянский мир, интеллектуальный мистицизм. Конечно, с точки зрения языка этот материал тоже неоднороден: "здесь переплетаются элементы народного языка, украинизмы с элементами поэтического ассоциативного языка, с "жаргоном" мистицизма; чувствуется влияние Гоголя, и даже сознательное подражание его "косноязычию", его обыгрыванию имен и названий. Белый задумал этот роман, как первый том трилогии "Восток или Запад"⁷. "Действие" романа разворачивается в селе Целебеево, в старой усадьбе Гугелово, в городе Лихов. Эти места особенно важны в связи с замыслом романа (это выражается в частности и в том, что писатель посвящает им отдельные главы). Здесь мы встречаемся с второстепенными персонажами, присутствие которых в романе с точки зрения фабулы не имеет значения. В этих главах и тематически разделяются два плана произведения — план "мистический" (связанный с "главным героем" романа Дарьяльским, с Катей, с Матреной, с Кудеяровым, с сектой голубей; это — основные символы романа) — и план "народного быта", понятого в характерном для Белого смысле.

О стилизации, как о главном композиционном свойстве романа "Серебряный голубь", писали Ф. Степун и Е. Старикова, касались

⁵ В.В. Виноградов. ук. ст. стр. 38.

⁶ Г. Белая. ук. ст. стр. 141-143.

⁷ А. Белый. Серебряный голубь. Москва, 1910, стр. 2. (см. Предисловие)

этого вопроса в своих работах Е. Тагер и И. Холтхузен.⁸ Ф. Степун пишет в своей статье: "В "Серебряном голубе" есть, правда, и церковь, и земля, и мужик, и барская усадьба, и все же всего этого в "Серебряном голубе" нету. Реальны, и убедительны в этом мастерски написанном романе: ... "разводы" Кудяровского лица, невинница его речи, дороги, дожди, туманы — одним словом убедительна атмосфера. Все же вписанную в эту атмосферу: церковь, о. Вукол, дьячек, попадья, девицы Уткины, купец Еропегин, баронесса, Евсеич, кровопийца-староста — все это лишь внешним кустодиевским плакатом опавший тоголевский прием. Всего этого нет не только в бытовом плане, что для Белого не укор, но и в бытийственном. Все перечисленные образы не типы, т.е. не в индивидуальность заостренные общности, как образы Льва Толстого и Достоевского, а всего только декоративные персонажи, т.е. лишенные индивидуальных черт обобщения."⁹

Е. Старикова¹⁰ в своей статье подробно разбирает именно повествовательную форму "Серебряного голубя". Исследователь доказывает, что нельзя говорить о "настоящем" сказе у Белого в таком смысле, как у Гоголя или Лескова. "Рассказчик" в романе неопределенное лицо, то исчезает, то снова появляется, он говорит не так,

⁸ Правда, в доступных нам статьях мы не встречались с подробным анализом романа. Единственный многосторонний анализ структуры романа дает Е. Старикова в своей статье "Реализм и символизм" (В сб. Развитие реализма в русской литературе, т. 3, Москва, 1974, стр. 165-247; о Серебряном голубе, стр. 202-209). Некоторые замечания в связи с этой ценной работой мы должны сделать в нашей статье. Ф. Степун в своей статье "Памяти Андрея Белого", написанной в год смерти писателя (Современные записки, 1934, № 56, стр. 160-186) касается нашего вопроса лишь "по поводу". Работы Е. Тагера "Модернистические течения и поэзия межреволюционного десятилетия" (В сб. Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908-1917, Москва, 1972, раздел 5, Андрей Белый, стр. 271-286), и И. Холтхузена (Johannes Holthusen: Russische Gegenwartsliteratur I-II, 1890-1940, Bern, 1963, см. раздел: Andrej Belyj, стр. 39-44) освещают общие закономерности прозы Белого. Е. Тагер пишет о "тоголевском начале" в романе "Серебряный голубь", о "стилевых изломах" и "вихревых ритмических кружениях" прозы Белого. стр. 279). И. Холтхузен в своей работе указывает на наличие "стилизованной прозы" (stilisierte Prosa) в романах Белого и анализирует это явление. (стр. 44)

⁹ Ф. Степун, ук. соч. стр. 178.

¹⁰ Е. Старикова. Реализм и символизм, стр. 204-207.

как крестьяне, т.е. как обитатели села Целебеева^{II}, и даже часто употребляет обороты чисто книжного "литературного" языка. Эту особую повествовательную форму Е. Старикова называет "орнаментальным сказом", потому что "медиум" налицо, но он не представляет никакого цельного народного сознания, которое стало бы "призмой" для писателя, придало бы достоверность событиям, остается только имитация, точнее стилизация. Е. Старикова объясняет идейную и психологическую основу наличия "орнаментального сказа" в романе: "Творец этого акта (т.е. романа — примечание наше) верит и хочет, чтобы русский народ стал неким самоценным вместилищем тайных сил будущего мистического преобразования мира, что характер этого преобразования выятен в полной мере (вернее в той мере, в какой это вообще возможно) лишь тому, кто "осведомлен и в марксизме и в оккультизме" — (имеется в виду, очевидно, Дарьяльский — прим. наше) — т.е. во всех областях современного знания и кто — на основании этой осведомленности — уже отверг научное знание во имя интуитивного проникновения в скрытые "тайны" мира. Естественно, что у самого "народа" нет слов и понятий, адекватных этому кругу явлений. Но в то же время народ привлекает художника-символиста именно "как таковой" — своей грубоватой колоритностью, наивностью, жестокостью. Это противоречие сознание писателя-символиста, и утверждающего народ как высшую этическую и философскую ценность, и не удовлетворяющегося народными представлениями, не находя в народе, "как таковом" реальных следов интеллигентного мифа о народе, эстетически выражается в потребности "медиума".

Обладая живым голосом и гибкостью живых интонаций, рассказчик в "орнаментальном" повествовании изнутри чуток и отзывчив к красочным формам народной жизни, но он же наделен литературной развитостью, дающей ему возможность и даже обязывающий его приносить в изображение народа, в "народный сказ" черты и краски

II См. об этом — предисловие к роману А. Белого "Маски" (Андрей Белый. Маски. Nachdruck der Ausgabe Moskau 1932. München, 1969.)

"...я согласен, например, что крестьяне не говорят, как мои крестьяне; но это потому, что я сознательно насыщаю их речь, даю квинтэссенцию речи; не говорят в целом, но все элементы народного языка существуют, не выдуманы, а взяты из поговорок, побасенок. (стр. 11) На противоречивый характер "теории квинтэссенции" указала Г. Белая в своей статье. (стр. 138)

(слова и интонации) отнюдь не народной культуры, а изысканно-рафинированной утонченно книжной. ¹²

На первый взгляд создается впечатление, что все основные проблемы романа получают свое разрешение. Однако возникают некоторые сомнения.

Вернемся к вопросу об указанных нами выше двух планах романа. В исследовании Е. Стариковой первый "мистический" план романа, составляющий фабулу не анализируется. Исходя из вопросов стиля, она концентрирует свое внимание исключительно на проблеме "орнаментального сказа", который однако, может быть соотнесен лишь со вторым планом романа. Но надо отметить, что метафоры, поэтические ассоциации пронизывают первый план романа, его фабулу, и этот пласт нельзя назвать только "о р н а м е н т а л ь н ы м с к а з о м": он намного больше, чем "орнаментальный сказ", это то, что в литературоведении принято называть в широком смысле "о р н а м е н т а л ь н о й п р о з о й".

С наиболее точным определением понятия "орнаментальная проза" мы встречаемся в работах В. Жирмунского и Н. Кожевниковой. ¹³ В статье "Из наблюдений над неклассической ("орнаментальной") прозой" Н. Кожевникова пишет: "Отличие орнаментальной прозы от классического повествования в том, что слово в ней перестает быть "нейтральной средой или системой обозначений, сходных с словоупотреблением практического языка и вводящих нас в отвлеченное от слова движение тематических элементов." (В. Жирмунский, ук. соч. стр. 48. — цитата приводится Кожевниковой — прим. наше.) Переставая быть только средством выражения, слово до известной степени становится целью, делая форму, художественную конструкцию произведения ощутимой." Н. Кожевникова обращает внимание и на то, что основным конструктивным принципом орнаментальной прозы является лейтмотивность, т.е. "основа организации текста в орнаментальной прозе — повтор и возникающая на его основе сквозная словесная тема и лейтмотив". ¹⁴

¹² Е. Старикова. ук. соч. стр. 208-209.

¹³ В. Жирмунский. Вопросы теории литературы. Ленинград. 1928, стр. 48-49. Н. Кожевникова. Из наблюдений над неклассической ("орнаментальной") прозой. "Известия АН СССР, Серия литературы и языка". 1976, № I. стр. 55-67.

¹⁴ Н. Кожевникова, ук. ст., стр. 56.

Проследим, каким же образом осуществляется этот принцип в романе Белого "Серебряный голубь". Вот небольшая главка романа — "Дупло". С точки зрения фабулы изображенное здесь свидание Дарьяльского и Матрены и решение "героя" вступить в секту являются поворотным моментом. Если мы примем во внимание все то, что было сказано выше о фабуле романа, мы должны будем прийти к выводу, что мистический план романа строится на основных символах, которые представляют собой лейтмотивы. Возьмем конкретную цитату, "описание" старого дуба: "Пятисотлетний трехглавый дуб, весь состоящий из одного только дупла, свои три простирал венца в отгорающий вечер: в этом дупле вот уже с час попризадумался наш герой; и ему думалось много: о Матрене Семеновне вовсе ему не думалось, а сладко так пелось; думы же были скользящие, легкие — о своей судьбе, да о дубе...

Еще неизвестно, что знал этот дуб и о каком прошедшем лепетал он своею листвою; может — о славной дружине Иоанна Васильича Грозного; может быть спешивался здесь от Москвы заехавший в глушь одинокий опричник, сидел тут под дубом в золотоотканной мурмалке с парчевыми кистями, бьющими прямо в плечо, в красных сафьянных сапогах, опершись на шестоперь, а его белый скакун мирно без привязи пасся у дуба, и у малинового чепрака под седлом торчали — метла да на дорогу оскаленная собачья голова; и долго, долго глядел тот опричник в бархатный облак, проплывающий мимо, а потом вскочил на коня, да и был таков на много сот лет — все может быть; а, может быть в этом дупле после спасался беглый разстрига, чтобы закончить свои дни в каменном застенке на Соловках; и еще пройдет сотня лет, — свободное племя тогда посетит эти из земли торчащие корни; подслушает стон разстриги, грусть опричника, улетевшего на коне в неизмеримость времен; и вздохнет это племя о прошлом.¹⁵

Эти лейтмотивы: мотив исторических смут прошлого, с которым в романе связывается мотив исчезновения, растворения во времени и в пространстве; мотив дороги, в смысле жизненного и исторического пути; мотив огня — красный цвет, воплощающий одновременно идею превращений, которые ведут к гибели. Перечисленные лейтмотивы про-

¹⁵ А. Белый. Серебряный голубь. Nachdruck der Berliner Ausgabe von 1922. München, 1967. Глава четвертая. Навождение. Дупло. стр. 266-267.

низируют всю ткань романа, связывают в конечном итоге независимые друг от друга с точки зрения фабулы фрагменты. Эти сложные ассоциативные ряды, которые являются на самом деле основными звеньями орнаментальной прозы, все же в данной главке вырастают из имитации сказа. О существовании секты голубей Дарьяльскому сообщает сын целебеевского лавочника, горе-поэт Степка, второстепенный персонаж, который не играет особой роли в развитии сюжета. Эта главка начинается со сплетни – мы воспринимаем рассказанную историю через сознание хорошо осведомленного обывателя (точнее, создается иллюзия этого) – и ведет нас к гротескно-бессмысленным песням "деревенского поэта", представляя собой резкий ассоциативный контраст с поэтической интонацией заключительной части. Выбранная нами главка не является исключением, любая глава романа, вырастая из имитации сказа строится на лейтмотивах, и символах, которые составляют существенную черту орнаментальной прозы. Именно поэтому мы считаем неоправданным говорить об "орнаментальном сказе", как об отдельной категории по отношению к прозе Андрея Белого.

Мы предлагаем в этом случае говорить о "сказовой окраске" (термин В.В. Виноградова)¹⁶ орнаментальной прозы. Такое уточнение терминологии представляется нам важным и потому, что, хотя понятие "сказ" и понятие "орнаментальная проза" характерны для определенной стилистической тенденции (идея особого поэтического языка начала XX века), но являются разными проявлениями ее.¹⁷ Также необоснованно, на наш взгляд, говорить о наличии медиума, поскольку при исследовании романа мы должны исходить из представления о символизме как о миропонимании, а орнаментальная проза является той найденной Андреем Белым формой, которая позволяет совместить трансцендентный и реальный мир в одном стилистическом единстве. Н. Кожевникова пишет: "Особенность орнаментальной прозы в том, что она не стремится к адекватности изображаемой действительности. Она отражает мир подобий,

¹⁶ В.В. Виноградов. Проблема сказа в стилистике, стр. 37-39. В связи с термином "сказовая окраска" В.В. Виноградов имеет в виду повествовательную форму, в которой "писателю нужно бывает не языковая структура сказа, а лишь его атмосфера." (стр.37) По его мнению у Белого мы встречаемся именно с этой проблемой.

¹⁷ Н. Кожевникова. ук. ст., стр. 55.

соответствий, взаимных переходов одно в другое. Писатели-орнаменталисты постоянно "удваивали" мир в поисках соответствий между предметами внешнего мира, между внутренним состоянием человека и предметом, между миром природы и человека и т.д." ¹⁸

Анализируя творчество Андрея Белого, и его роман "Серебряный голубь" надо, по нашему мнению, иметь в виду, что своеобразие миропонимания Андрея Белого заключается в стремлении и сознания к мистическому преображению мира и в то же время в не-возможности для сознания осуществить это мистическое преобразование. Е. Старикова в своей работе указывает на это противоречие, но переводит его в реальный исторический план. У Белого же это противоречие никогда не переносилось ни на исторические ни на этические категории.

"Сказовая окраска" — придавая гротескный характер возвышенному мистическому плану романа, присутствует в нем как "стилевая" антиномия мистических идеалов, и свидетельствует о том, что даже и эти мистические идеалы теряют ценность в глазах писателя. Вопрос, поставленный фабулой романа: "Восток или Запад" неразрешим, восточный путь заводит в тупик, однако, это неразрешимость, неопределенность, негативное решение поставленной проблемы не означает, что поэтическое решение неудачно, что эстетические ценности перестают существовать в романе.

Поэтическое решение романа органично: это достигается именно тем, что Белый создавая новую, орнаментальную прозу, тем самым разрушает традиционную романную форму.

¹⁸ Там же, стр. 58.

ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ СЛОВ-ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДА И НЕТ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

М.И. Ильяш (г. Одесса)

Русская разговорная речь очень богата неспецифическими лексико-грамматическими средствами выражения утверждения и отрицания. Убедительным свидетельством этого являются экспрессивно-эмоциональные речевые эквиваленты слов-предложений Да и Нет.

Слова-предложения, как известно, представляют собою простые синтаксически законченные конструкции, выраженные одним словом, не распространяющиеся при помощи второстепенных членов предложения; в их состав могут входить лишь модальные слова и частицы (усилительные, ограничительные и др.).

Слова-предложения Да и Нет относятся к типу модально-ответных слов-предложений; ¹ они выражают простое утверждение или отрицание, согласие или несогласие с предшествующим высказыванием. Их же речевые эквиваленты, которым посвящена данная статья, гораздо разнообразнее как в структурном, так и в экспрессивно-эмоциональном отношениях. Лексико-грамматическая и модальная сущность слов-предложений Да и Нет настолько ясна, что нет надобности подробно останавливаться на ней.

Ответы Да и Нет с точки зрения стилистической можно считать нейтральными, хотя интонация и способна передать различные эмоционально-смысловые оттенки утверждения и отрицания. ² Пока диалог протекает в нейтральном или официально-деловом тоне, эти слова-предложения могут вполне удовлетворить собеседников. Однако непринужденная и эмоционально напряженная разговорная речь постоянно ищет и находит разнообразнейшие экспрессивно-стилистические эквиваленты для Да и Нет.

¹ См. "Грамматику русского языка", изд. АН СССР, т. 2, ч. 2, 1954, стр. 79-85.

² Б. Шоу по этому поводу сказал: "Есть пятьдесят способов сказать Да и пятьсот способов сказать Нет и только один способ это написать".

Исходя из грамматической структуры, эквиваленты слов-предложений Да и Нет в русской разговорной речи можно разделить на четыре группы:

- а) слова-предложения, выраженные модально-оценочными словами и междометиями;
- б) структурно неразложимые, часто семантически немотивированные словосочетания;
- в) полные предложения и
- г) неполные предложения.

Эквиваленты слова-предложения Да

а) Слова-предложения

В эту группу эквивалентов Да входят модальные слова, выражающие модально-логическую оценку сообщаемого собеседником: конечно, разумеется, факт, правда, именно, точно, верно, безусловно, несомненно, непременно и др. Выраженное этими словами утверждение звучит категорически, уверенно, исключая какие бы то ни были сомнения, колебания, поиски другого решения.

— А разве это секрет?

— Разумеется.

(М.Ю. Лермонтов. Княжна Мери)

Здесь ответом могли бы быть и слова: несомненно, безусловно, конечно, именно, факт.

— А дом Бояринцевых тоже поворачивается?

— Конечно! Раз земля, то и всё, что на ней находится — тоже вертится.

(В. Ковалевский. Земной шар)

— Руки чешутся?

— Точно.

(Б. Полевой)

(Махора) Да я вас впервой вижу.

(Швандя) Именно.

(К. Тренев. Любовь Яровая)

— Я видел товарища утром пятнадцатого июня на Платоновом молу в карауле у тела матроса Вакулинчука, зверски убитого офицерами, — быстро и без передышки проговорил молодой человек. — Вы там были, товарищ?

- Факт!

- Видите. Стало быть, я не ошибся.

(В. Катаев. Белеет парус одинокий)

К этой группе эквивалентов Да относятся также междометия ага, эге, угу, ну, выражающие согласие; так отвечающий собеседник обычно играет в диалоге пассивную роль.

- Обещай, что не будешь плакать.

- Ага, - сказал Сережа.

- Обещаешь? Твердо?

- Ага...

(В. Панова. Сережа)

- Аксиныя! - позвал он. - Ты здесь, что ли?

- Ну! - отозвалась она сердито. (А.Чехов. В овраге)

Утвердительное ну обозначает, что отвечающий готов дальше слушать собеседника (оно возникло из вопросительно-побудительного ну).

б) Неразложимые конструкции

Сюда относятся сочетания полных и служебных частей речи: Как же, А как же, А то как же; Как есть; Есть такое; Оно-то так; Не без этого и др.

Конструкции Как же (А как же, А то как же), Как есть выражают категорическое утверждение.

- А на бугры за озером ходили?

- Как же. Ходили.

(С. Антонов. Станция Щеглово)

- Поля, вы в бога веруете?

- А то как же.

(А. Чехов. Рассказ неизвестного человека)

Конструкция Как есть указывает на полноту, исчерпанность действия, о котором спрашивают.

... Выхожу на службу, продал быков - коня справил, а его взяли и забраковали.

- Забраковали? - притворно удивился слесарь.

- Как есть, вчистую - порченный, говорят, на ноги.

(М. Шолохов. Тихий Дон)

Конструкция Есть такое подтверждает наличие того, о чем спрашивают и о чем отвечающий до сих пор не находил нужным говорить, может быть по своей скромности.

— Ты, я слышал, и живописью интересуешься?

— Есть такое.

Словосочетание Оно-то так указывает на компромиссное согласие отвечающего и на то, что у него есть какое-то иное мнение, желание; за этим ответом может следовать но, однако.

— Ну куда тебе ехать? Для столицы нужны знания, деньги. А что у тебя?

— Оно-то так... — тихо проговорил юноша.

Конструкция Не без этого, выражая согласие, вместе с тем указывает на то, о чем спрашивают, само собой разумеющееся, хотя и не главное.

— Он у вас, кажется, иногда и уроки пропускает, а?

— Не без этого.

Утвердительные конструкции А то что же? и, особенно, А почему бы и нет? окрашены вопросительной интонацией, звучат категорично.

— Так ты говоришь, что ты отвинтил эту гайку для того, чтобы сделать из нее грузило?

— А то что же? Не в бабки же играть!

(А. Чехов. Злоумышленник)

— Андрей, ты мог бы поступить так же?

— А почему бы нет?

в) Полные предложения

Полные предложения, эквивалентные слову ДА, представляют собой устойчивые конструкции, своего рода ответы-штампы; по структуре это двусоставные или односоставные предложения: Какие могут быть разговоры?; А что мне (ему) остается делать?; Иначе и быть не может; Будьте спокойны и др.

Первые две конструкции произносятся с вопросительной интонацией; первая из них выражает категорическое утверждение, а вторая — вынужденное согласие.

- Вы поможете мне перевезти вещи с дачи?
- Какие могут быть разговоры!
- И вы, значит, вернулись на прежнее место?
- А что мне оставалось делать?

Непоколебимая уверенность звучит и в следующем ответе:

- Вы считаете, что победит Советская Россия?
- Иначе и быть не может.

Конструкция Будьте спокойны, выражая категорическое утверждение, вселяет веру в вопрошающего.

- Вы думаете, он вовремя доберется до своих?
- Будьте спокойны!

г) Неполные предложения

Сюда относятся прежде всего именные конструкции, подчеркивающие эмоционально-оценочный характер ответа: С удовольствием, С радостью, Я в вашем распоряжении и др.

- Вы придете к нам в гости?
- С удовольствием! (Можно также: Сочту за честь.)

Однозначные конструкции Будьте уверены, Не сомневайтесь, Можете не сомневаться выражают категорическое утверждение. По семантико-стилистическому оттенку они подобны конструкции Будьте спокойны.

Конструкции Не иначе, Без этого нельзя, включая в себя отрицательные слова, выражают однако категорическое утверждение.

- Так что - в разведку посылаем Васильева?
- Не иначе.

Словосочетание Без этого нельзя содержит оттенок вынужденного согласия на совершение упомянутого действия как необходимого наряду с другими действиями.

- Так я, по-вашему, должен поклониться в ножки Бурову?
- Без этого нельзя.

Среди неполных предложений, эквивалентных Да, выделяется группа вопросительных предложений: А что? А как же иначе? А кто же еще? Что за вопрос? О чем идет речь? Как + глагол (в инфинитиве или в прошедшем времени) и т.д.

- И это ты все один сделал?
- А кто же еще?

Тожественным этому может быть и ответ "А что?"

Разговорные конструкции Что за вопрос? и О чем речь? обычно употребляются тогда, когда спрашивающий интересуется, в состоянии ли отвечающий совершить названное действие; оба ответа тождественны и категоричны.

- А вы не смогли бы переплыть этот лиман?
- Что за вопрос?

Конструкция Как не + глагол с логическим ударением, употребленный в вопросе, также выражает категорическое утверждение; в эмоционально-стилистическом плане она тождественна конструкциям Еще бы! и Как же!

- А Посудина ты знаешь?
- Как не знать! - ухмыльнулся возница. - Знаем мы его!
(А. Чехов. Шило в мешке)

В такой конструкции может употребляться глагол в форме прошедшего времени, если речь идет о прошлых действиях, например:

- А о новой сходке слыхал?
- Как же не слыхал? Слыхал.

Впрочем, и в этом случае возможен инфинитив (как не слыхать?)

Выразительна в экспрессивно-эмоциональном отношении конструкция Спрашиваешь! со значением категорического утверждения; отвечающий при этом как бы удивляется тому, что спрашивающий может сомневаться в его возможностях и желаниях.

- Бежи, Петька. как только их заметишь, так сразу начинай махать. Сможешь?
- Спрашиваешь!

(В. Катаев. Белеет парус одинокий)

Эквивалентом слова-предложения Да может выступать частица

Пусть – остаток уступительного предложения; она выражает согласие с оттенком уступки.

– Если пределы прогресса в бесконечности, как вы говорите, то, значит, цели его неопределенны, – сказал я. – Жить и не знать определенно, для чего живешь!

– Пусть. Но это "не знать" не так скучно, как ваше "знать".

(А. Чехов. Моя жизнь)

ЭКВИВАЛЕНТЫ СЛОВА-ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕТ

а) Слова-предложения

Эта группа эквивалентов слова Нет весьма незначительна:

ни-ни, увн, и некот. др. Ни-ни выражает категорическое отрицание; Отвечающий даже и в мыслях не допускает возможности другого действия.

– Право, жена будет сердиться, теперь же ты можешь переселиться в ихнюю брочку.

– Ни-ни! И не думай!

(Н. Гоголь. Мертвые души)

Междометие увн выражает отрицание с оттенком сожаления о невозможности то, о чем спрашивает собеседник.

– Дядя Коля, а вы могли бы взобраться на эту вершину?

– Увн. Не те годы.

б) Неразложимые конструкции

К этой группе относятся следующие конструкции: Как бы не так; Ну вот еще; Что вы (варианты: Да что вы, Да вы что); Что ты (Да ты что, Да что ты); Какое там + глагол или существительное (с логическим ударением) и т.д.

Конструкция Как бы не так выражает категорическое отрицание; при этом предполагается, что у собеседника (вопрошающего) есть противоположное мнение, убеждение.

– Я помню, мальчишкой был, когда Горький вернулся из Америки и свой "Город Желтого Дьявола" напечатал, так кто на него накинулся? Одни американцы? Как бы не так! Больше всего свистели

отечественные кадеты и либералы. Как же! Вершины цивилизации посмеял облаять! Мы к ним только еще примеряемся, а он их уже облаял!

(К. Симонов. Чужая тень)

Конструкция Ну вот еще! также категорична; отвечающий выражает свое удивление, даже неудовлетворение: как можно спрашивать о том, что само собой разумеется.

Алеша задумался.

- А вы не скажете маме? - спросил он.

- Ну вот еще!

- Честное слово?

- Честное слово.

(А. Чехов. Житейская мелочь)

Вопросительные конструкции Что вы?, Да ты что? и им подобные выражают такие же эмоционально-смысловые оттенки, как и Ну вот еще! Например:

- Дело, что ли, какое на стрелке есть? - спросил Прохоров.

- Дело, - ответила она коротко.

- Небось милого проведать, - пошутил он.

- Что вы - она засмеялась. - У меня нет милого. Я некрасивая.

(Ю. Нагибин. В ночи)

- За сегодня собрал?

- Да ты что? За все время! ..

- Не богато.

(Ю. Нагибин. Эхо)

Конструкция Какое там + глагол выражает модальный оттенок безнадежности того, о чем спрашивают.

- Ты уже написал диссертацию?

- Какое там написал! Только начал.

Иногда с таким оттенком значения, но с грубовато-фамильярной окраской употребляется конструкция Какой черт (Какой черт написал!)

Слово какой в сочетании с существительными, на которое падает логическое ударение, может использоваться для эмоционально-кате-

горического возражения собеседнику, убежденному в противоположном.

— Нешто мужики — люди? Не люди, а извините, зверье, шарлатаны. Какая у мужика жизнь? Только есть да пить... И сам в грязи, и жена в грязи, и дети в грязи, в чем был, в том и лег, картошку из щей тащит прямо пальцами, квас пьет с тараканом, — хоть бы подул!

— Бедность ведь! — вступилась сестра.

— Какая бедность! Оно точно, нужда, да ведь нужда нужде рознь, сударыня.

(А. Чехов. Моя жизнь)

К этой группе (неразложимых конструкций) можно отнести и некоторые фразеологизмы: ни в зуб ногой, упаси боже, избави господи, не дай бог и т.п.

— Он хоть что-нибудь соображает?

— Ни в зуб ногой.

— А вы бы хотели к внуку самолетом?

— Упаси боже.

в) Полные предложения

К таким конструкциям, эквивалентным слову-предложению НЕГ, относятся предложения, представляющие собой в основном речевые трафареты. Среди них можно выделить предложения, содержащие отрицательные элементы НЕ и НЕЧЕГО: Не было заботы; Нечего мне больше делать; Этого еще не хватало; Я еще не спятил (Я еще не сошел с ума) и т.п. Они придают ответу грубо-фамильярную окраску.

— Ты пойдешь с нами на футбол?

— Нечего мне больше делать.

Все они выражают нежелание что-либо делать, придавая ответу грубую окраску (особенно предложение Я еще не спятил).

Ряд предложений окрашен вопросительной интонацией: А что мне — жить надоело?; А что я — спятил?; А куда он денется?; Разве всех (все) + глагол совершенного вида в будущем времени и т.д. Первые две конструкции так же грубо-фамильярны, как и предложение Я еще не спятил. Третья конструкция используется как ответ на вопрос о возможном нежелательном действии или факте.

– А вы не боитесь отпускать его одного?

– А куда он денется?

Модель Разве всех + глагол в будущем времени обозначает физическую (или какую-либо другую) невозможность совершать то, о чем спрашивают; глагол с логическим ударением из вопроса переходит в ответ; может употребляться и его синоним.

– Товарищ Прохоров! – сказала она уважительно. – А вы меня, может, тоже знаете? Я Конюшкова, на телеграфе работаю.

– Разве всех запомнишь? (Ю. Нагибин. В ночи)

Для отрицания употребляется ряд утвердительных конструкций со специфическими смысло-стилистическими оттенками: Такое придумали (выдумали, скажешь)!; Я еще в своем уме; Нашли дурака! и др.

– Ты, я слышал, замуж собираешься?

– Такое придумали!

Это категорическое отрицание подобно конструкциям Да что вы!, Нечего мне больше делать! Вариантами такого ответа являются сочетания тех же глаголов с союзом тоже (вместо такое): Скажете тоже! Тоже придумал! Предложения Я еще в своем уме, Нашли дурака в смысло-стилистическом отношении близки к выражению Я еще не спятил.

Для эмоционально-оценочного отрицания с фамильярным оттенком может быть использован фразеологизм Держи карман шире:

– Как ты думаешь, уплатят мне за работу?

– Держи карман шире!

В качестве эквивалента Нет иногда употребляется просторечное выражение Здрасьте, я ваша тетя!, обозначающее категорическое несогласие с тем, что предлагают, так как предлагаемое идет вразрез с планами, желаниями отвечающего; по смыслу эта фраза близка к ответу Не хочу!

– А тебе, Наташа, придется дома посидеть.

– Здрасьте, я ваша тетя. С вами хочу.

В русской разговорной речи эта конструкция имеет и другие значения, например выражение недовольства при виде действий, направленных против интересов отвечающего.

г) Неполные предложения

Среди отрицательных конструкций, эквивалентных слову-предложению Нет, эта группа наиболее многочисленна. Из нее можно прежде всего выделить выражения, состоящие из отрицательных слов: ничуть, нисколько, ни за что, ни в коем случае, никоим образом, ничего подобного и др. Все они выражают категорическое отрицание и находятся в пределах литературных норм.

- Вы не устали?
- Ничуть. (можно и нисколько)
- можно доверять Карпову?
- Ни в коем случае.
- Вы бы согласились сотрудничать с нами?
- Ни за что!

В последнем случае можно употребить также устойчивый оборот Ни за какие деньги!

Близки по значению к таким ответам и конструкции И не подумаю (И не думал), И не сообраюсь (И не собирался); вместо и может употребляться даже; время глагола в ответе обычно соответствует времени глагола (совсем другого) в вопросе:

- Ты, я надеюсь, придешь на мой концерт?
- И не подумаю.
- А она, неосось, ходила встречать его?
- даже не собиралась.

Ряд неполных предложений произносится с вопросительной интонацией: Откуда?; Зачем?; Еще чего?; А к чему? А чего + инфинитив или прилагательное в форме родительного падежа среднего рода; и др. Первые три конструкции указывают на то, что отвечающий считает нереальным, даже странным вопрос собеседника; такой ответ звучит категорично, эмоционально, с оттенком удивления.

- Ведь у вас, видно, вторых (башмаков - М.И.) нет?

- Откуда? Были, изнасились. А эти берегу.

(С. Антонов. Встреча в Кремле)

- Ваш Петька на стройку не собирается?

- Куда ему? Он еще дитя.

Конструкция А чего + инфинитив или прилагательное выражает уверенность отвечающего: то, что совершается, кажется ему обычным, в порядке вещей; из вопроса слово с логическим ударением переходит в ответ.

- Не страшно одной-то ходить? - спросил Прохоров.

- А чего страшного?

(Ю. Нагибин. В ночи)

Ср. также: Не боишься - А чего бояться?

Особую группу неполных предложений с отрицательным значением составляют конструкции, которые, соотносясь с обычными утвердительными предложениями, выражают, однако, противоположный, т.е. отрицательный смысл: Очень (мне, им) надо!; Охота была; Давно мечтал (варианты: Только и мечтал; Всю жизнь мечтал); Спешу!; Как же, дожидайся (жди) и др. Все эти ответы звучат фамильярно при обращении друг к другу людей одного возраста и одного круга и грубо - при обращении к старшим или уважаемым людям.

- За сегодня собрал?

- Да ты что? За все время! ..

- Не богато.

- Попробуй сама! ..

- Очень надо! .. - она дернула худым, шелушащимся плечом. -

Целый день ползать по жаре из-за паршивых камешков!

(Ю. Нагибин. Эхо)

- Ты поедешь завтра к Бирюковым?

- Всю жизнь мечтала!

- Почему?

- У них скучища страшная.

Ср. также у А.Н. Островского:

- Как же, дожидайся, буду я молчать!

Анализ эквивалентов слов-предложений Да и Нет в русской разговорной речи свидетельствует о многообразии неспецифических средств выражения, об интонационном и экспрессивно-эмоциональном богатстве устной речи. Вместе с тем обращает на себя внимание определенная лексико-грамматическая устойчивость конструкций, а также их постоянная эмоционально-стилистическая окрашенность. Многие из рассмотренных нами конструкций употребляются в языке в разных значениях (размеры статьи не дали возможность говорить об этом; да это, пожалуй, уже и другой вопрос). Настоящая статья представляет лишь начало исследования указанной в заглавии темы, поэтому в ней анализируются и упоминаются не все существующие в русской разговорной речи эквиваленты слов-предложений Да и Нет.

Л и т е р а т у р а

1. Грамматика русского языка, т. II, Синтаксис, ч. 2, изд. АН СССР, М., 1954.
2. Русская разговорная речь. Изд. "Наука", М., 1973.
3. Д.Н. Шмелев. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания в современном русском языке. ВЯ 1958, № 6.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНТАКТИРОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ВЕНГЕРСКИМ ЯЗЫКОМ

И. Пете

Отношения контактирования выражают соприкосновение, соединение одного предмета с другим, прикрепление одного предмета к другому или столкновение предметов в результате разных действий, заканчивающихся касанием. (В "Практическом курсе русского языка" под редакцией Г.И. Володиной отношения контактирования выражают соприкосновение одного предмета с другим. МГУ, 1970, стр. 255-262).

В словосочетаниях, обозначающих контактирование, в качестве основного слова выступают глаголы и отглагольные существительные (значительно реже) обычно со значением направления движения, которое может быть намеренным или случайным, с большим или меньшим нажимом, надавливанием. В глагольных словосочетаниях контактирования зависимые слова в предложении выполняют функцию прямого или косвенного дополнения и обстоятельства места, в именных словосочетаниях — функцию несогласованного определения.

При построении словосочетаний контактирования в русском и венгерском языках важную роль играют лексическое значение глагола, способ выражения притяжательности и три (в венгерском только два) формальных элемента: префикс, предлог (в венгерском: прилепа) и постфиксальная частица -СЯ (в русском языке). Ср.: трогать/тронуть что-н., кого-н. — дотрагиваться/дотронуться до кого-чего-н. — притрагиваться/притронуться к кому-чему-н., укусить кого-н. за ногу — укусить кому-н. ногу; megérint vmit, vkit — hozzáér vmihez, vkihez, kézen fog vkit — megfogja vkinek a kezét.

Словосочетания с отвлеченными существительными выражают неконкретное контактирование, но значение конструкции в подавляющем большинстве случаев базируется на представлении конкретного контактирования. Ср.: опираться/опереться на трость — на инициативу масс, на поддержку товарищей 'botra támaszkodik' — 'támaszkodik a tömegek kezdeményezésére'.

I. Обозначение соприкосновения одного предмета с другим

I./ При обозначении с л а б о г о соприкосновения одного предмета с другим употребляются следующие беспредложные и предложные глагольные или именные (редко) словосочетания:

касаться/коснуться + род.пад.	- megérint vmit, vkit
касание + род.пад.	- vminek, vkinek megérintése
прикасаться/прикоснуться к + дат.пад.	- gyengéden hozzáér vmihez, vkihez, megérint, horzsol vmit
прикосновение к + дат.пад.	- vmihez, vkihez való hozzáérés
соприкасаться/соприкоснуться с + твор.пад.	- érintkezik vmivel, vkivel, szomszédos, határos vmivel
соприкосновение с + твор.пад.	- vmivel való érintkezés
трогать/тронуть + вин.пад.	- hozzányul vkihez, vmihez
затрагивать/затронуть + вин.п. (в специальной литературе и в переносном смысле)	- megérint vmit, hozzáér vmihez
дотрагиваться/дотронуться до + род.пад.	- hozzáér vkihez, vmihez, megérint vmit, vkit
притрагиваться/притронуться к + дат.пад.	- könnyedén megérint vmit, vkit, hozzáér vkihez, vmihez
задевать/задеть + вин.пад./за + вин.пад.	- megérint, megbök vkit, vmit.

а) Словосочетания со словами КАСАТЬСЯ/КОСНУТЬСЯ, КАСЕНИЕ, ПРИКАСАТЬСЯ/ПРИКОСНУТЬСЯ, ПРИКОСНОВЕНИЕ, СОПРИКАСАТЬСЯ/СОПРИКОСНУТЬСЯ, СОПРИКОСНОВЕНИЕ обозначают как намеренное, так и случайное прикосновение, причем слова прикасаться/прикоснуться, прикосновение подчеркивают легкость прикосновения. Напр.: Мы шли рядом, порой касаясь плечами друга (В. Шефнер). Локоть Лёли чуть касался моего плеча (В. Шефнер, Сестра печали). Она невольно коснулась меня грудью. Смеясь, она подошла сзади к Ивану и легонько коснулась ладонью его лопатки (Быков, Альпийская баллада). Он неосторожно прикоснулся к металлу голой рукой. Он прикоснулся рукой к волосам девушки. Печка так накалена, что нельзя прикоснуться. Больной вздрагивал даже от легкого прикосновения руки (Ушаков). При сни-

жении космический корабль сильно нагревается, соприкасаясь с атмосферным воздухом. Вода шипела, соприкасаясь с огнем. (Горький, Сон). Приходится соприкасаться с различными людьми. (Ушаков). На западе территория СССР входит в соприкосновение с несколькими государствами (Ушаков).

б) Словосочетания с глаголом ТРОГАТЬ/ТРОНУТЬ обозначают только намеренное и обычно более осязаемое прикосновение (с небольшим нажимом, надавливанием). Словосочетания с глаголами ПРИТРАГИВАТЬСЯ/ПРИТРОНУТЬСЯ, ДОТРАГИВАТЬСЯ/ДОТРОНУТЬСЯ имеют значение 'слегка и преимущественно намеренно прикасаться к чему-л.'. Напр.: Не трогай эти фотографии, они еще не высохли. Экспонаты трогать руками воспрещается (Ушаков). Кто-то сзади дотронулся до плеча Саенко (Игишев, Шахтёрн). Щека распухла: больно дотронуться (Ушаков). Песок в полдень обжигал ладони, и больно было до него дотронуться (Лавренев). Чья-то легкая рука притронулась к её плечу и заставила оглянуться (Мамин-Сибиряк). Они не подали друг другу рук, а только притронулись к козырькам (Куприн, Поединок).

в) Словосочетания с глаголами ЗАТРАГИВАТЬ/ЗАТРОНУТЬ (в специальной литературе и в переносном значении), ЗАДЕВАТЬ/ЗАДЕТЬ имеют значение 'случайно слегка прикасаться к чему-л.'. Напр.: Пуля затронула/задела кость. Рукавом он задел стакан и опрокинул его. Кризис затронул страну. Фразеологизм затронуть, задеть за живое кого-н. имеет значение 'vkinek az elevenére tapint'.

ПРИМЕЧАНИЯ:

I) Все словосочетания с вышеназванными глаголами, за исключением словосочетания с глаголом ЗАТРАГИВАТЬ/ЗАТРОНУТЬ, в отрицательных предложениях могут иметь значение 'не приниматься за что-л. (за еду, за какое-л. дело, работу и т.п.)'. Ср.:

ОН	не касался/коснулся	еды	
	не прикасался/прикоснулся	к еде	
	не дотрагивался/дотронулся	до еды	- Nem nyult az
	не притрагивался/притронулся	к еде	ételhez
	не трогал/тронул	еду/еды	

Еды почти не касался (А. Толстой). Она почти не прикасалась к еде (Шолохов, Тихий Дон). Дня по два не притрагивался ни к одному кушанию ни за обедом, ни за ужином (Бунин). Она засмеялась и продолжала рассказывать, не дотрагиваясь до своего кофе (Чехов). Два трактора отремонтированы, один не тронут (Тендряков). Какое-то рукоделье лежало перед ней, но она до него не дотрагивалась (Мельников-Печерский).

2) Словосочетания с глаголами КАСАТЬСЯ/КОСНУТЬСЯ, ЗАТРАГИВАТЬ/ЗАТРОНУТЬ могут указывать на краткое упоминание или подробное изложение какого-либо вопроса, проблемы, не являющихся, однако, основной темой выступления, статьи, книги и т.п. Напр.: В статье автор затрагивает ряд вопросов/касается ряда вопросов, разных вопросов. Употребление глагола ЗАДЕВАТЬ/ЗАДЕТЬ в этом значении является устаревшим в современном языке: В печатаемой выше статье т. Мартов задевает чрезвычайно важный вопрос.. (Ленин).

3) Словосочетания с глаголами ЗАДЕВАТЬ/ЗАДЕТЬ, ЗАТРАГИВАТЬ/ЗАТРОНУТЬ, ТРОГАТЬ/ТРОНУТЬ, ЗАЦЕПЛЯТЬ/ЗАЦЕПИТЬ (разг.) могут употребляться в переносном значении 'вызывать, возбуждать какое-л. чувство'. Сочетания с глаголами затрагивать и трогать выражают наименьшую степень воздействия, глагол задевать указывает на большую остроту воздействия, зацеплять употребляется с усиительным значением в разговорной речи. Напр.:

Это сильно меня задело	- Ez nagyon kellemetlenül érintett
Искусство, именно музыка затронула её эстетическое чувство... (Писарев)	- A művészet, még hozzá a zene hatott esztétikai érzékére
Это до слёз трогает меня	- Ez könnyekig megrájt engem
зацеплять/зацепить кого-л. за живое	- vkinek az elevenére tapint
Уж, верно, зацепил его ты эпиграммой (Лермонтов, Арбенин)	- Az már igaz, hogy az epigrammával megbántottad őt.

4) Словосочетания с глаголами ПРИДИРАТЬСЯ/ПРИДРАТЬСЯ, ПРИВЯЗЫВАТЬСЯ/ПРИВЯЗАТЬСЯ, ПРИЦЕПЛЯТЬСЯ/ПРИЦЕПИТЬСЯ, ЦЕПЛЯТЬСЯ (прост.) указывают, что упреки, обвинения необоснованы, несправедливы или вызваны излишней строгостью, требовательностью по отношению к кому-чему-л. Ср.:

Он ко всему придирается	- Mindenbe beleköt.
Он придирается к каждому слову/к мелочам	- Minden szóba beleköt. Apróságokon akad fenn, kicsiségekbe köt bele.
Он привязывался к каждому пустяку в качестве хозяина	- Mint gazda minden semmiségbe belekötött.
Он прицепляется ко всякой мелочи	- Minden kicsiségbe beleköt.
Мне не к чему прицепиться	- Nincs mibe belekötnöm.
Всегда найдется к чему прицепиться	- Mindig van mibe belekötni.
Он цеплялся к каждому слову Лобанова.. (Гранин, Искатели)	- Lobanovnak minden szavába belekötött.

2./ Соприкосновение одного предмета с другим может произойти, если субъект с х в а т ы в а е т, б е р ё т, т я н е т или д е р ж и т объект чем-н., чаще всего рукой. В качестве главного слова в таких словосочетаниях употребляется глагол со значением прикосновения в широком смысле. Пояснительные слова могут употребляться в форме вин. падежа без предлога или с предлогами ЗА, В, ПОД; в форме предложного падежа с предлогами В, НА (редко).

а) Отношения контактирования, возникшие в результате схвата-
вания, чаще всего выражаются с помощью предлога ЗА и вин. падежом существительного. В венгерских эквивалентах этой конструкции обычно употребляются существительные с прилепой -n, -ba/-be, -t, -hoz/-hez, -höz. Ср.:

брать/взять кого-н. за руку, за горло, за талию	- kézen fog vkit, torkon ragad vkit, derékon kap vkit
браться/взяться за поручень, за перила, за оружие	- a korlátba fogódzkodik, fegyvert fog
хватать, схватить/схватывать ко- го-н. за руку, за горло, за шарф, за пуговицу	- karon, torkon ragad vkit, meg- fogja vki sálját, gombját
хвататься/схватиться за голову, за волосы, за её платье, за рукоять сабли	- fejéhez kap, hajához kap, megfo- gódzik vki ruhájába, kardja mar- kolatára csap

подхватывать/подхватить кого-н. за талию .

Порой он хватал рассказчика за пюговцу

Капитан с яростью схватился за рукоять сабли (Июкаи)

Бедный Дюри схватился руками за голову (Миксат)

Столарик подбежал к ней и схватил за руку (Миксат)

Он подскочил к нему и, схватив за шарф, стал душить (Миксат)

Он ухватился за стол (Миксат)

Здесь не за что ухватиться (Миксат) цапать/цапнуть (разг.) за что-л.

Не цапай за плечо

Не подхвати её Тимея за талию, она разбила он себе голову о мраморный.. столик (Июкаи)

обхватывать/обхватить кого-н. за шею

обнимать/обнять кого-л. за шею, за плечи

цепляться, цеплянье за шею матери, за куст, за сучья

Когда я цепляюсь за куст, он с корнем вырывается из земли (Миксат)

Дети цепляются за шею матери

уцеплять/уцепить (редко) кого-л. за локоть, за рукав шинели

Он уцепился за удлинённую вожжу, напряг последние силы (Миксат)

- derékon kap vkit

- Megfogja az elbeszélő diák gombját /Mikszáth, Különös házasság/

- A kapitány mérgesen csapott kardja markolatára/Jókai, Arany ember,

- Szegény Gyuri a halántékához kapott a két kezével /Mikszáth/

- Sztolarik hozzáugrott, megragadta a kezét /Mikszáth, Sz.P.eser./

- Hozzáugrott, megragadta egyik kezével a nyakravalóját és fojtogatni kezdte /Mikszáth, Sz.P.eser./

- Kezével az asztalba fogódzott.

- Nincs mibe fogódzni.. /Mikszáth/

- vmi után kap, megragad vmit

- Ne fogd meg a vállamat.

- Ha Timea fel nem fogja estében, fejét szétzuzza a márvány mozaik asztalon /Jókai, Arany ember/.

- átöleli vki nyakát

- átöleli vki nyakát, vkit vállánál fogva

- belecsimpaszkodik, belekapaszkodik anyja nyakába, a bokorba, az ágakba

- .. ha megkapaszkodom valamely cseriében, kiszakad a földből fű

- A gyerekek anyjuk nyakába vestül csimpaszkodnak

- megfogja vki könyökét, köpenye ujját

-..megfogódzott végső ereje megfeszítésével az így meghosszabbított hámba /Mikszáth, Sz.P. esernyője/

Утопакший и за соломинку хватается. Хватающийся за сердце вой.

"..схватил её левой рукой за горло" (Л. Толстой). Женищина... первая схватила за повод лошадь (Л. Толстой, Воскресение). Он опять судорожно схватился за её платье (Короленко). Зина! - обеими руками я ухватил её за запястья (Неделя, 1962/39). Ребенок ухватил мать за подол (Ушаков). Утопакший ухватился за край лодки (Ушаков). Он хотел уцепить жену за локоть, но она увернулась (Федин, Первые ра-

дости). Одна из барышень уцепила его пальчиками за рукав шинели (Малышкин, Севастополь).

Отношения контактирования, возникшие в результате схватывания, обозначаются с помощью предлога ПОД и вин. падежа существительного, если соприкосновение происходит на нижней части предмета. Ср.:

брать/взять кого-н. под руку, лошадь под уздцы, поросенка под грудку	- karon fog vkit, megfogja a ló kantárját, a malacot mellénél fogva felemeli
хватать, схватить/схватывать кого-л. под мышки	- hónaaljánál fogva megragad, megfog vkit
подхватывать/подхватить кого-л. под локоть, под мышки	- könyökénél fogva karon fog vkit, hónaaljánál fogva elkap vkit

"..третий взял лошадь под уздцы" (Пушкин, Дубровский). Она взяла его /поросенка/ под грудку и он покорно и неподвижно лежал на её ладони (Николаева, Жатва). Подхватили царевну под локоть (А.Н.Толстой). Два казака взяли его под руки и посадили на седло (Пушкин, Кап.д.). Я..схватил его под мышки и волоком потащил к проходу между штабелями (В. Шефнер, Сестра печали). Какой-то дядька подхватил Алёнку под мышки (Драгунский).

Некоторые из вышеназванных глаголов могут употребляться также с беспредложным винительным падежом существительных при обозначении косвенного объекта контактирования. В таких словосочетаниях обычно употребляются притяжательные местоимения. Ср.:

/Инсаров/ бросился к ней, упал перед нею на колени, <u>обнял</u> её стан и крепко прижался к нему головой (Тургенев, Накануне)	- Inszarov hozzáugrott, letérdelt előtte, átölelte a derekát és szorosán hozzásimult
/Матрена/ <u>обняла</u> его за шею и, крепко сжав руками, поцеловала в губы (Горький, Супруги Орловы)	- Matrena átölelte a nyakát, magához szorította és szájon csókolta.
Бобров <u>обхватил</u> её <u>талию</u> (Куприн, Молох)	- Bobrob átölelte a derekát.

В словосочетаниях с глаголом ВЦЕПЛЯТЬСЯ/ВЦЕПИТЬСЯ пояснительный член употребляется в форме вин.падежа с предлогом В. Напр.:

вцепляться/вцепиться в матроску брата, ему в руку, в ногу, друг другу в волосы	- belekapaszkodik testvére matrozbluzába, vki kezébe, lábába, hajbakapnak

Собака вцепилась в ногу (Ожегов). Вцепились друг другу в волосы (Ушаков). Ребенок увидел Петю, со всех ног бросился к нему и обеими руками вцепился в матроску брата (Катаев, Белеет...). /Полина/ судорожно вцепилась ему в руку около плеча и зарыдала (Чехов, Три года).

б) Отношения контактирования, возникшие в результате с л у ч а й н о г о ц е п л я н ь я предметов, выражаются с помощью глаголов ЗАЦЕПЛЯТЬ/ЗАЦЕПИТЬ, ЗАЦЕПЛЯТЬСЯ/ЗАЦЕПИТЬСЯ, ЦЕПЛЯТЬ/СЯ. Пояснительные слова в этих словосочетаниях употребляются с предлогом ЗА или в форме беспредложного вин. падежа. Напр.:

зацеплять/зацепить ногой за порог	- megbotlik a küszöbben
зацепляться/зацепиться за гвоздь, за дерево, за стул, за куст	- beleakad a szegbe, a fába, a székebe, a bokorba
цепляться за сучья, за цветы, за протянутые прямо по траве струны кабеля	- megkapaszkodik az ágba, beleakad a virágba, a fűvön kifeszített kábelek be beleakad a lába
Машина зацепила платье работницы (Ушаков)	- A gép elkapta a munkásnő ruháját.

Рукав зацепился за гвоздь. Полотно парашюта зацепилось за густой куст лозы (Г. Линьков, Бойна в тылу врага). Съезжая с моста, зацепила за дроги коляска (Н. Некрасов, О погоде). Через минуту, цепляя за ворота, .. въехала бричка (Серафимович, Колечко).

в) Отношения контактирования, возникшие в результате т а с к а н и я, д ё р г а н и я частей предметов, выражаются с помощью словосочетаний, в которых пояснительное слово употребляется в вин. падеже без предлога или с предлогами ЗА и ПОД (редко, в случае соприкосновения предметов на нижней части объекта). Ср.:

тянуть кого-л. за руку	- kezénél fogva huz vkit
дёргать/дёргнуть, дёрганье кого-л. за рукав, за ухо, дверь за ручку/ручку двери	- kabátujjánál fogva rángat vkit, megráncigálja vki fülét, megrántja az ajtó kilincseit
надрать уши кому-л. Надеру тебе уши (разг. 'наказать, сильно дёргая за уши')	- meghuzza vki fülét. Meghuzom a füledet.
драть кого-л. за волосы, за вихор, за уши/ уши кого-л. (с целью наказания)	- meghuzza vki haját, üstökét, fülét
отдирать/отодрать кого-л. за уши (разг. 'больно оттащить за уши')	- fájdalmasan meghuzza vki fülét

НУ: отодрать кому-л. уши (= 'отор- letépi vki fülét

вать кому-л. уши)

- от/таскать кого-л. за волосы (разг. 'наказывая, дергать до боли за что-н.')
- рвануть (прост. 'дернуть резко') кого-л. за рукав
- тормозить (разг.) кого-л. за рукав
- теребить ('несильно дергать, трести') кого-л. за плечо, за бржки
- оттеребить (разг. 'оттаскать, отдрать, подергать за что-н.')
- за волосы (Ушаков)
- таскать за волосы, за уши кого-н.
- meghuzgálja vki haját
- megrántja vki kabátujját
- ruhaujjánál fogva rángat vkit
- vállánál fogva megránt vkit, huzigálja vkinek a nadrágját
- meghuzza vki haját
- meghuzza vki haját, fülét

г) Отношения контактирования, возникшие в результате **д е р ж а н и я** субъектом какого-л. предмета, также выражаются с помощью словосочетаний с предлогами **ЗА** или **ПОД**. Ср.:

- держаться за поручень, за кого-н.
- держать бочку под дно, лошадь под уздцы
- придерживать/придержать кого-л. за локоть
- поддерживать/поддержать кого-л. за локоть
- Барон хохотал, держась обеими руками за свой большой живот (Миксат)
- вести кого-л. за руку/под руку
- идти с кем-н. под руку
- трести кого-н. за плечо
- привязывать/привязать к веревке за хвост пойманную рыбу
- водить кого-н. за нос (переносное значение)
- megfogódkodik a korlátba, belekapaszkodik vkibe
- fenekénél fogva tartja a hordót, kantárszáron tartja a lovat
- könyökénél fogva támogat vkit
- karjánál fogva támogat vkit
- A báró kacagott, hogy a hasát fogta /Mikszáth, Különös házasság/
- kézen fogva, karon fogva vezet vkit
- karon fogva megy vkivel
- vállánál fogva megráz vkit
- a fogott halat farkánál fogva köti a madzagra
- orránál fogva vezet vkit.

Люсьен её тряс за плечо (Эренбург, Падение Парижа). Вдруг озади кто-то придержал за локоть (Федин, Братья). Привязал к веревке за хвост пойманную днем рыбу (Паустовский, Кот-Ворюга). Иван спрыгнул и повел за повод добрую, сытую лошадь (Л.Толстой, Анна Каренина).

Словосочетания **ДЕРЖАТЬ** лошадь **В ПОВОДЬЯ**/В **ПОВОДУ** в современном русском языке употребляются редко. Напр.: Из крепости окачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья (Пушкин, Кап.д.). У

штаба стоял коновод, держа в поводу оседланных коней (Горбатов, Александр Гайдаш).

Словосочетания ДЕРЖАТЬ КОГО-Л. В УЗДЕ 'féken v kordában tart vkit,' ДЕРЖАТЬ КОГО-Л. НА ПОВОДУ 'pórázon tart vkit' и БЫТЬ/ИДТИ НА ПОВОДУ 'pórázon lenni' являются устойчивыми.

3./ Словосочетания контактирования с предлогом В, употребляющимся с вин. падежом пояснительного слова, обозначают не только соприкосновение предметов, но и уточняют место распространения действия или указывают направление действия на предмет. При уточнении места распространения действия вместо предлога В возможно употребление беспредложного вин.падежа или предлога ЗА (в сочетаниях с глаголом УКУСИТЬ). Ср.:

Он поцеловал её в лоб (в губы, в щеки, в шею, в руку)

- Megcsókolta a homlokát, a száját, az arcát, a nyakát, a kezét

Он так и впелся в неё: целовал её в губы, в плечи, целовал её седые волосы, руку (Гончаров, Обрыв)

- Hirtelen átkarolta: csókolta a száját, a vállát, az ősz haját, a kezét.

..он сжал крепче её руку и поцеловал её в губы (Л.Толстой, Воскресение)

- ..erősebben szorította meg a kezét és száján csókolta

И внезапно обняв и чмокнув меня в плечо, Миша выскочил на двор (Тургенев)

- Misa hirtelen átölelt, megcsókolta a vállamat és kiszaladt az udvarra.

Он попал тигру в голову

- A tigrisnek a fejét találta el.

Осколком снаряда он был ранен в голову

- Egy gránátszilánk megsebesítette a fejét.

В марте ранило меня в обе ноги без повреждения кости (А.Толстой)

- Márciusban mind a két lábamon megsebesültem, de a csontok nem sérültek meg.

Комары нестерпимо кусали шею и руки (Арсеньев)

- A szunyogok elviselhetetlenül csipdesték nyakunkat és kezünket.

Одна собака укусила мне ногу (Тургенев)

- Egy kutya megharapta a lábamat.

Щенок больно укусил козленка за ногу (С. Михалков)

- A kutyakölyök úgy megharapta a gida lábát, hogy fájt neki.

сделать кому-н. укол в руку, в ногу

- injekciót ad vki kezébe, lábába.

Словосочетания с предлогом В не обязательно обозначают контактирование предметов, иногда они указывают только направление действия на предмет, и лишь контекст показывает, произошло контактирование или нет. Напр.:

Он взял ружье и выстрелил в зверя
Сильвио стал в меня прицеливаться-
ся (Пушкин, Выстрел)

Бандиты стреляли в него, да не
попали

Офицер в бешенстве схватил со стола
медный шандал, пустил его в Сильвио, -
который едва успел отклониться от
удара (Пушкин, Выстрел)

Как запущу в тебя поленом

В собаку и то нечем бросить (Фед-
дин, Сад)

Поднимает с земли камень и швы-
ряет в фонарь (Носов)

Не целься в меня (С. Михалков)
метить в цель, кому-н. в голову
тыкать, тычет пальцем в кого-н.

Аркадий Павлыч.. подошел к проси-
телям. (Оба молча поклонились ему
в ноги (Тургенев, Бургомистр).

Приказчик мой задрожал и повалился
генералу в ноги (Пушкин, Дубровский)

Дедушка сел и заплакал, уткнув го-
лову в колени дрожащих ног (Горь-
кий, Дед Архип и Ленька).

В словосочетаниях с предлогом В обычно употребляются глаголы,
имеющие целенаправленное значение. Конструкция
В + вин. падеж употребляется, если кроме соприкосновения выражает-
ся и значение 'производить звук чем-л.', 'нанести удар, чтобы быть
услышанным, обратить на себя внимание', а также 'попадание при
описании стихийных явлений. Напр.:

бить в колокол, в барабан, в на-
бат

бить в цель 'действовать целе-
направленно'

постучать в дверь, в окно, в сте-
ну, стук в дверь

Дождь стучит в окно (НО: по крыше)

Дождь хлещет в окно

Мелкий ноябрьский дождь однооб-
разно барабанил в окна (Гарин-
Михайловский)

- Fogta a puskát és rálőtt a vadra
- Szilvio megcélzott engemet.

- A banditák rálőttek, de nem
találták el.

- A tiszt dühében felkapta az asz-
talról a rézgyertyatartót és
Szilviohoz vágta, aki alig tu-
dott elhajolni az ütés elől.

- Ugy hozzád vágom ezt a hasábfát.

- Nincs mit vágni a kutyához.

- A földről felvesz egy követ és
a lámpához vágja.

- Ne vegyél engemet célba!

- célba talál, eltalálja vki fejét

- ujjal mutat vkire

- Arkadij Pavlovics odament a ké-
relmezőkhöz. Mind a ketten né-
mán meghajoltak előtte.

- Az intéző reszketett és a tábor-
nok előtt földig hajolt.

- A nagypapa leült és sirva fakadt,
fejét reszkető térdei közé hajtva.

- harangozik, dobol, félreveri a ha-
rangot

- célba talál, célra tör

- kopog az ajtón, az ablakon, a fa-
lon át, kopogtatás az ajtón

- Az eső veri az ablakot /a tetőt/

- Az eső veri az ablakot.

- Az aprószemű novemberi eső egyhan-
guan kopogott az ablakon.

В словосочетаниях с глаголом СТРЕЛЯТЬ пояснительное слово может употребляться в форме вин.падежа с предлогом В, в форме дат. падежа с предлогом ПО и в некоторых, напр., "охотничьих" выражениях – в форме вин. падежа без предлога. Ср.:

стрелять в безоружную толпу, друг в друга, в птиц, в зайцев, в цель, в мишень, в него

- fegyvertelen tömegre lő, lőnek egymásra, madarakra, nyulakra; célba, céltáblára lő, rálő

Полиция продолжала стрелять в безоружные толпы демонстрантов (За рубежом, 28 сент. 1968, 2)

- A rendőrség tovább tüzelt a fegyvertelen tüntetőkre.

стрелять по безоружной толпе (только: стрелять по движущейся цели, по врагу, по неприятелю, по самолёту, по танкам, из пушек по воробьям

- lő a fegyvertelen tömegre, mozgó célpontra lő, tüzel az ellenségre, repülőre, tankokra, ágyúval lő a verébre

стрелять, настреливать/настрелять уток, зайцев, полный ягдташ дичи, (охотясь, убить какое-н. количество дичи, мелких зверей)

- vadkacskákat, nyulakat, egy vadásztáska vadat, foglyokat lő

Журавлей стрелять трудно (Аксаков)

- A darut nehéz lelőni.

Если на охоте убивают не мелких зверей, то в значении венгерского глагола 'lőni' употребляется глагол УБИВАТЬ/УБИТЬ. Напр.:

убить медведя, тигра, кабана. "..он убил какого-то зверька, вроде нашего зайца.." (Дефо, Робинзон Крузо), "..взбирался на какой-нибудь холм и стрелял в коз с вершин". Первым же выстрелом я убил молодую козу.." (Дефо, Р.К.). Вчера убил большую птицу (Дефо, Р.К.).

Глаголы ЗАСТРЕЛИВАТЬ/ЗАСТРЕЛИТЬ, ПОДСТРЕЛИВАТЬ/ПОДСТРЕЛИТЬ употребляются только с беспредложным вин. падежом. Напр.: застрелять волка (обычно охотясь), Отец её.. погуб в молодых годах, нечаянно застреленный на охоте товарищем (Тургенев, Фауст). Он увидел, как я застрелил одного из его врагов.. (Дефо, Р.К.); Спускаясь с холма, я подстрелил одну птицу, очень большую. (Дефо, Р.К.). Было, конечно, приятно, подстрелить на охоте льва, но мясо его не годилось в пищу (Дефо, Р.К.).

Пояснительные слова с глаголами БИТЬ (в значении 'стрелять'), ПАЛИТЬ и со словосочетанием ОТКРЫТЬ ОГОНЬ употребляются только с предлогом ПО. Напр.: Зенитки бьют по самолетам. Турецкие пушки палили по "Святому Павлу" (Л. Раковский, Адмирал Ушаков). Он открыл бешенный огонь по русским фрегатам авангарда (Там же). Стрелки от-

крыли по ней беглый огонь (Арсеньев, Сквозь тайгу). НО: палить в темноту, в небо.

4. При уточнении места удара пояснительные слова употребляются с предлогами ПО (с дат. падежом) или В (с вин. падежом). Сочетания с предлогом В употребляются обычно при подчеркивании резкости или направленности удара. Пояснительные слова иногда употребляются также в форме беспредложного вин. падежа.

а) При нанесении удара по одушевленным и неодушевленным предметам употребляются следующие словосочетания:

ударять/ударить кого-н. по груди, по лицу, по спине - в грудь, в лицо, в спину, палкой по дереву, кулаком по столу - существительные, обозначающие неодушевленные предметы, употребляют-ся только с предлогом по.	- mellbe vág, arcon üt, hátba vág vkit, pálcával csapdossa a fát, öklével az asztalra csap
колотить кого-н. по спине/ в спину	- hátba vág vkit
хлопать/хлопнуть кого-н. по спине	- vkinek a hátára csap, üt
похлопать кого-н. по плечу, по руке, себя по колену; по щеке (дружески), по щекам (с целью наказания)	- a vállára, a kezére üt vkinek, a térdére csap, megpaskolja az arcát, arcul üt vkit.
по/гладить кого-н. по голове, себя по животу, волосы, лоб дочери	- megsimogatja vki fejét, magának a hasát, lánya haját, homlokát
шлёпать/шлёпнуть кого-н. по спине, рукой по воде, кого-н. по затылку	- megveregeti vki hátát, kezével a vízre csap, nyaklevest ad
НО: отшлёпать кого-н.	- megver vkit
бить по воротам, по противнику, по лицу, по груди, каблуками по полу, в лицо	- kapura lő, tüzel az ellenségre, arcul üt, mellére csap, topog a padlón
щёлкать/щёлкнуть кого-н. по голове, по носу	- barackot nyom vki fejére, megfricskázza vki orrát
грохотать/грохнуть кого-л. по затылку, изо всей силы кулаком по столу	- nyakon/tarkón vág vkit, teljes erejéből az asztalra csap
погрепать кого-н. по плечу	- vállon vereget vkit
повести ладонью по лицу	- végighuzza tenyerét az arcán
Я <u>ударил</u> <u>вожгой</u> <u>по лошади</u> (Тург.)	- A gyepelővel ráütöttem a lóra
Конопка гневно <u>ударил</u> <u>по столу</u> <u>жирной рукой..</u> (Миксат)	- Konopka mérgesen ütött kövér kezével az asztalra /M./
Если вы будете так говорить, я вас <u>ударю по руке</u> (Миксат)	- Mindjárt a kezére ütök, ha ilyen-t mond /Mikszáth, Sz.P. esernyője/

- Веронка развязала красный платок... вдруг ударила им Дюри по плечу (Миксат) - Veronka leoldotta a piros kendőjét, s hirtelen megcsapta vele Gyuri vállát /Mikszáth/
- Бутлер ударил себя по лбу (М.) - Butler a homlokára ütött /Mikszáth/
- Со сводчатого потолка сорвалась летучая мышь и задела Бутлера крыльями по лицу (М.) - Huh, egy bolond denevér fölroppent az ódon boltozatról és belevágódott Butler arcába /Mikszáth/
- И так как кошка не послушалась её, Ноэми внезапно шлёпнула её по голове (Иокаи) - Noémi hirtelen egy jó kis pofont adott neki a fejére /Jókai, Arany ember/
- Он снисходительно потрепал учителя по плечу (М.) - Barátságosan megveregette a tanító vállát /Mikszáth, Sz.P. esernyője/
- долбануть (прост.) кого-л. по спине, топором по доске - a hátára sóz vkinek, jó nagyot üt a fejszével a deszkára
- хватать/хватить (разг.) кого-л. шандалом по голове - vki fejéhez vágja a gyertyatartót
- треснуть (прост.) кулаком по столу - öklével az asztalra csap
- трахать/трахнуть (прост.) кулаком по столу, кого-л. по голове - öklével az asztalra vág, fejbe kólint vkit
- дубасить (прост.) по роялю, в дверь - veri, csépell a zongorát, veri az ajtót
- В окна бил дождь (Н. Никитин) - Az eső verte az ablakot .
- Холодный ветер бил Максиму в лицо (Марков, Строговы) - A hideg szél Maxim arcába vágott.
- И ударил своего ненавистника прямо в левый висок (Лермонтов) - A gyűlölt férfit balról halántékon vágta
- "...гребцы едва не задели её веслом по голове (Арсеньев) - .. az evezősök majdnem fejbe vágták az evezővel.
- Испанец.. нанес противнику саблей два страшных удара по голове (Дефо, Робинзон Крузо) - A spanyol férfi kardjával két hatalmas ütést mért ellenfele fejére.
- Монгольское иго нанесло сильный удар по культуре народов Закавказья. - A tatárok súlyos csapást mértek a Kaukázuson túli terület népeinek a kulturájára.

При нанесении удара чем-н. г н у щ и м с я, э л а с т и ч н ы м (кнутом, бичом и т.п.) употребляются следующие словосочетания:

- стегать/стегнуть, стегануть, выстегать кого-н. по спине ремнём, плёткой, кнутом - szíjjal, lovaglóbostorral, ostorral/ korbáccsal üti vki hátát.
- хлестать/хлестнуть, хлестануть лошадей кнутом - ostorral üti a lovakat

Острые иглы кипарисов.. хлестали его по лицу (Куприн, Белый пудель) - A ciprusfák éles tűskéje csapdosta az arcát

Человек хлопал себя по голенищу лозой (Нагибин, Трубка) - Az ember vesszővel csapdosta csizmazárát.

вытягивать/вытянуть кого-л. по спине кнутом (прост.) - végighuz vki hátán az ostorral

Глаголы СТЕГАТЬ, ХЛЕСТАТЬ употребляются также с названиями явлений природы. Напр. Ветер стегал по воде.. (Нагибин). На дворе дул ветер. Дождь хлестал в стеклянную дверь террасы (Вересаев, Проездом). Волны хлестали в борт лодки - вот-вот опрокинут (Шихов).

б) Словосочетания со следующими глаголами обозначают нанесение удара по о д у ш е в л е н н ы м предметам. Большинство этих словосочетаний подчеркивает силу и интенсивность удара, обычно наносимого с размаху; они имеют часто грубый характер. Ср.:

толкать/толкнуть кого-н. в бок, о бок, под бок - oldalba lök vkit

давать/дать кому-н. ногой в спину, по рукам, по уху (прост.) - ad neki lábával a hátára, kezére vág, fültövön csap

поддавать/поддать (прост.) кому-н. ногой под зад, в нос (собаке) - fenékbe rug, orrba rug vkit

раз его по руке - rászózott a kezére

влеплять/влепить кому-н. в лоб (разг.) - vki homlokára üt

залеплять/залепить кому-н. по щеке, кому-н. пощечину, плюху (прост.) - arcul csap vkit, leken egy pofont vkinek

кокать/кокнуть (прост.) кого-л. по голове - fejbe vág, csap vkit

ахнуть кого-н. по голове (фам.) - fejbe vág vkit

звездануть кого-н. по уху (вульг.) - fültövön csap vkit

заехать (груб.) кому-н. в физиономию, в рожу - vkinek a képébe mászik, képen töröl vkit

засветить кому-н. в физиономию (прост.) - vkinek az arcába sujt

мазнуть (прост.) кого-н. по лицу - leken vkinek egy pofont

оглушить кого-н. ударом по голове (прост.) - ökölcsapással letaglóz, leüt.

слездить кому-н. по физиономии (прост.) - vkinek a képébe mászik

садить : себя в грудь кулаком - erősen a mellére csap (прост.)

в) Нанесение удара по неодушевленным предметам обозначают следующие словосочетания:

Дождь барабанил по крыше	- Az eső dobol a háztetőn.
Град барабанил по палубе	- A jégeső kopog a fedélzeten
Мелкий ноябрьский дождь однообразно барабанил в окна (Гарин-Михайловский, Детство Темы)	- Az aprószemű őszi eső egyhanguan verte az ablakot.
Он равнодушно постукивал карандашом по столу	- Közömbösen dobolt/kopogott ceruzájával az asztalon
Господин Фаи живо вскочил, стукнув по столу широкой ладонью (Миксат)	- Fáty élénken ugrott fel, az asztalra csapván nagy tenyerével /Mikszáth, Különös házasság/

5./ При уточнении места опоры чего-кого-н. употребляются следующие словосочетания:

опираться/ опереться на кого-н./на что-н.обо что-н.	- vkire, vmire támaszkodik
опираться/опереть что-н. обо что-н.	- vmit nekitámaszt vminek
упираться/упереться чем-н. во что-н.	- vmivel vminek támaszkodik
упираться/упереть что-н. во что-н.	- vmit vmihez/vminek támaszt
облокачиваться/облокотиться на что-л. обо что-л.	- vmire könyököl
прислоняться/прислониться к чему-л.	- nekitámaszkodik, nekidől vminek

В молчанье, рукой опершись на седло, с коня он слезает угрюмый (Пушкин). Опершись головой на обе руки.. она пожирала глазами строки (Тургенев, Ася). В это время товарищ прокурора приподнялся наполовину, неестественно опираясь на один локоть (Л. Толстой, Воскресение), опираться/опереться на друга, на палку; на данные, на факты, на закон - опираться руками/локтями о стол, Наталья сидела, сложив руки на большой груди, опираясь спиной о забор (Горький, В людях). Высунуться в окно, опираясь о подоконник (Ушаков). Опирайте/ опереть лестницу о стену. Судьи облокачивались то на одну, то на другую ручку кресла.. (Л. Толстой, Воскресение). Он лежал, облокотившись на руку (Л. Толстой), облокотиться о подоконник (Ожегов), Любка облокотилась на стол.. (Чехов, Вори). - Пожаров облокотился о фонарный столб (Чехов, Первый любовник). Она снова стоит, облокотившись о рояль (Ф. Кнорре, Далекий зов). Серёжа опять облокотился

о край стола и задумался (Чехов, Дома). Лётчик облокотился о перила и смотрел, как разгорается рассвет (Паустовский. Шиповник).— Названия частей тела с глаголом облокотиться употребляются только с предлогом на. Упереть шест в стену, одну руку в бок. Филенков медленно поднялся и упёрся руками о стол (Чехов). Не прислоняйтесь к двери. Охотник прислонил свое ружье к пеньку.

2. Обозначение столкновения предметов

Отношения контактирования могут выражать случайное столкновение движущегося предмета с неподвижным предметом. При выражении объекта столкновения употребляются следующие конструкции:

1. Глаголы движения с приставкой НА- и существительные с предлогом НА называют действие и предмет, с которым это действие приводит кого-то или что-то в соприкосновение как с преградой. В венгерских эквивалентах этих словосочетаний существительные употребляются с прилепой. Ср.:

Телега наехала на пенё, на дерево, на столб	- A szekér nekiment a tuskónak, a fá- nak, az oszlopnak
Самолет налетел на скалу	- A repülő nekiment a sziklának.
Жук налетел на дверь, на стену	- A bogár nekiment az ajtónak, a falnak
Лошади нанесли экипаж на столб	- A lovak az oszlopnak vitték a hintót.
Лодку нанесло на мель	- A csónak zátonyba ütközött.
Лодка села на мель	- A csónak zátonyra futott.
Он набежал на пенёк, споткнулся и упал	- Nekieszaladt a tuskónak, megbotlott és elesett.
Он наткнулся щекой на острый сук	- Arcával nekiment egy éles gallynak.
Лодка натолкнулась на камень	- A csónak egy kőbe ütközött.
Судно наскочило на мину и пошло ко дну	- A hajó aknára futott és elsüllyedt.

Эти словосочетания могут употребляться в значении 'встретиться, столкнуться с кем-чем-н. (иногда неприятным, нежелательным) на своём пути'. Напр.: На седьмой день пути... отряд набрёл на старую... зимнюю дорогу (Фадеев, Последний из Удэге). Господь помог, наткну-
лись прямо на забор (Пушкин, Кап.д.). Наехал я на свежие следы

(Пушкин, Борис Годунов). На секунду стало холодно в груди, и голова сама собой начала втягиваться в плечи: казалось — я расшибусь в лепёшку, натолкнувшись на милиционера (Звезда, 1960/12, 36). Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес (Пушкин, Дубровский). Разведчик наполз на труп.

2. Функцию объекта столкновения могут иметь и конструкции с предлогом О/ОБ/ОБО + ВИН. ПАДЕЖ. Глаголы называют движение, приводящее к столкновению, соприкосновению с чем-л. Глаголы, употребляющиеся в этих словосочетаниях, часто имеют значение 'нанести травму, повредить что-то в результате соприкосновения'. Ср.:

Ветви деревьев стучат друг о дружку, — A fák ágai egymáshoz ütődnek.
одна о другую

ударять/ударить ногу о камень

— megüti lábát a kőbe

Мяч ударился о штангу ворот

— A labda a kapufélfához vágódott.

ударяться/удариться головой о перила, рукой о стол, о что-то твердое

— beleüti a fejét a korlátba, kezét az asztalba, vmi keménybe

спотыкаться/споткнуться о камень, о вымытые из земли корни деревьев

— megbotlik egy kőben, a fák földből kimosott gyökereibe

ушибать/ушибить ногу о камень

— megüti, megsérti lábát egy kőben

стукнуться головой о притолоку, о перегородку, боком о ручку рамы

— beleüti a fejét a szemöldökfába, a válaszfalba, oldalát az ablak f.

Обледенные ветви стучаются друг о друга

— A jeges ágak egymáshoz ütődnek

трахнуться ('сильно удариться') о землю носом, головой о железную балку

— az orrát beleüti a földbe, fejét a vasgerendába

Тяжелая лестница гулко брякнулась о землю/о пол ('упала с силой')

— A nehéz létra dübörögve vágódott a földre.

трескаться/треснуться ('сильно удариться, ушибиться') башкой о землю, лбом о балку

— feje nekiütődik a földnek, homlokát nekiüti a gerendának

шаркнуться (прост.) головой о стену

— nekiüti fejét a falnak

хлопаться/хлопнуться об дверь/на землю

— beleütözik az ajtóba, lepottyan a földre

Корабль разбился о скалы

— A hajó összetört a sziklákon.

Волны плещутся о берег

— A hullámok a partra csapódnak.

шмякаться/шмякнуться (разг.) о землю/на пол

— tompa csattanással a földre, a padlóra esik

тукаться/тукнуться (прост.) об стену

— nekiütődik a falnak

грохнуться об пол

— ráhuppan a padlóra

- трахнуться (прост.) головой о перекладину - erősen beüti a fejét a gerendába
- хрястнуться об дверь (прост.) - nekimegy, nekiütődik az ajtónak
- ободраться о колючки - a tüskék összeszaggatják ruháját
- Он оступился о камень и упал - Megbotlott egy kőben és elesett.
- шваркаться/шваркнуться (прост.) об стену - nekimegy, nekiütődik a falnak
- шарахаться/шарахнуться об угол - erősen megüti magát vmi sarkában
- колотиться головой об стену - fejét a falba veri
- Рыба колотится об лед. - A hal vergődik a jégen
- Он ляпнулся (прост.) об стену - Nekicsapódott a falnak
- тяпнуться об дверь (прост.) - nekiütődik, nekivetí magát az ajtó-
nak
- Сильно стучали его челюсти одна о другую (Куприн, Листроганы) - Erősen vacogtak fogai
- Горлышко графина звенело о стекло рюмки, когда Ильин наливал водку (Куприн, Погибшая сила) - Az üveg nyaka összekoccant a kupicával, amikor Iljin vodkát öntött.
- О скалу чуть не разбило её волной - A hullám csaknem a sziklához csap-
ta
- Конструкция О + ВИН. ПАД. может употребляться и с глаголами, обозначающими сознательное действие. Пояснительные слова в таких случаях обозначают вспомогательное средство действия, которое обычно используется не по назначению. Напр.:
- Он /кот/ тёрся головой о наши ноги (Паустовский) - A macska fejével lábainkhoz dörög-
lődzött.
- Не трй руки о бржки - Ne töröld a kezed a nadrágba.
- выбить пиджак о спинку стула - kiveri kabátját a széktámláján
- Жена вытерла руки о передник (Эренбург; Падение Парижа) - Feleségem megtörölte a kezét a kö-
tényébe.
- Вытри ногу о решётку/о половик - Töröld meg a lábad a lábtörölőbe.
- сломать палку о колено - eltörí a térdén a pálcát
- Сейчас возьму веник да обломаю об ваши бока! (Нева, 1964/6, 122) - Mindjárt fogom a seprűt és eltöröm az oldalatokon.
- разбить транзистор о тротуар, стакан о стол - a járdán eltörí a zsebrádiót, a po-
harat az asztalhoz üti és eltörí
- Ильин потушил папиросу об нож-
ку стула..(Куприн, Погибшая сила) - Iljin eloltotta a cigarettát a szék-
lában
- Паренёк между тем отряхнул снег о подножку и влез в машину (По-
левой, Зайчик) - A fiu azalatt leverte a hágcsóról a
havat és beszállt a gépkocsiba.
- Конь бьет копытами о землю - A ló patájával kapálja a földet.
- Он вытер бритву о бумажку/бумажкой - Papirba törölte a borotváját.

- Споткнувшись о камень, чуть не упал (Ушаков) - Megbotlott a kőbe és majdnem elesett.
- "..он остановился на одну секунду, стукнул вдруг каблуком о каблук (Куприн, Молох) - egy pillanatra megállt és hirtelen összeütötte a bokáját /sarkát/.
- Он топнул ногой о землю - Lábával dobbantott a földre.
- Он нога об ногу постукивал - Összeverte a lábát /pl. hidegben/.
- Он швырнул об пол шляпу - Földhöz csapta a kalapját.

Конструкция О + ВИН.ПАД. в субстантивных словосочетаниях выражает объектно-определятельные отношения. Напр.: трение о воздух, трение о поверхность, стук копыт о мостовую, удар мяча о стену, лызг железа о камень. - Корпус космического корабля накаляется от трения о воздух.

Конструкция О + ВИН.ПАД. употребляется также и в переносном значении. Напр.: Это предложение разбилось о сопротивление венгерского правительства (Пристер, Краткая история Австрии). Он всю неделю палец о палец не ударит 'Egy szalmát nem tesz keresztbe egész heteken át' /Mikszáth, Szent Péter esernyője, 55/.

3. Конструкцией ОБО ЧТО обозначается неподвижный предмет, который пользуется не по назначению и в результате соприкосновения с которым что-то было повреждено. Если предмет п о д в и ж е н, то употребляется конструкция ЧЕМ. Ср.:

Я уколюсь о какое-то растение
укалывать/уколоть руку об иглу

- Я уколю палец иголкой, когда пришивал пуговицу к пиджаку

A tű megszurja a kezét

- Amikor a gombot varrtam fel a kabáttra, megszurtam a kezemet a tűvel.

Не обожгись об утюг, он очень горячий

- Я обожглась утюгом, когда я гладила платье

Meg ne égessen a vasaló, forró.

Amikor vasaltam a ruhát, megégettem magam a vasalóval.

Он порезался о лезвие

- Он порезался бритвой (когда брился)

A zsilettpenge megvágta.

- Он порезал палец ножом (когда чинил карандаш)

4. При столкновении движущихся предметов употребляются словосочетания с глаголом СТАЛКИВАТЬСЯ/СТОЛКНУТЬСЯ или с существительным СТОЛКНОВЕНИЕ. Ср.:

Автомобиль столкнулся с трамваем - A gépkocsi összeütközött a villamossal

Льдины столкнулись

- A jégtáblák összeütköztek.

Столкновение двух судов ведёт за собой неминуемую гибель одного из них (И.Гончаров, фрегат "Паллада")

- Két hajó összeütközése az egyiknek a feltétlen pusztulását okozza.

3. Обозначение соединения предметов

Отношения соединения выражают, что предметы объединяются в одно целое. В словосочетаниях, выражающих соединение предметов, в функции главного члена выступают слова СОЕДИНЯТЬ/СОЕДИНИТЬ, ОБЪЕДИНЯТЬ/ОБЪЕДИНИТЬ, СВЯЗЫВАТЬ/СВЯЗАТЬ, СПЛАЧИВАТЬ/СПЛОТИТЬ, СЛИВАТЬ/СЛИТЬ, СПЛАВЛЯТЬ/СПЛАВИТЬ, СПАИВАТЬ/СПАЯТЬ, глаголы, образованные от них с помощью частицы -СЯ и образованные от этих глаголов существительные. В глагольных словосочетаниях пояснительные слова употребляются в форме вин. падежа или твор. падежа с предлогом С, в субстантивных словосочетаниях вместо вин. падежа употребляется род. падеж: Ср.:

соединять/соединить концы веревки, провода, оба берега реки мостом, два города автострадой, водород с кислородом, теорию с практикой

- összeköti a madzag végét, a vezetéket, a folyó két partját híddal, a két várost műtettel; hidrogént oxigénnel egyesít

Провода соединились

- A vezetékek összeértek

Полк шел на соединение с главными силами

- Az ezred egyesült a fő erővel

От соединения ртути с серою получается киноварь (Ушаков)

- A higany és a kén egyesülése révén cinóberfestéket kapunk.

объединять/объединить крестьян в колхозы, деятельность комиссий, работу массовых организаций, силы мира - Этот глагол не употребляется с существительными, обозначающими конкретные предметы.

- a parasztokat kolhozokban egyesíti, összefogja a bizottságok, tömegszervezetek munkáját, egységbe tömöríti a béke erőit.

право объединения в общественные организации

- a társadalmi szervezetek egyesülési joga

Тресты объединились в синдикат

- A trösztök szindikátusba egyesültek

связывать/связать концы веревки, руки веревкой, одно явление с другим, себя с рабочим движением

- összeköti a zsineget, vki kezét, egyik jelenséget a másikkal, sorát a munkásmozgalomhoz köti

связь науки и техники, связь науки с производством, с жизнью, связь теории с практикой

- a tudomány és a technika kapcsolata, a tudomány kapcsolata a termeléssel, az élettel; az elmélet kapcsolata a gyakorlattal

сочетать теорию с практикой
сочетание теории с практикой

- egyesíti az elméletet gyakorlattal
- az elmélet és a gyakorlat egyesítése

сплачивать/сплотить брёвна

- összeilleszti a gerendákat

сплочение народных масс, трудящихся всего мира	- a néptömegek összefogása, a világ dolgozóinak összetartása/egyesítése
сплотиться против общего врага	- egyesül a közös ellenség ellen
сливать/слить молоко от разных коров, остатки вина в одну бочку	- különböző tehenek tejét összeönti, a megmaradt borokat egy hordóba önti,
слияние с окружающей обстановкой	- a környezettel való egybeolvadás
сплавлять/сплавить два металлических куска	- két fémdarabot összeolvaszt
спаивать/спаять концы проволоки	- összeforrasztja a drótot

4. Обозначение прикрепления предметов

Различие между соединением и прикреплением состоит в том, что при соединении предметы обычно взаимодействуют друг с другом, а при прикреплении один предмет движется в сторону другого, обычно неподвижного, предмета с целью прикрепления.

1. Отношения прикрепления выражаются чаще всего с помощью глаголов и существительных с приставкой ПРИ-, пояснительные слова употребляются в форме дат. падежа с предлогом К. Ср.:

пришивать/пришить пуговку к рубашке	- felvarrja a gombot a kabátra
пришпиливать/пришпилить цветок к волосам (шпилькой)	- hajába tűzi a virágot
прикалывать/приколоть цветок к платью, брошь к блузке	- ruhájára tűzi a virágot, brosst tűz a bluzára
причаливать/причалить лодку к берегу	- a parthoz köti a csónakot
прицеплять/прицепить добавочный вагон к поезду	- pótkocsit kapcsol a vonathoz
Грязь присохла к одежде	- A sár a ruhájára tapadt/ragadt.
пристёгивать/пристегнуть капюшон к плащу	- a csuklyát/a kapucnit a köpenyre gombolja
приставлять/приставить лестницу к стене	- a falhoz támasztja a létrát
Грязь пристала к одежде	- A sár a ruhára tapadt, ragadt.
приныкать/приныкнуть ухом к стене	- fülét a falra tapasztja
примыкать/примкнуть штык к винтовке	- feltűzi a szuronyt a puskára

прилаживать/приладить замок к - a zárat az ajtóra szereli/erősíti
двери

прикреплять/прикрепить карту к - a térképet a falra erősíti
стене

приклеивать/приклеить объявление - hirdetményragaszt a falra
к стене

припаивать/припаять ручку к чайнику - a fogantyut a teáskannára for-
rasztja

прилеплять/прилепить пластырь к - flastromot rak a sebre
ране

НО: залепить ранку пластырем - flastrommalleragasztja a sebet
приколачивать/приколотить дощечку к забору - a kerítéshez lécet szegez

примётывать/приметать воротник к - odaférceli a gallért a kabát-
пиджаку

привязывать/привязать собаку к - kerítéshez köti a kutyát
забору

2. Отношения прикрепления, переплетаясь с пространственными отношениями, выражаются также с помощью глаголов с приставкой В-, пояснительные слова при которых употребляются в форме вин. падежа с предлогом В. Напр.:

вставлять/вставить новый замок в - új zárat tesz az ajtóba, üveget
дверь, стекло в раму tesz az ablakkeretbe

вкладывать/вложить саблю в ножны - kardot beleteszi a hüvelybe

вшибать/вшибить клин в бревно - éket ver a gerendába

вбивать/вбить гвоздь в доску - szeget ver a deszkába

Использованные словари:

Словарь синонимов русского языка в двух томах. Л. 1971

З.Е. Александрова, Словарь синонимов русского языка. М., 1968

Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова

Словарь русского языка в 4-х томах, АН СССР, М., 1959

К ИЗУЧЕНИЮ ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Кун

Порядок слов является "одним из самых основных синтаксических показателей в любом языке, а также одним из наиболее "сложных" — отмечает Г. Глисон (6, 194) Чрезвычайной сложностью, многоплановостью этого явления объясняется непрерывный интерес, проявляемый лингвистами к изучению порядка слов.

Изучение порядка слов является важным с точки зрения теории языка: без включения проблематики словорасположения немислимо целостное научное описание синтаксиса отдельных языков, подлинное понимание функционирования данной языковой системы и системы языка вообще. Исследование закономерностей порядка слов, несомненно, имеет помимо теоретического, большое практическое значение. Оно сказывается в повседневной школьной практике при обучении учащихся правильному сочинению и на всех этапах обучения иностранным языкам.

Изучению словорасположения посвящено много ценных лингвистических исследований, в особенности в языках с так называемым свободным порядком слов. Большие успехи достигнуты лингвистами в области изучения порядка слов в славянских языках, в том числе и в русском.

Языковеды, высказываясь по общим и частным проблемам словоупотребления в разные эпохи, выражали самые разнообразные, не раз прямо противоположные друг другу мнения. Большие расхождения во взглядах исследователей на порядок слов тесно связаны с их воззрениями на более общие проблемы языкознания, как например: предмет синтаксиса, связь между языком и мышлением, языком и речью и т.д.

Первая попытка освещения закономерностей порядка слов на грамматической основе в русском языкознании прошлого века связана с именем И.И. Давыдова. Вопросы порядка слов затрагивали еще А.А. Барсов, М.И. Греч, Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, К.С. Аксаков, В. Сланский. Их подход к освещению порядка слов характеризуется, с одной стороны, четкой связью с аристотелевской формальной логикой (поэтому направление и называется логико-грамматическим) и, с другой стороны, стремлением, через нее раскрыть специфические, собственно грамматические

особенности русского словорасположения.¹ Их труды содержат ценные указания на порядок слов.

Ф.И. Буслаев высказал широко распространенное впоследствии мнение об обусловленности места главных членов предложения смысловыми и интонационными причинами. (2, 32-33) А.Х. Востоков определяет порядок слов ("размещение слов") следующим образом: "Размещение слов есть показание порядка, в каком должны стоять слова, составляющие предложение". Далее он пишет: "Сюда относятся правила: 1. О порядке главных членов предложения и их связей; 2. О размещении слов определительных и дополнительных."² Эти идеи А.Х. Востокова, несомненно, оказали заметное влияние на дальнейшие исследования в области порядка слов.

По концепции В. Сланского, к разбору предложений нужно подходить с трех аспектов, четко отделяя грамматическое от логического. По мнению В. Сланского, в каждом случае потребовалось бы 1) разъяснение логического смысла в предложении, 2) разъяснение грамматических - звуковых и смысловых - элементов слов и, наконец, 3) на основании того и другого разъяснения, разъяснение самых способов, какими именно логические элементы передаются грамматическими. (16, 124) Излагая сущность этих трех аспектов, В. Сланский в своих рассуждениях - по мнению В.В. Виноградова - близко подходит к различению в предложении грамматической схемы и плана актуального членения. В.В. Виноградов пишет: "В сущности, в этих рассуждениях В. Сланского можно видеть зародыш тех идей, которые позднее привели к различению грамматической схемы предложения и его актуального членения или к различению структурно-смысловых особенностей предложений на основе соотношения в них "данного" и "нового". (4, 307)

В общих курсах по русской грамматике в понятие порядка слов вкладывается обычно две вещи, принадлежащие по своему характеру двум языковым уровням - уровню словосочетания и синтаксическому

¹ При ознакомлении с историей изучения порядка слов в русском языке - знанию автору основным руководством служила книга В.В. Виноградова Из истории изучения русского синтаксиса. (4, 142, 169, 201, 307)

² Цитата приводится в книге В.В. Виноградова. (4, 142)

уровню, хотя в ряде работ ³ четкой грани между двумя аспектами не проводится. При исследовании берет перевес первый аспект – большинство наблюдений не выходит за рамки словосочетаний.

Для характеристики порядка слов как в словосочетаниях, так и в предложениях берется обычно два термина: прямой (обычный, нормальный) и обратный (инверсионный, инверсивный, инвертированный) порядок. Если данное слово (или член предложения) ставится на обычном для него месте по отношению к другому слову (или члену предложения), с которым оно непосредственно связано, то принято говорить о прямом порядке. Всякое отступление от обычного (прямого) порядка рассматривается как обратный порядок.

Следовательно, в качестве критерия характеристики порядка слов на обоих уровнях выступает "обычность" – норма употребления. Такой анализ с нашей точки зрения вполне правомерен на уровне словосочетания, но вряд ли может оказаться пригодным и удовлетворительным для описания закономерностей словорасположения в единице, качественно отличающейся от словосочетания, относящейся к более высокому уровню.

А.Н. Гвоздев стремится к последовательному разграничению порядка слов в предложении. Видя весьма относительную объяснительную силу терминов "прямой" и "обратный" порядок на синтаксическом уровне, он вводит понятия "описательный порядок" и "повествовательный порядок". (5, 171)

В смешении понятий, относящихся к разным языковым уровням, состоит один из главных недостатков "традиционной" трактовки порядка слов. С другой стороны, лингвисты, высказываясь относительно порядка слов, игнорировали интонацию, "вне связи с которой – по мнению А.Б. Шапиро – разрешение данного вопроса совершенно немыслимо". (19, 203)

Широко распространенным является мнение, согласно которому в русском языке порядок слов выполняет три функции: а) грамматическую (синтаксическую) функцию, б) коммуникативную (смысловую) функцию и

³ См. например, разделы о порядке слов в следующих книгах: Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина, В.В. Цапкевич, Современный русский язык (3, 359–364); Современный русский язык, под редакцией Д.Э. Розенталя (18, 479–485); Современный русский язык, Синтаксис, под ред. Е.М. Галкиной-Федорук (17, 224) и сл.); Ф.К. Гужва, Современный русский литературный язык, Синтаксис (9, 116–122); а также Грамматика русского языка, Изд. АН СССР, т. II, ч. I (7, 660–693).

в) функцию стилистическую.⁴ В некоторых пособиях стилистическая функция порядка слов понимается чрезмерно широко, в нее включается и коммуникативная функция.⁵

В связи с грамматической функцией порядка слов часто противопоставляются друг другу языки с аналитическим и синтетическим строем. В аналитических языках порядок слов по тем или иным причинам является закрепленным, изменение порядка слов при сохранении передаваемой информации предельно ограничено или совсем невозможно. Поэтому порядок слов в этих языках принято называть "твердым". В синтетических языках (в том числе и русском) порядок слов оказывается от этой функции почти полностью освобожденным. В этом смысле можно говорить о свободном порядке слов.⁶

Для ряда общих грамматик русского языка порядок слов представляет интерес лишь в той степени, в какой он выступает в роли дифференцирующего фактора при выражении грамматических членов предложения, т.е. в так называемой грамматической функции.⁷

Ценными являются замечания А.М. Пешковского о взаимосвязи интонации и порядка слов, порядка слов и форм слов. Он вплотную подходит к выявлению основной функции порядка слов в русском языке, однако узкое понимание грамматического значения препятствует ему сделать в этом направлении последний шаг. Он указывает на функциональную заменяемость значений, выражаемых, с одной стороны, форма-

⁴ См. об этом: К.Т. Крушельницкая, Очерки по сопоставительной грамматике русского и немецкого языков (10, 255); И.П. Распопов, К. Закирьянов, Основные функции порядка слов в русском языке (15, 5); Современный русский язык под ред. Д.Э. Розенталя (18, 479). П. Адамец в качестве отдельной функции выделяет эмоциональную (эксперисивную) функцию порядка слов (1, 9-10).

⁵ См., например: Н.С. Балгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина, В.В. Цапкевич, Современный русский язык: "Стилистическое значение слов заключается в том, что с их перестановкой создаются добавочные смысловые оттенки, усиливается или ослабляется смысловая нагрузка члена предложения." (3, 359-360)

⁶ Понятия "твердый" и "свободный" порядок являются относительными. По всей вероятности, элементы твердого и свободного порядка найдены во всех языках, только их пропорция неодинакова.

⁷ Грамматическая функция порядка слов рассматривается в Грамматике русского языка АН СССР (7, 660-661); в общих курсах (17, 223; 3, 359; 18, 479-480). Подробно описываются эти функции в трудах исследователей порядка слов с точки зрения актуального членения (1, 12-18; 12; 21, 55-56; и т.д.)

ми слов и служебными словами, и, с другой стороны, интонацией и порядком слов.⁸ Однако он, сопоставляя значения, создаваемые в русском предложении перестановкой слов, и значения, выражаемые формами слов и служебными словами, оставляет первые вне поля зрения, не понимая важности с лингвистической точки зрения того качественно нового синтаксического значения, которое создается в результате совместного действия форм слов, служебных слов, интонации и порядка слов. На таком основании он определяет порядок слов как "вспомогательное средство второго ранга". (14, 52)

В настоящее время большинством лингвистов принята точка зрения, развитая, в частности, исследователями актуального членения, соответствующая которой основной функцией порядка слов в русском языке следует признать коммуникативную функцию — функцию выражения актуального членения.

Внесение коммуникативной точки зрения (основных позиций теории актуального членения) в качестве основного критерия для описания закономерностей порядка слов имеет принципиальную важность: членение на тему и ремю создает возможность для рассмотрения порядка слов на синтаксическом уровне во взаимосвязи с языковыми средствами, которые, взаимодействуя с порядком слов, также участвуют в осуществлении коммуникативной функции языка. К этим средствам следует отнести прежде всего интонацию, в том числе акцентные средства.

В описаниях словорасположения в русском языке, при всем многообразии в деталях, можно наметить некоторые общие черты. (Часть общих черт восходит к концепции В. Матезиуса и других авторов.)

а) В работах рассматривается взаимное расположение темы (того, о чем сообщается) и ремы (того, что сообщается) в высказывании. Последовательность тема-рема называется обычным порядком, а последовательность рема-тема — эмфатическим порядком.⁹ Место любого слова

⁸ Эти идеи А.М. Пешковского получили среди лингвистов широкое распространение.

⁹ Эти термины встречаются, например, в работах К.Г. Крушельницкой (11), Н.М. Лариохиной (12). В. Матезиус употребляет термины "объективный порядок" и "субъективный порядок" (13). В.С. Юрченко называет обычный порядок "прогрессивной последовательностью", а эмфатический порядок — "регрессивной" (20). Ласло Элекфи говорит о "рациональном" и "эмоциональном" порядке (22).

(члена предложения) в высказывании в наиболее общем плане зависит от его коммуникативной нагрузки, от того, составляет ли оно тему или ремю (входит ли оно в состав темы или ремы).

б) Если в высказывании нет противопоставления темы и ремы, высказывание называется нерасчлененным (высказывания типа Стала чистота, Начинает светать, Было холодно, Идет снег, Вручены премии, Требуется проверить). Критерии нерасчлененности являются, однако, недостаточно выясненными.

в) В работах о словорасположении в русском языке большое внимание уделяется интонационным средствам, в первую очередь фразовому и логическому ударению. Разграничение, однако, между фразовым и логическим ударением является недостаточно четким. Не составляет исключения в этом отношении и "Грамматика современного русского литературного языка". (8, §. 1375)

Как явствует из сказанного, наряду с общеизвестными положениями имеется и ряд малоизученных явлений, невыясненных проблем, и этот ряд нами далеко не исчерпан. Несмотря на нерешенные вопросы актуального членения (включая и вопросы теоретического плана), преимущество изучения порядка слов с коммуникативной точки зрения в настоящее время уже вряд ли можно оспаривать.

Литература

1. Адамец, П., Порядок слов в современном русском языке, Прага, 1966
2. Буслаев, Ф.И., Историческая грамматика русского языка, Синтаксис, Изд-е третье, М., 1869
3. Валгина, Н.С., Розенталь, Д.Э., Фомина, М.И., Цапкевич, В.В., Современный русский язык, Изд-е 4-е, М., 1971
4. Виноградов, В.В., Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова), Изд-во Моск. ун-та, 1958
5. Гвоздев, А.Н., Современный русский литературный язык, ч. II, Синтаксис, Изд-е 3-е, М., 1968
6. Глисон, Г., Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959
7. Грамматика русского языка, т. II, ч. I, Синтаксис, Изд-во АН СССР, М., 1954
8. Грамматика современного русского литературного языка, Изд-во "Наука", М., 1970
9. Гужва, Ф.К., Современный русский литературный язык, Синтаксис, Киев, 1971
10. Крушельницкая, К.Г., Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков, М., 1961
11. Крушельницкая, К.Г., К вопросу о смысловом членении предложения, ВЯ, 1956, № 5
12. Лариохина, Н.М., Функции порядка слов в русском языке и методика работы над порядком слов, в сб.: "Методика преподавания русского языка иностранцам", МГУ, 1967
13. Матезиус, В., О так называемом актуальном членении предложения, в сб.: "Пражский лингвистический кружок", М., 1967
14. Пешковский, А.М., Русский синтаксис в научном освещении, Изд-е 7-е, М., 1956
15. Распопов, И.П., Закирьянов, К., Основные функции порядка слов в русском языке, РЯНШ, 1965, № 4.
16. Сланский, В., Грамматика — как она есть и как должна бы быть, СПб., 1887
17. Современный русский язык. Синтаксис, под ред. проф. Е.М. Галкиной-Федорук, М., 1958
18. Современный русский язык, под ред. проф. Д.Э. Розенталя, М., 1971

19. Шапиро, А.Б., Очерки по синтаксису русских народных говоров
М., 1953
20. Юрченко, В.С., О взаимосвязи мышления, языка и речи на коммуни-
кативном уровне, в сб.: "Язык и мышление", М., 1967
21. Buttke, K., Gesetzmässigkeiten der Wortfolge im Russischen.
Halle (Saale), 1969.
22. Elekfi L., Közlésemélet, grammatika, aktuális mondattagolás.
В сб.: Általános nyelvészeti tanulmányok IX., Budapest,
1973.

К НЕРЕШЕННЫМ ВОПРОСАМ ТЕОРИИ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Л. Кун

Изучение вопросов теории актуального членения имеет давнюю историю.¹ Сущность теории излагается во многих исследованиях, как нам представляется, без значительных расхождений в мнениях. Однако, терминология, употребляемая исследователями для наименования самой теории и ее категорий, многообразна.²

Среди лингвистов широко распространено мнение, что основные функции языка – это "функция быть средством общения" (29, 9), то есть функция коммуникативная (интериндивидуальная), и функция быть средством мысли (интраиндивидуальная). (40, 8) С осуществлением коммуникативной функции языка и связана теория актуального членения.

¹ Известное нам наиболее полное изложение истории изучения актуального членения находится в кн. А.Л. Пумпянского. (32, 23-40)

² Наиболее употребительные наименования актуального членения следующие: Actual Sentence Bipartition (ASB), функциональная перспектива предложения (Functional Sentence Perspective), FSP, funktionelle Satzperspektive, Thema-Rhema-Gliederung, Topic Comment Structure. Известны еще и другие названия актуального членения, как например, смысловое членение (К.Г. Крушельницкая), коммуникативное членение (Э.А. Ключкова), функционально-семантическое членение (В.С. Юрченко), логико-грамматическое членение (А.Л. Пумпянский).

Наряду с матезиусовскими терминами "основа" и "ядро", входящими, как на это указывает А.Л. Пумпянский (32, 34), к концепции А. Вейля, употребляется множество других терминов, как например: тема-рема (К. Боост, И.И. Ковтунова, Н.И. Серкова и др.); данное-новое (К.Г. Крушельницкая, О.Б. Сиротинина, Н.М. Лариошина, И.А. Кравчук и др.); topic-comment (Л. Дежэ, Д. Сепе, Э. Дал и др.); основа-предиктируемая часть (И.П. Распопов); лексическое подлежащее-лексическое сказуемое (А.И. Смирницкий); тема – повод (Ш. Балли); смысловой субъект-смысловый предикат (А.В. Бельский); тема – пропозитум (Л. Элекфи); аргумент – функция (Х.В. Шаллер). Некоторые авторы продолжают употреблять старые термины "логический субъект – логический предикат" (А.Л. Пумпянский и др.); "психологический субъект – психологический предикат" (О.Б. Сиротинина, Ш. Карой и др.)

П. Адамец определяет актуальное членение следующим образом: "Актуальное членение предложения – это организация предложения в целях передачи актуальной информации." (I, 19) И.И. Ковтунова пишет: "Членение предложения в зависимости от его коммуникативного задания в данной речевой цепи называется актуальным членением." (II, 10)

С точки зрения актуального членения высказывание рассматривается как динамическая единица, расчленяющаяся на два компонента – на тему и реме. Тема – это то, из чего мы исходим при данном коммуникативном задании, а в реме содержится актуальная информация, цель, ради которой высказывание включается в речевую цепь. Членение на тему и реме производится, следовательно, по принципу коммуникативной динамичности. В состав темы и реме в принципе могут входить любые члены предложения – в этом проявляется динамический характер актуального членения.

Актуальное членение располагает в разных языках в зависимости от особенностей языковой системы разными средствами выражения. Основными средствами выражения актуального членения в славянских языках являются интонация и порядок слов.³

С приведенными выше положениями исследователи актуального членения обычно соглашались. Однако во многих вопросах теоретического плана среди исследователей нет единства. На это указыва-

³ О вспомогательных средствах выражения актуального членения в русском языке см. П. Адамец, Порядок слов в современном русском языке (I, 24–25). В других языках имеются вспомогательные средства другого характера: специальные аффиксы и обороты, артикли. Об артиклях в немецком языке см. К.Г. Крушельницкая, Очерки по сопоставительной грамматике русского и немецкого языков (19, 206–216), о них же в венгерском языке Károly S.: Az állítmányi mellékmondatokról (53). Относительно отсутствия артикля в русском языке Д.И. Фурсенко замечает, что "функцию артиклей в русском языке выполняет порядок слов..." (39, 69).

ет работа О.А. Лаптевой "Нерешенные вопросы теории актуального членения" (21). В данной статье мы постараемся обратить внимание на некоторые дальнейшие, не однозначно решенные вопросы теории актуального членения.

А. Вопрос о том, какое место занимает актуальное членение в системе языка, — один из самых сложных.

1) Некоторые исследователи относятся к правомерности изучения актуального членения отрицательно.

Игнорируя понятие "актуальное членение", А.С. Мельничук считает, что актуальное членение представляет собой результат неполного обобщения явлений, относящихся к синтагматическому членению (26, 55), однако его выводы в сущности совпадают с результатами актуального членения.⁴

С подобных позиций подходит к актуальному членению и В.И. Бухарин. По его мнению, "актуальное членение — это логическое, смысловое членение предложения ..." (7, 91). Несколько ниже он заявляет, что актуальное членение зависит от коммуникативной установки, то есть в конечном счете от субъективных факторов, и поэтому он является вторичным по отношению к объективно существующему синтагматическому членению (7, 92). Хотя он признает "наслаивание" актуального членения на членение синтагматическое и способность его "разрушить" синтагматическое членение, всё-таки из предпосылок, что синтагматическое членение может оставаться сохраненным или актуальное членение нарушает только одну синтагму, он приходит к выводу, что "в целом актуальное членение не влияет на членение синтагматическое и является вторичным после него "субъективно-коммуникативным" смысловым членением" (7, 92). В конечном счете актуальное членение понимается автором слишком узко, что приводит его к утверждению о субъективно-коммуникативном характере актуального членения. Факты, свидетельствующие о взаимосвязи, взаимовлиянии обоих членений, в статье явно недооцениваются. Все это позволяет В.И. Бухарину присоединиться

⁴ Более подробный анализ концепции А.С. Мельничука см. в кн. И.П. Распопова "Актуальное членение предложения". (33, 52-54) См. также указ. соч. П. Адамца. (1, 19)

к мнению Л.С. Бархударова о том, что "... единицы актуального членения предложения "данное" и "новое" или "тема" и "рема" и т.д. не могут считаться синтаксическими и тем самым вообще грамматическими единицами" (3, 192).

2) Несколько иначе освещается актуальное членение В.З. Панфиловым (30) и вслед за ним и другими исследователями (13; 42). Анализируя взаимосвязь языка и мышления на логико-грамматическом уровне, он решает вопрос о принадлежности актуального членения дуалистически: содержательную сторону актуального членения он относит к логике, средства же его выражения к грамматике.

3) Многие лингвисты усматривают в актуальном членении явление, относящееся по всей своей сущности, а также по языковому выражению к синтаксису. Такого взгляда придерживаются К.Г. Крушельницкая, И.П. Распопов, П. Адамец, И.И. Ковтунова, И.Ф. Вардуть, Ф. Данеш, Ф. Фабрициус-Ковач, А.Д. Наседкин, Н.И. Серкова, И.А. Кравчук и другие.

С точки зрения того, как авторы включают актуальное членение в синтаксис, решающими являются их взгляды на соотношение грамматического и актуального членений, или, что в конечном счете почти одно и то же, на пределы синтаксиса.

Из распознавания того факта, что грамматическое и актуальное членения "имеют неодинаковую семантико-функциональную роль и благодаря этому располагаются, так сказать, в различных плоскостях его структуры" (структуры предложения - Л.К.) (33, 44), И.П. Распопов приходит в своих более поздних трудах к выявлению в структуре предложения двух аспектов: конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического уровней (34; 35, 31).

П. Адамец рассматривает соотношение линейно-динамических структур и актуально-синтаксических типов. Линейно-динамическая структура - это своего рода база, на основе которой может возникать несколько актуально-синтаксических типов (I, 48).

Исходя из оснований семиологического характера, И.Ф. Вардуть также выделяет два уровня: потенциально-синтаксический и актуально-синтаксический. Единицей потенциально-синтаксического уровня он считает предложение, а единицей актуально-синтак-

сического – сообщение (8, II6–II7). ⁵ Смысл актуального членения он видит "в языковом ограничении количества передаваемой сообщением информации" (8, I2I). Теория информации оказала заметное влияние и на исследования Н.И. Серковой (36), А.Л. Пумпянского (31; 32).

По концепции Ф. Данеша, в синтаксисе следует различать три уровня: 1) уровень грамматической структуры предложения, 2) уровень семантической структуры предложения, 3) уровень организации высказывания. Ф. Данеш относит актуальное членение к последнему уровню и предлагает создать общую теорию высказывания, задачей которой было бы разъяснение всех, по его мнению, неграмматических и грамматических значений и процессов организации высказывания и контекста (45, 228).

К необходимости выделения в структуре предложения особого уровня актуального членения приходит в своих трудах и И.И. Ковтунова. В своей книге о порядке слов в русском языке она пишет: "В речи предложения могут приобретать актуальное членение, которое накладывается на синтаксическое членение, вступая с ним в сложное взаимодействие." (II, 22) Это высказывание непосредственно ведет к различению уровней синтаксического и актуального членений, что и отражается в статье И.И. Ковтуновой "Порядок слов как предмет грамматического исследования" (I2).

По мнению К.Г. Крушельницкой, можно говорить о разных уровнях грамматических значений, но выведение из них наличия двух уровней предложения или же противопоставление предложения высказыванию или фразе является теоретически неверным (20, 223).

К существованию особого уровня актуального членения с сомнением относится и О.А. Лаптева. Она пишет: "Механизм проявления актуального членения показывает, что специфическими, только за ним закрепленными средствами выражения своих единиц оно не рас-

⁵ Термины "потенциальный синтаксис" и "актуальный синтаксис" на-
поминают нам "potential linguistic action" и "actual linguistic
action" О. Есперсена, связанные с критикой соссюровских
категорий "langue" и "parole".

полагает. Актуализация высказывания наличествует в реальном тексте далеко не всегда. Это снова заставляет усомниться в существовании особого языкового уровня – уровня актуального членения." ⁶

С проблемами актуального членения неизбежно сталкивались и сталкиваются и исследователи грамматики текста. Т.М. Николаева, например, считает, что актуальное членение следует целиком отнести к области грамматики текста и рассматривать его на фоне некоторой общей грамматики текста, которую она предлагает называть "категорией выделения" (28). Несомненно, актуальное членение играет важную роль в связывании высказываний, в организации текста, но абсолютизировать эту роль не следует.

Б. Исследователи по-разному решают вопрос о том, какой единице свойственно актуальное членение.

Лингвисты, считающие неправильным выделение двух или больше синтаксических уровней, приписывают категорию актуального членения как правило той же единице, которой принадлежит и грамматическое членение, то есть предложению (см., например, концепцию К.Г. Крушельницкой). Другие же, которые настаивают на существовании отдельного уровня актуального членения, стремятся определить единицу, более соответствующую специфике явления актуального членения. Эту единицу называют чаще всего высказыванием (реже – фразой, фраземой, сообщением и т.п.).

Употребление термина "высказывание" в качестве единицы коммуникативно-синтаксического уровня связано обычно с теоретическим соображением, что актуальное членение – это явление, относящееся к речи. И.И. Ковтунова, например, утверждает: "Вне речи актуального членения не существует." (II, II)

Своеобразное освещение получает "предложение" в концепции И.П. Распопова. И.П. Распопов оперирует двумя понятиями.

⁶ Цитата приведена из статьи О.А. Лаптевой "Нерешенные вопросы теории актуального членения" (21), и является ответом на два нерешенных вопроса: представлено ли актуальное членение в каждом конкретном высказывании, и какими средствами выражения оно располагает. По мнению О.А. Лаптевой, актуализация должна пониматься скорее всего в плане потенциальной возможности. В языковых средствах выражения актуального членения она усматривает лишь некоторые способы организации речевого материала, не претендующие на специальный языковой статус. Подобных взглядов придерживается Т.М. Николаева в статье "Актуальное членение – категория грамматики текста". (28)

По его мнению, предложение – это коммуникативная единица, которая с необходимостью включает оба членения, грамматическое и актуальное. "Синтаксическим же конструкциям" не хватает "структурно выраженного соответствия тому или иному, притом вполне определенному коммуникативному заданию" (33, 48). В сущности "предложение" у И.П. Распопова представляется совпадающим с понятием "высказывание", а "синтаксическая конструкция" соответствует "предложению" в традиционном понимании.

В. В настоящее время существуют бинарное, тернарное и мономерное представления об актуальном членении.

подавляющее большинство лингвистов придерживаются мнения, что актуальное членение имеет бинарную структуру: в высказывании следует выделить два компонента – то, о чем сообщается, и то, что сообщается.⁷ Такое понимание структуры актуального членения отражается в работах В. Матезиуса, К.Г. Крушельницкой, П. Адамца, И.И. Ковтуновой и многих других.

Ф. Данеш, Й. Фибрас, О. Кафкова, П. Новак и другие вычленяют, кроме двух компонентов, еще и так называемое промежуточные или переходные звенья, к которым они обычно относят глагол и некоторые зависящие от него члены предложения, если они не являются центром ремы (52, 146; 54, 221). С такой трактовкой актуального членения сходится концепция В.С. Юрченко (42, 137). Он выделяет в высказывании "данное" и "предикцируемый член" ("группу данного и "предикативную группу"), а в составе "группы данного" – "собственно данное", в "предикативной группе" – "непосредственно предикцируемый член". Третий компонент, по В.С. Юрченко, – это "функционально-семантическая связка (копула)", в состав которой входят элементы, объединяющие "собственно данное" и "непосредственно предикцируемый член". Таким образом, В.С. Юрченко также подходит в своей концепции к тернарности структуры актуального членения.

⁷ См. об этом в примечании 2.

Тенденции к мономерности относительно единиц актуального членения проявляются в последних исследованиях О.А. Лаптевой (21; 22). Наблюдения, сделанные при рассмотрении особенностей актуального членения в области устно-разговорной разновидности современного русского языка, приводят О.А. Лаптеву к мысли о том, что релевантным для единицы актуального членения является лишь один признак – относительная степень коммуникативной нагрузки. По признаку степени информативной нагрузки она выделяет в качестве основной единицы актуального членения "коммуникативный (информативный) центр" (21).

Г. Актуальное членение вызывает немало проблем также и в теории глубинных структур. Не выяснено, например, как на это указывает Л. Дежё, место корреляции темы-ремы, соотношение поверхностных и глубинных структур (47, 87). Интонацию и порядок слов Л. Дежё относит к поверхностной структуре (48, 45), но предполагает, что функция сообщения представлена в глубинной структуре в более общем виде (48, 39).

Решение вышеуказанных вопросов требует тщательного анализа на материале отдельных языков. При этом анализ не должен быть лишен определенной комплексности: языковые средства, участвующие в выражении актуального членения, должны изучаться во взаимодействии друг с другом, соответственно их речевому проявлению. Полученные результаты могут служить основанием для контрастных и типологических исследований.

Литература

- I. Адамец, П., Порядок слов в современном русском языке.
Rozprawy Československé Akademie Věd, Řada Společenských věd, Ročník 76 – Sešit 15, Praha, 1966
2. Балли, Ш., Общая лингвистика и вопросы французского языка.
Изд-во иностранной литературы, Москва, 1955
3. Бархударов, Л.С., Структура простого предложения современного английского языка. "Высшая школа", Москва, 1966
4. Бархударов, Л.С., К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения. ВЯ, 1973, № 3, стр. 50-62
5. Бархударов, Л.С., О поверхностном и глубинном синтаксисе.
ИЯШ, 1974, № I, стр. 25-35
6. Бельский, А.В., Интонация как средство детерминирования и пре-
дицирования в русском литературном языке. "Исследования по
синтаксису русского литературного языка" Изд-во АН СССР,
Москва, 1956, стр. 188-199
7. Бухарин, В.И., О синтагматическом членении предложений. РЯШ,
1968, № 4, стр. 86-94
8. Вардуль, И.Ф., К обоснованию актуального синтаксиса. "Язык и
мышление", Наука, Москва, 1967, стр. 115-122
9. Ключкова, Э.А., К вопросу о порядке слов (о месте прямого до-
полнения в современном русском языке). Сб. "Вопросы русско-
го языкознания" Саратов, 1961, стр. 145-157
10. Ковтунова, И.И., Принципы словорасположения в современном рус-
ском языке. Сб. "Русский язык. Грамматические исследования"
Москва, "Наука, 1967
11. Ковтунова, И.И., Порядок слов в русском литературном языке
XVIII – первой трети XIX в. "Наука", Москва, 1969
12. Ковтунова, И.И., Порядок слов как предмет грамматического изу-
чения. ВЯ, 1973, № 4, стр. 50-62
13. Котелова, Н.З., О логико-грамматическом уровне в языке. Сб.
"Язык и мышление" Москва, "Наука", 1967, стр. 122-136
14. Котляренко, А.Н., О расположении главных членов предложения
в древнерусском языке (по памятникам XIV-XV вв.). Сб. "Во-
просы синтаксиса и лексики русского языка" ЛГПИ им. А.И. Гер-
цена, Уч. зап., т. 268. Ленинград, 1965, стр. 211-267

15. Кравчук, И.А., Что определяет порядок слов в русском языке. РЯЗР, 1967, № 3, стр. 49-56
16. Кравчук, И.А., Анализ текста в связи с порядком слов в русском языке. РЯЗР, 1968, № 2, стр. 3-9
17. Кравчук, И.А., О грамматической функции порядка слов в тексте. РЯНШ, № 6, стр. 64-66
18. Крушельницкая, К.Г., К вопросу о смысловом членении предложения. ВЯ, 1956, № 5
19. Крушельницкая, К.Г., Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. Изд-во литературы на иностранных языках. Москва, 1961
20. Крушельницкая, К.Г., Грамматические значения в плане взаимоотношения языка и мышления. Сб. "Язык и мышление" Москва, "Наука", 1967, стр. 214-224
21. Лаптева, О.А., Нерешенные вопросы теории актуального членения. ВЯ, 1972, № 2, стр. 35-47
22. Лаптева, О.А., Некоторые понятия теории актуального членения применительно к высказыванию в разговорной речи. НДВШ, "Филологические науки", 1973, № 6, стр. 46-57
23. Лариохина, Н.М., Функции порядка слов в русском языке и методика работы над порядком слов. Сб. "Методика преподавания русского языка иностранцам". Москва, МГУ, 1967
24. Ломтев, Т.П., Предложение и его грамматические категории. Изд-во Моск. ун-та, Москва, 1972
25. Матезиус, В., О так называемом актуальном членении предложения. Сб. "Пражский лингвистический кружок". Москва, "Прогресс", 1967, стр. 239-245
26. Мельничук, А.С., Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках. Киев, АН УССР, 1958
27. Наседкин, А.Д., Язык как средство формирования мысли. Сб. "Язык и мышление". Москва, "Наука", 1967, стр. 65-74
28. Николаева, Т.М., Актуальное членение - категория грамматики текста. ВЯ, 1972, № 2, стр. 48-54
29. Общее языкознание. Формы существования, функции, истории языка. Москва, "Наука", 1970

30. Панфилов, В.З., Грамматика и логика. Москва-Ленинград, 1963
31. Пумпянский, А.Л., О логико-грамматическом членении предложения. ВЯ, 1972, № 2, стр. 66-76
32. Пумпянский, А.Л., Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. Москва, "Наука", 1974
33. Распопов, И.П., Актуальное членение предложения. Уфа, 1961
34. Распопов, И.П., Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке. (Автореф.) Москва, 1964
35. Распопов, И.П., Строение простого предложения в современном русском языке. Москва, "Просвещение", 1970
36. Серкова, Н.И., О некоторых вопросах функциональной перспективы предложения в терминах "сверхфразовых единств". ВЯ, 1967, № 3, стр. 92-101
37. Сиротинина, О.Б., Порядок слов в русском языке. Изд-во СГУ, Саратов, 1965
38. Смирницкий, А.И., Синтаксис английского языка. Москва, 1957
39. Фурсенко, Д.И., Порядок слов как одно из средств выражения неопределенности/определенности имен существительных. РЯЗР, 1970, № 4, стр. 68-73
40. Чикобава, А.С., К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции. Сб. "Язык и мышление". Москва, "Наука", 1967, стр. 16-30
41. Юрченко, В.С., К вопросу о взаимодействии порядка слов и интонации. Сб. "Вопросы русского языкознания". Саратов, 1961, стр. 137-145
42. Юрченко, В.С., О взаимосвязи мышления, языка и речи на коммуникативном уровне. Сб. "Язык и мышление". Москва, "Наука", 1967, стр. 136-152
43. Boost K., Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955
44. Dahl Ö., Topic and Comment. A Study in Russian and General Transformational Grammar, Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1969
45. Daneš F., A Three-Level Approach to Syntax. Travaux linguistiques de Prague (TLP), Academia, Prague, 1966, 1; 225-241

46. Dezső L. - Szépe Gy., Adalékok a topic-comment problémához.
Nyelvtudományi Közlemények (NyK), 1967, LXIX, 2
47. Dezső L., A mondat aktuális tagolásának és szórendjének
kérdésköre. "Hagyományos nyelvtan - modern nyelvészet"
Budapest, Tankönyvkiadó, 1972. 85-102
48. Dezső L., A mondatattan tipológiai megközelítése. Általános
nyelvészeti tanulmányok (ÁNyT) IX., Grammatikai tanul-
mányok. Szerk. Telegdi Zsigmond és Dezső László. Buda-
pest, Akadémiai Kiadó, 1973, 23-65
49. Elekfi L., Közléselmélet, grammatika, aktuális mondattago-
lás. ÁNyT IX., Grammatikai tanulmányok. Szerk. Telegdi
Zsigmond és Dezső László. Budapest, Akadémiai Kiadó,
1973, 65-87
50. Fabricius-Kovács F., Nyelv, gondolkodás, jelentés (Kísérlet
néhány fogalom tisztázására) ÁNyT VII., Budapest, Akadé-
miai Kiadó, 1970, 101-113
51. Halliday M., Some Notes on "Deep" Grammar. "Journal of Lin-
guistics", 1967
52. Kafková O., Funkce a pozice predikativního slovesa v běžné
mluvené ruštině. Acta Universitatis Carolinae, Philolo-
gica 2-3 Slavica Pragensia XIII, 1971, 143-151
53. Károly S., Az állítmányi mellékmondatokról. Magyar Nyelv
(MNy), 1952, XLVIII, 103-112
54. Novák P., On the Three-Level Approach to Syntax. TLP, Acade-
mia, Prague, 1966, 2, 219-225
55. Schaller H.W., Die Wortstellung im Russischen. Verlag Otto
Sagner. München, 1966

ВТОРИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСТАВКИ О- (ОБ-:ОБО-) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Кечкеш

1. При рассмотрении приставочных глаголов, стоящих с префиксом о- (об-:обо-), кроме первичного пространственного значения 'вокруг', обнаруживается и вторичное пространственное значение этого префикса: обозначение направления действия вниз. Но наличие этого значения пока не общепринято, оно подвергается сомнению. Об этом свидетельствует и то, что это значение приставки не отмечается в словарях современного русского языка, его нет и в словарях древнерусского языка. Мало того, это вторичное пространственное значение обычно не осознается и учеными, занимающимися классификацией значений приставки о-.

В.В. Виноградов¹ в своей книге тщательно рассматривает важнейшие значения приставок в русском языке, но о вторичном пространственном значении префикса о- не говорит.

В "Грамматике русского языка (1953)"² отмечается следующее значение приставки о-: "снятие, удаление внешней, наружной части предмета, краев, концов или конца предмета. Напр.: обкусать, обломать, облупить, ободрать". Но значение 'вниз', как самостоятельное лексическое значение приставки, не отмечается.

В "Грамматике современного русского литературного языка (1970)"³ автор, анализируя разные лексические функции префиксов, оставляет без внимания второе пространственное значение приставки.

В книге А.А. Спасиса⁴ отмечается только значение "снятие, удаление наружной части предмета, окружающей предмет со всех сторон". Примеры: оборвать лепестки ромашки, обрубить сучья.

¹ Виноградов, В.В.: Русский язык. М., 1972. стр. 419-424.

² Грамматика русского языка. т. I. Фонетика и морфология. Изд. АН СССР, М., 1953. стр. 590.

³ Грамматика современного русского литературного языка. Изд. "Наука", М., 1970. стр. 263-264,

⁴ Спасис, А.А.: Парные и непарные глаголы в русском языке. М., 1969. стр. 22.

З.У. Блягоз⁵ подробно рассматривает приставочные глаголы перемещения. Среди глаголов с приставкой о- он выделяет пять словообразовательных типов, но о довольно распространенном значении приставки 'движение вниз', он не говорит. Такой же недостаток имеется в классификации Кухаревича⁶.

Анализируя различные значения приставки о-, В.Н. Головин⁷ в своей работе отмечает 15 значений этого префикса. Среди них – и значение 'движение вниз'.

П.К. Ковалев⁸ уже различает три пространственных значения приставки:

- а) действие вокруг предмета: обойти, обвести;
- б) действие мимо предмета; обводить;
- в) действие вниз: опустить, обвалить, опереть.

На наш взгляд нелегко различать и третье значение ('действие мимо предмета'), ведь относящиеся сюда глаголы типа обводить ни в чем не отличаются от глаголов, выражающих 'действие вокруг предмета'.

Английский исследователь С.Б. Робертс⁹ не только осознает наличие этого значения, но и пытается найти ответ на вопрос, откуда взято это значение. Он собрал существительные, тесно связанные по своему происхождению с приставочными глаголами, в которых приставка о- обозначает 'движение вниз'. Напр.:

обломок	опилки
обрезок	осечки
обрубок	обдирок

II. По данным Покорни, Й.¹⁰ следует предполагать, что это зна-

⁵ Блягоз, З.У.: Словообразовательная типология приставочных глаголов перемещения. Ученые записки Горьковского ун. вып. 65. 1964. стр. 20-39.

⁶ Кухаревич, Н.Е.: Изучение приставочных глаголов в нерусской аудитории. М., 1966. стр. 67.

⁷ Головин, В.Н.: Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском языке. Докт. дисс. Горький, 1966.

⁸ Ковалев, П.К.: Функции глагольных приставок в русском литературном языке. "Русский язык в школе" 1940/3. стр. 22.

⁹ Roberts, C.B.: "The 'down; withdrawal from' value of the Russian prefix о-/ob-." *Studia Slavica Hung.* XX. 1974. 221-236.

¹⁰ Pokorny, J.: *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch.* Bern und München. 1959-1969. 287-323.

чение индоевропейского происхождения. В общеславянском языке, возможно, созвучия следующие индоевропейские предлоги:

*obhi ; *opi - epi ; *mbhi

Ср.:	др.-инд.	abhi		'к: через : из'
	авест.	aibi ; aivi		
	др.-перс.	abig		'сюда'
	лат.	ob	+ вин.пад.	'на : в : за : для'
	др.-ирл.	imb-		'вокруг'
	др.-в.-нем.	umbi		'вокруг'

В современном сербохорватском и польском языках приставка о- способна указывать на направление 'вниз'. Напр.:

С-х:	oburvati - oburvavati	Польск:	oblamać
	obaliti - obaljivati		obcinać
	oboriti - obarati		odrywać

По-видимому, индоевропейское происхождение значения 'вниз' укрепляется и тем фактом, что эквивалент приставки о- в немецком языке um- (др.-в.-нем. *umbi) в некоторых случаях, тоже может обладать этим значением в переносном смысле. (Однако не исключена возможность параллельного развития этого значения в родственных языках.) Напр.:

Das Kind ist umgefallen.
Er ist mit dem Stuhl umgekippt.
Der Hagel hat das Korn umgelegt.

Анализ подходящего материала словаря И.И. Срезневского II указывает на наличие этого вторичного пространственного значения префикса в древнерусском языке. Напр.:

"Пяти твоѣя кожи олираѣм." (Мин. 1092 г. 62.)

"Опаде стѣна у святѣи Софїи до основъ." /Новг. I.л.

6784. г. (Толст.сп.)/

Следовательно, это значение приставки существует уже в древнерусском языке как самостоятельное лексическое значение.

III. В русском языке значение 'вниз' приставки о- может проявляться двумя способами:

II Срезневский, И.И.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. т. II.

1. Слитно, вместе со значением 'вокруг'.

2. Отдельно, самостоятельно.

1. Уже в древнерусском языке имеется довольно большое количество таких приставочных глаголов, в которых два пространственных значения ('вокруг : вниз') приставки о- сливаются в одно неделимое целое.

а) "Снятие, удаление чего-н. с поверхности или краев предмета."

Действия, обозначаемые приставочными глаголами этого типа, обычно совершаются круговым движением по краям или по поверхности предмета, но в то же время с помощью этого действия удаляется и что-н. с поверхности или краев предмета. Но мысль об удалении или снятии чего-нибудь "implicite" содержится и в бесприставочном глаголе. Напр.: "Отешеть благоходѣнь всю корѣ его." (Прем. Сол. XIII. II./В.І.356./) "Сльзами омочи нозѣ мой и власы своими отъре." (Лук. II.44. Остр.ев.)

Мы можем согласиться с мнением С.Б. Робертса¹², который считает значение 'удаление чего-нибудь с поверхности, краев' переходным между значениями 'движение по краям, по поверхности' и 'движение вниз'.

Семантика глаголов типа дирати, трѣти, тесати, тирати содержит в себе мысль об удалении чего-н. с поверхности, краев предмета.

Следует предполагать, что первоначальная приставка о- указывала на то, что действие, выражаемое глагольными основами, совершается круговым движением. Под влиянием значений глагольных основ, модифицируется и семантика приставки. Следовательно, первичное значение приставки переосмысливается, появляется и значение 'вниз'. Так до некоторого времени приставка о-, присоединяясь к одной и той же производящей основе, обладала двумя значениями. С течением времени значение 'вокруг' становится излишним, и на первый план выдвигается значение 'удаление чего-н.: движение вниз'.

В современном русском языке часто встречаются глаголы с этим значением приставки о-. Напр.:

обмывать-обмыть рану

обметать-обмести пол

обламывать-обломать сучья

обсекать-обсечь ветки

¹² Roberts, C.B.: "The 'down; withdrawal from' value ... " 230-231.

Но необходимо отметить, что обычно только вторичное локальное значение 'удаление чего-н.: движение вниз' может подтверждаться обстоятельствами, если это требуется контекстом. Напр.:

Он обмел паутину со стены.

Ободрать кору с дерева.

б) Два пространственных значения приставки слились в одно неделимое целое в случае глаголов типа пасти, пустить, ронить. Если в первой группе глаголов доминирующим, главным является значение 'вокруг', и значение 'вниз' представляется побочным, сопровождающим значением, то в этой группе - наоборот. Значение 'вниз' выступает как главное значение, сопровождаемое значением 'вокруг'. Напр.:

"Не опусти мсть честныхъ, и пожжи церкви святыхъ".

(Лавр.л. 6715. г.)

"Опаде стѣна у святѣи Софїи до основъ".

(Новг.І.л. 6784. г. /по Толст.сп./)

В приведенных выше примерах бесприставочные глагольные основы содержат "implicite" в своей семантике значение 'движение вниз'. Это значение только укрепляется, подчеркивается, делается более emphatic при прибавлении приставки о-. Если приставка не обладала бы самостоятельным локальным значением ('вниз'), тогда не было бы возможным их сочетание, потому что бесприставочные глаголы согласуются только с такими приставками, значение которых содержится "implicite" в их семантике и подкрепляется, выражается "explicite" при помощи приставки. То есть, иными словами, данная приставка может присоединяться к данным глагольным основам только в том случае, если действие, обозначаемое производящей основой, может совершаться в таком направлении или таким способом, как это выражается приставкой. Семантическое сходство компонентов является общей потребностью при сочетании приставок с бесприставочными глагольными основами. Следовательно, присоединение приставки к глаголам этого типа стало возможным именно потому, что приставка обладала и значением 'вниз', близким к семантическому содержанию этих производящих основ.

в) Заслуживает внимания, каково поведение так называемых глаголов движения с этим префиксом.

В словаре И.И. Срезневского отмечается всего один глагол полз-

ти со значением 'вниз'. Напр.:

"Тои же весны вода подмывала удѣтинца города и оползе валь земля отъ стѣны, и падеся стѣна".

(Новг. I. л. I437. г. Ак. сп.)

О существовании других глаголов движения с приставкой о- в этом значении у нас доказательства не имеется.

В современном русском языке в четырех глаголах движения приставка о- обладает значением 'вниз': оплыть-оплывать, оползти-оползть, облезть-облезать, облететь-облетать.

Листья облетели с дерева.

У него облезли волосы.

Берег оплыл.

Земля стала оползать на неровностях дорожек и клумб.

Эти глаголы приобрели оба пространственных значения приставки (за исключением облезать). Движение, обозначаемое ими, может совершаться и кругом, и вниз.

Особого внимания заслуживает глагол облезть. Как известно, глагол лезть обозначает конкретное вертикальное движение, предполагаемое направление которого вниз или вверх. Следовательно, это действие вряд ли может совершаться кругом в плоскости. Значение 'вокруг' может содержаться в глаголе только как побочное, сопровождающее, но не главное. На это указывают следующие примеры:

Стены нашего дома облезли.

Позолота облезла.

Именно этим фактом объясняется то, что в русском языке имеются и другие глаголы движения кроме упомянутых выше форм, которые могут обозначать действие вниз, но они всё-таки не сочетаются с приставкой о-, обладающей значением 'вниз'.

Дело в том, что движения, выражаемые глаголами типа нести, вести в то же время не могут совершаться в направлении вниз и вокруг, только или вниз, или вокруг.

В глаголах оплыть-оплывать, оползти-оползть, облететь-облетать, облезть-облезать приставке присуще слитное значение, то есть, префикс указывает не только на направление (вниз), но и на способ (кругом) протекания действия. Как только глаголы движения требуют конкретного пространственного определения без указания на их протекание, употребляется префикс с- вместо о-. Напр.:

Воробей стелел с крыши. (нет облетел!)

Листья слетели с дерева.

(Но есть и "Листья облетели с дерева".)

Подытоживая вышеприведенные факты, мы можем установить, что приставка о- обладает своеобразным значением в том случае, когда два ее пространственных значения появляются слитно. Но так как, действия, выражаемые производящими основами, могут совершаться одновременно только в одном направлении, то другое локальное значение префикса переосмысливается и служит для выражения способа протекания данного действия. Следовательно, направление действия — это вниз, а способ его протекания — это медленно, спирально, кругом.

2. Значение 'вниз' приставки встречается и как отдельное, самостоятельное значение без всякого сопровождающего значения. Количество глаголов, стоящих с этим значением приставки, значительное как и в древнерусском, так и в современном русском языке.

Древнерусские примеры: обронити, опирати, остръпътати, опрътися, опрагнѣти.

"Иди же роуцѣ и колѣнѣ опираше, глоубина въхожаше въ камы."

(Пат. Син. XI. в. 265.)

"Придоша рѣки и възвѣмаша вѣтри и опьрошася храминѣ тои, и падеса."

(Ме. У77. 27. Остр.ев.)

Совр. русские примеры:

опускаться—опуститься на второй этаж

окунуть—окупать палец в воду

обмакивать—обмакнуть перо в чернила

опускать—опустить ребенка с рук на пол

IV. Наличие значения движения вниз как самостоятельное локальное значение приставки о- доказывается и тем фактом, что на основе этого значения в сочетании с бесприставочными глаголами, обозначающими более отвлеченные понятия, уже в древнерусском языке у приставки появляются побочные фигуративные значения, которые никак не могут объясняться первичным локальным значением префикса. Напр.:

I. "лишить кого-н., чего-н."

"Церковь святого Възнесения всю облупиша, съсуды серебряныя, и индѣтьбѣ". (Ип.л. 6654. г.)

"Кони отъималъ и самихъ ограбилъ." (Псков. I.л. 6980.)

"Сего бо/Иова/ богатства всего обнажи, дѣти облихова." (Златостр. сл. 3.)

По аналогии с этими глаголами, это значение приставки появляется особенно у глаголов восприятия. Они обозначают потерю способности восприятия. Напр.: отглошати, осльпяти, онѣмити, омѣжити.

Анализируя фигуративные значения, возникшие на основе двух основных пространственных значений приставки о-, в современном русском языке можно наблюдать особую лексическую оппозицию. На базе значения 'вокруг' возникло значение 'снабдить кого-н. чем-н.' (одарить, обрамить, одедить и т.д.) и оно находится в оппозиции со значением 'лишить кого-н.', возникшим на основе другого локального значения 'вниз' (ограбить, облупить, обделить, обобратить и т.д.).

Это своеобразная оппозиция особенно хорошо отражается в глаголах:

оделять—одедить

обделять—обделить

Напр.: Учительница одедила детей сладостями.

Саша обделил своих друзей при раздаче подарков.

Имеются и другие лексические паронимы в современном русском языке, возникшие на основе двух пространственных значений приставки. Напр.:

осуждать—осудить плохой поступок

обсуждать—обсудить новый проект

оговаривать—оговорить кого-н. на допросе

обговаривать—обговорить кандидатуры

В случае лексических паронимов наблюдается последовательность в употреблении вариантов приставки о-. Она указывает на такие значения, которые формировались на базе вторичного пространственного значения, а об- употребляется, если данное фигуративное значение возникло на основе первичного пространственного значения.

2. "осудить кого-н., оклеветать кого-н."

"Никого же обидите ни оклеветаите." (Лук. III. 14. т.ж.)

"Лепши было свою лѣность оговоривши поне грѣха оунати."

(Златостр. сл. 3.)

Рассматривая бесприставочные глагольные основы, встречающиеся с приставкой в этом значении, можно установить, что они в большинстве случаев и без приставки совмещают в себе значение 'осудить

кого-н.'

Это значение приставки, наверное, существует уже в старославянском языке, потому что в памятниках древнерусского языка наблюдается употребление глагола осрамить старославянского происхождения и глагола осоромить древнерусского происхождения в том же значении.

"Янъ же поиде са безъ шружьнъ , и рѣша ъму штроци ѡго: не ходи безъ шружьнъ шсоромѣть та." (Пов.вр.л. 6579. г.)

"Прѣдъ всѣми ѡсрамить." (Никон.Панд.сл. 35.)

Форма осоромить постепенно выходит из употребления.

Несомненно, что значение приставки формировалось в первую очередь под влиянием глагольных основ такого значения. Но уже в древнерусском языке встречаются такие слова, в которых это значение приобретает под влиянием приставки. Напр.: оговорить, оба-жить, оглаголати.

Надо отметить, что в современном русском языке приставка о- может выступать в глаголах этого типа, как грамматический показатель совершенного вида. Напр.:

порочить—опорочить

срамить—осрамить

чернить—очернить

скандалить—оскандалить

Это явление объясняется тем, что, как было указано, большинство бесприставочных основ содержит в себе это значение и без приставки, так лексическое значение последней в некоторых глаголах отановится излишним, и важным становится ее грамматическое значение. Так, в современном русском языке приставочный глагол иногда создает видовую пару с соответствующей бесприставочной основой.

Напр.:

позорить—опозорить

чернить—очернить.

Конечно, функция приставки изменяется только в том случае, если бесприставочная основа сама обладает этим значением и, таким образом, лексическая роль приставки неважна.

Если значение 'осудить кого-н.' бесприставочный глагол получает от префикса и без него, он не способен выражать такого значения, в

этом случае производящая основа ни в каком случае не может создавать видовую пару с соответствующим приставочным глаголом, ведь их лексическое значение не совпадает. Напр.:

Речь – обречь – обречать
говорить – оговорить – оговаривать.

В симбиозах типа обречь доминирует лексическая роль приставки. Получив новое значение от префикса, приставочный глагол формирует "для себя" видовую пару с помощью реимперфективации суффиксальным путем.

Глаголы позднейшего происхождения типа скандалить, штрафовать создают видовую пару с помощью приставки о- по аналогии с глаголами типа срамить-осрамить, порочить-опорочить именно потому, что они обладают уже тем значением, которое глаголы типа речь, говорить получают только от приставки о-.

У. Суммируя приведенные выше факты, мы можем установить следующее:

1. Приставка о-, кроме ее первичного пространственного значения, обладает еще и вторичным локальным значением как в древнерусском, так и в современном русском языке. Предлагаем последовательно учитывать это значение при классификации значений префикса о-. Одинаково по научному и по практическому соображению было бы желательно ликвидировать этот пробел.

2. Однако происхождение этого значения еще оспаривается. Некоторые факты указывают на его индоевропейское происхождение, но это утверждение еще требует доказательства.

3. Уже в древнерусском языке существуют фигуративные значения приставки, возникшие на основе ее вторичного пространственного значения. Круг этих, более отвлеченных значений постепенно расширяется.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. Ч. II⁺

Проф. М.М. Соколова

Как известно, в старославянском языке процессы, связанные с падением редуцированных и редукцией некоторых гласных в определенных позициях, совершались раньше, чем у нас. Так при редукции звука И в позиции перед гласным в старославянском языке выработался прием изображать его через Ь. Этот способ проникал и в нашу письменность, но до тех пор пока этот процесс не стал живым в нашем языке, подобные написания встречаются очень редко, о чем свидетельствуют хотя бы показания такого памятника, как Ефремовская Кормчая, которую по ее языковым данным относят к XI-XII вв.

Передача сочетаний - и-а, -и-е, -и-ю, через -ь-а, -ь-е, -ь-ю в памятнике под влиянием болгарского оригинала отмечена исследователем всего 140 раз, а наличие существующих в своем языке сочетаний, сохраняющих звук И, - 5661 раз¹. Эти цифры предельно выразительны. О том же свидетельствуют данные одной из древнейших грамот, а именно Мстиславской, около 1130 г., в которой находим написания: полюдиѣ, кнажениѣ.

Лишь после XIII в. написания с Ь постепенно растут, отражая факты своего языка. Этот процесс развивается до некоторой степени своеобразно: сочетания с И, будучи архаическими, используются как стилистический прием и преобладают в лексике не сугубо бытовой (страстию, любовию, учение и т.д.), и другое дело лексика более бытовая (солю, затхолью, здоровье и т.д.).

Это явление бытует и в нашем современном языке: одно дело "высокий стиль", строгий письменный язык и совсем другое - литературный разговорный язык. Одно дело бытие, житие, и другое - жительство. Но это не старославянизмы.

Следует задержаться еще на одном показателе, который также склонны считать заимствованием из старославянского языка.

⁺ Первую часть см. Acta Universitatis Szegediensis, Dissertationes Slavicae IV. 3-7.

¹ С.П. Обнорский. О языке Ефремовской кормчей, СПб, 1912 г., стр. 29.

Ряд суффиксов, не только причастий настоящего времени действительного залога, т.е. суффиксы -УЩ/ЮЩ и -АЩ/ЯЩ, но и суффиксов для образования отвлеченных понятий, таких как -ОСТЬ, -СТВО, -НИЕ (-АНИЕ, -ЕНИЕ) и др. А.А. Шахматов полагал старославянизмами.

В этом отношении представляет интерес статья С.П. Обнорского "К истории словообразования в русском литературном языке" ². Находясь еще под влиянием своего учителя, С.П. Обнорский полагал, что в лексике на основе фонетического критерия слой церковнославянизмов значителен. Однако, отмечая недостаточность фонетических показаний, он выдвигает формальный критерий, а именно словообразовательный. Учитывая высказывание А.А. Шахматова о церковнославянской природе суффиксов причастий -УЩ/ЮЩ и -АЩ/ЯЩ, С.П.Обнорский справедливо говорит о нем как о дублетном образовании к существующим в своем языке формам с -УЧ/ЮЧ, -АЧ/ЯЧ (горячий - горящий), справедливым следует считать и замечание о том, что для отнесения суффиксов -ОСТЬ, -СТВО, -НИЕ (-АНИЕ, -ЕНИЕ - М.С.) "нет прямых доказательств их церковнославянского происхождения". Однако отнесение их к заимствованиям в основном строится на том, что они образуют отвлеченные понятия, которых мало в народном языке. Такой критерий, конечно, недостаточен. Да и материалы, которые С.П. Обнорский приводит в этой статье из областных словарей, не дают оснований для отнесения этой лексики к церковнославянизмам: кривость, лихость, малость, токанье, жамканье и т.д. Однако в этой же статье на 88 стр. читаем: "Кроме рассмотренных суффиксов, восходящих по происхождению к церковнославянскому языку и служащих для образования отвлеченных имен существительных, к тому же церковнославянскому источнику следует отнести еще два суффикса, служащих для образования имен существительных, но со значением *agens* -ов". Дальше С.П. Обнорский называет два суффикса -ТЕЛЬ и -ИТ. О суффиксе -ТЕЛЬ сказано: " Крайне производителен в литературном языке, этот суффикс почти неизвестен собственно народ-

² Сборник "Русская речь". Новая серия 1. Изд. Academia Л., 1927 г.

ному языку". Материалы "Опыта областного словаря" как-то не убеждают нас в этом. Такие образования, как житель, родитель, хлебатель, волостель и т.д. дают возможность суффикс -ТЕЛЬ не считать церковнославянским наследием.

В работе В.М. Маркова "К вопросу о происхождении суффикса -ТЕЛЬ в славянских языках"³ убедительно показано не только происхождение этого суффикса (из *tb* + *el* или *il*), который первоначально характеризовал действие, а затем это значение было перенесено и на делателя, а в выводах более чем убедительно доказано, что данный суффикс представляет с л а в я н с к о е (а не церковнославянское - М.С.) образование.

По существу то же следует сказать и о других суффиксах, таких как -ОСТЬ, -СТВО и -НИЕ, -НЬЕ (-АНИЕ, -ЕНИЕ). Все они общеславянские. О чем говорит ряд исследований. Мне хотелось бы назвать здесь не только работу Вондрака,⁴ но очень ценную и построенную на большом материале статью Н.М. Шанского "О происхождении и продуктивности суффикса -ОСТЬ в русском языке".⁵

Помимо ценных и безоговорочно правильных замечаний в адрес статьи С.П. Обнорского "К истории словообразования в русском литературном языке", в ней убедительно доказано, что и суффикс -ОСТЬ - исконно общеславянский, что он "был известен всем славянским наречиям издавна, еще доисторической эпохи". Видеть в них, имея в виду наш язык, лишь наследие церковнославянской стихии не следует. Аргумент о том, что данные суффиксы образуют лексику отвлеченного значения, а она слабо представлена в народном языке, не может быть принят.

³ Труды пятой зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири. Гор. Новокузнецк, 1962 г., стр. 186-203.

⁴ W. Vondrak, "Vergleichende slavische Grammatik". Göttingen, 1906.

⁵ Сб. "Вопросы истории русского языка". Изд. Московского Университета, 1959 г., стр. 104-132.

А сколько можно было бы привести доказательств исконности и самобытности русского языка, учитывая не только данные фонетики и морфологии, но и синтаксиса. Кратко остановлюсь хотя бы на двух фактах. Своеобразную синтаксическую конструкцию прошлого, а именно дательный самостоятельный многие исследователи (Востоков, Белорусов, Карский, Черных и др.) полагают книжным наследием и считают заимствованием из церковнославянского языка. Но детальное исследование ее на материале текстов как старославянских, так и русских, осуществленное Перегонцевой-Граве,⁶ убедительно показало своеобразное развитие этой конструкции на русской почве, отличное от того, которое имело место в текстах старославянского языка.

Данный оборот может иметь свой особый субъект, отличный от субъекта основной части предложения, например: Борису же возвратившюся съ вои не обрѣтшю печенегъ, вѣсть приде ему, яко отецъ ти умерлъ (Ипат. 1015)⁷ и общий с главной частью, например: Киеви же пришедшю въ свои городъ Киевъ, ту и сконча (Он, т.е. Кий - М.С.) животъ свои (Ипат, стр. 8). В старославянском преобладают конструкции первого типа; конструкции с общим действующим лицом почти отсутствуют. В русских текстах обычны членные формы причастий, а в памятниках старославянского языка - краткие.

Собранные мною материалы дают еще некоторые возможности говорить о специфике употребления союза А в роли соединительного, что также отличает синтаксис русского языка от старославянского. О широте употребления союза А в роли соединительного, а не противительного союза имеются данные в работах Л.А. Булаховского,

⁶ Диссертация "Дательный самостоятельный в русском литературном языке XII-XVIII вв.", Л., 1955 г.

⁷ Изд. 1923 г.

Е.Ф. Карского, Е.С. Истриной, П.Я. Черных, В.И. Борковского,⁸ но особенно много данных в работе С.П. Обнорского,⁹ которыми я и воспользуюсь. Так в роли соединительного сочинительного союза в "Русской Правде" союз А употребляется значительно шире, чем союз И (57 случаев А и 14 союза И). В "Слове о полку Игореве" в этой же функции союз А "выступает главенствующим образом" пишет акад. Обнорский.

Очень интересны наблюдения за употреблением союза А в роли соединительного в трудах Владимира Мономаха. "Союз А "редок в "Поучении", несколько более част в Автобиографии и письме к Олегу и совершенно отсутствует в материале с церковнославянскими выписками" пишет С.П. Обнорский.¹⁰

Это замечание нам кажется особенно ценным. Дело в том, что из работы Вондрака мы узнаем следующее: "А (союз. — М.С.) сравнительно редко фигурирует в древнецерковнославянском в соединительном значении"¹¹. В наших текстах он обычен. Не случайно и столь умелое употребление его в трудах В. Мономаха.

⁸ Л.А. Булаховский. "Исторический комментарий". Харьков-Киев, 1936 г., стр. 305; Е.Ф. Карский, Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Известия по русскому языку и словесности. 1929 г., т. II., кн. I, стр. 55; Е.С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Изв. отд. русск. яз. и словесности РАН т. XXIV-XXVI, 1923 г., стр. 197; П.Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. "Житие протопопа Аввакума, им самим написанное" как памятник северно-великорусской речи XVII столетия. Вып. II. Иркутск, 1927 г., стр. 21; В.И. Борковский "О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII-XIV вв". Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та, вып. IV. Ярославль, 1944, стр. 46.

⁹ С.П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946 г., стр. 22, 65, 117, 176.

¹⁰ С.П. Обнорский, Ук. соч. стр. 65.

¹¹ В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис. Перевод Н. Петровского. Казань, 1915 г., стр. 42.

В наших памятниках он держится долго. Еще в XVI веке его употребление в бытовых текстах имеет место. Так в "Домострое" читаем; ... ино дочери растутъ а /= И - М.С./ страху божию и вѣжеству оучатся а приданое с ними вдругъ прибываетъ І4; а тол- ко людей держати оу себя не посиле и не добытку а (= И - М.С.) не удоволити его ествою и питиемъ и одежею ино... (26) и др.

Вот почему можно уверенно сказать, что использование сою- за А в роли соединительного, а не только противительного, есть традиция живой русской речи. Она проходит красной нитью через всю историю русского языка, начиная с ранних периодов его жиз- ни. В материалах XVI в. только как-будто начинает намечаться от- ход от этого положения. ^{І2}

В заключение хотелось бы сказать, во-первых, что вопрос о церковнославянизмах в лексике, имея в виду неполногласные формы, должен быть пересмотрен, и он ждет новых данных, связанных с изучением акцентологии; во-вторых, суффиксы -ОСТЬ, -СТВО, -ТЕЛЬ и т.д. никак нельзя считать старославянизмами, так как они до- стояние общеславянского языка, что уже достаточно убедительно до- казано.

Имеется значительное количество особенностей и в синтакси- се. Фонетическое своеобразие русского языка еще ни у кого не вы- зывало никаких сомнений. Русский язык, как и все другие языки, не жил изолированно. Он получал лексику из языков тюркского и греческого. Затем испытывал влияние близко родственного ему язы- ка старославянского, с эпохи Петра I шло влияние западных язы- ков. Все эти заимствования пополняли богатства нашего языка, но не засоряли язык, не умаляли его самобытности, а способствовали его богатству и мощи.

^{І2} Соколова, М.А., Очерки по языку деловых памятников XVI века. Изд. ЛГУ, 1957 г., стр. 81.

ОПИСАНИЕ РУССКОЙ РУКОПИСИ XIII ВЕКА
 ("ЖИТИЕ ЕПИФАНИЯ КИПРСКОГО" ГПБ, СОФ. 1326)

С. А. Аверина (Ленинград)

"Житие Епифания Кипрского" - рукопись ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Соф. 1326) - памятник не датированный и не локализованный.

До настоящего времени рукопись совершенно не исследована; нет ни палеографического, ни лингвистического ее описания. Рукопись не издавалась, за исключением публикации И.К. Куприяновым послесловия первой части и начала второй части. Между тем необходимость публикации рукописи, с целью сделать ее доступной для лингвистического изучения, несомненна.

По существу не решен вопрос и о датировке рукописи. Высказывания исследователей на этот счет слишком противоречивы. Так, Н.Н.Дурново в своем "Введении в историю русского языка" высказывает мысль о принадлежности рукописи к XII веку¹. Такого же мнения придерживаются А.И. Соболевский² и Л.Л. Васильев³. Предположительно XII-XIII вв. датирует рукопись Д.И. Абрамович⁴. Е.Э. Гранстрем в своем "Описании русских и славянских пергаменных рукописей"⁵ относит памятник к XIII в. Исходя из палеографических соображений Е.Э.Гранстрем, XIII веком датирован памятник в "Предварительном списке славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР", составленном

¹ Н.Н. Дурново. Введение в историю русского языка, М., 1969, стр. 62.

² А.И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907, стр. 13, 59.

³ Л.Л. Васильев. Одно соображение в защиту написаний ьрь, ьрь, ьрь, ьль древнерусских памятников как действительных отражений второго полногласия. ЖМНП., авг. 1909, СПб., стр. 304.

⁴ Д.И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. 2, СПб., 1905, стр. 251.

⁵ Е.Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей, Л., 1953.

для "Сводного Каталога рукописей, хранящихся в СССР, до к. XIV века включительно.⁶ Н.В. Волков и И.К. Куприянов относят рукопись к XIV веку⁷.

Такие расхождения между лингвистами (XII в.) и палеографами (XIII-XIV вв.) симптоматичны, поскольку могут указывать на какие-то особенности самой рукописи, которая представляет несомненный интерес с точки зрения палеографической, а также лингвистической.

Исследуемый памятник представляет собой рукопись в лист, писанную уставом в два столбца на обеих сторонах листа. Объем рукописи 110 листов. Средний размер листа 20,2 x 24,5 см. Многие листы обрезаны неровно. На некоторых листах полоска пергамента с края листа подвернута и вставлена в надрез. При переплете листы рукописи обрезались еще раз, о чем говорят срезы титла нумерации на листах 8 (тетрадь 2), 72 (тетрадь 10), 80 (тетрадь 11), 88 (тетрадь 12).

Переплет — доски (толщиной около 1 см каждая) в сыромятной коже (без подклейки) — довольно стар. Обе доски расколоты, кожа переплета во многих местах порвана. Несомненно, в переплет рукопись была заключена позднее, о чем свидетельствует ее первый лист, сохранивший следы времени (последний, незаполненный лист отрезан).

Рукопись написана на пергамене сравнительно невысокого качества, распространенном в эпоху ранних письменных памятников (XI-XIII вв. о чем говорят многочисленные дыры разных размеров и зашитые льняными нитками разрывы, образовавшиеся при выделке кожи. Цвет пергамента желтоватый, но с течением времени некоторые листы потемнели и сильно покоробились. Часть их уже в момент написания была в подобном состоянии, об этом свидетельствует л. 18, где писец старательно обходит образовавшуюся на пергамене складку, захватывающую половину

⁶ Археографический Ежегодник за 1965 г. М., 1966, стр. 205.

⁷ См. Н.В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI-XIV вв. и их указатель, СПб., 1897, стр. 86.

И.К. Куприянов. Обзор пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки, СПб., 1857, стр. 62.

15 строки листа. Некоторые листы прорезаны при разлиновке или при исправлении **текста**. Многие листы загрязнены, особенно в правом нижнем углу; другие — закапаны воском. Это может указывать на то, что рукопись длительное время находилась в употреблении.

Листы рукописи разлиновывались на 19 строк. 1, 2 и 18, 19 горизонтали — сквозные, проходят через весь лист. Текст пишется также на первой и последней строках, в отличие от многих рукописей, где эти строки образуют только рамку. Четыре вертикали образуют два нешироких (размером каждый 5,5 x 15,5 см) столбца для текста, небольшое среднее поле между ними (1,5 см) и два поля неодинаковой ширины: внешнее — до 5,5 см, внутреннее — 2,5–3 см. Верхнее и нижнее поля соответственно равны в среднем 3,5 см и 5,5 см.

Размеры букв: высота букв в первой половине рукописи 4,5–5 мм, во второй — до 6 мм. Ширина узких и средних букв от 2 до 5 мм, букв **широких** — до 7–8 мм.

На обратной стороне листа или на следующем листе следы разметки видны иногда очень слабо (это может объясняться плохим качеством пергамента или тем, что инструмент, которым наносились линии, был недостаточно острым). Поэтому, если за левую вертикальную линию слова и буквы почти не выносятся, то за правую вертикаль очень часто строки заходят на 2, 3 и более букв. На некоторых листах разметка не видна; в таких случаях направление горизонтальных линий и расстояние между ними определяется пѣсцом произвольно, что нередко приводит к смещению строк письма. 110 листов рукописи составляют 14 тетрадей, каждая по 8 листов, за исключением первой и последней, которые содержат по 7 листов: первый лист первой тетради оторван (вероятно, был испорчен), последний (незаполненный) лист четырнадцатой тетради отрезан. Нумерация рукописи производилась трижды. По первой нумерации номера тетрадей обозначены уставными буквами, сходными по **начертаниям** с теми, которые встречаются в тексте. Нумерация **тетрадей** начинается на л. 8, где в правом верхнем углу стоит буква **в**, очевидно, обозначающая цифру 2. Далее буквенные обозначения чисел находим на каждом листе, начинающем новую тетрадь.

Более поздняя нумерация рукописи (полистно) сделана простыми чернилами арабскими цифрами. Цифры проставлены в середине верхних полей листа или в правом верхнем углу.

Заметны следы и еще одной нумерации (вероятно, позднейшей) — карандашом. Нумеруются каждый десятый лист рукописи, а также л.л. 66, 71, 76, 85, 91, 101.

Рукопись написана коричневыми чернилами, то темными, то более светлыми (возможно, писец разбавлял их).

Кроме чернил в рукописи употребляется киноварь. Она использована для оформления заставки и в заглавиях первой и второй частей рукописи. Киноварью выполнены контуры всех инициалов. Для заставки и инициалов использована также желтая и зеленая краска.

Перед началом рукописи на л. I имеется единственная заставка оригинального характера, которая представляет собой плетение, увенчанное четырехконечным крестом (возможно, из элементов византийского). Размер раставки 8,2 x 14,8 см. Заставка выполнена желтой и зеленой краской. Контуры обведены киноварью.

Каждая статья чтения начинается инициалом. Всего в рукописи 44 инициала разных размеров. Из них 3 больших — высотой до 3,5 см., высота остальных колеблется от 1,5 до 2,5 см. Инициалы очень простого рисунка: мачта из 2-3 линий, петли внутри иногда перечеркнуты параллельно основанию и украшены ремнями или плетением. Интересно отметить инициал О в виде рыбы (на л. 63 об.), где налицо элемент тератологического стиля. Все инициалы выполнены желтой и зеленой краской в киноварном контуре (за исключением инициала Ц на л. 55, представляющего собой только киноварный контур).

Исключительная скромность и простота, порой небрежность выполнения инициалов, позволяют думать, что они принадлежат перу писца основного текста.

Идущая от старославянских памятников тенденция кончать строку гласной буквой нашла свое отражение и на древнерусской почве⁸. Так называемое "правило конца строки" в нашем памятнике почти не знает исключений (пап/посъ, тѣр/гѣ, кон/статии). Для того, чтобы заканчивать строку буквой гласного (а также в целях экономии мес-

⁸ Подр. см. об этом: В.С. Голышенко. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к *tirt, *tirt, *tirt в древнерусском языке XII-XIII вв. Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, стр. 24.

широкие, письмо свободное) и чернилами, отличными от чернил, которыми писана вся рукопись. Судя по всему, это помета не писца, писавшего данный текст, а переписчика с этого, уже готового текста. Это дает возможность предположить, что с данной рукописью могли делаться списки. Несомненно, запись появилась гораздо позднее основного текста. Для более точной датировки переписки данных явно не достаточно.

Текст памятника написан двумя писцами. Первому принадлежат л.л. I-68 об., второму - л.л. 69-110. Первый писец пишет уставом некрупным, ровным, почти круглым (большая часть букв может быть помещена в квадраты размером в среднем 0,5 x 0,5 см). Отчетливо видны толстые и волосные линии букв. Письмо свободное. Расстояние между буквами незначительное. Части букв довольно пропорциональны, четко сочленены (за исключением К, иногда А).

Почерк второй части рукописи в целом оставляет впечатление несколько небрежного, неаккуратного, торопливого. Буквы устава слегка вытянуты вверх (высота букв во второй части до 6 мм, что на I-I,5 мм выше, чем в первом почерке) и наклонены влево. Толстые и тонкие линии букв почти не отличаются друг от друга, что может объясняться плохо очиненным пером писца или качеством пергамента. Наше предположение относительно двух писцов рукописи подтверждает и анализ начертаний отдельных букв.

В исследуемой рукописи употребляется постоянный состав букв. Не употребляются Ж, Щ, Ъ, Ы. Часть букв, согласно традиции, используется и для обозначения чисел (В, Г, Д, Е, З, Н (7), К, Л, М, О, П, Р, С, 3). Только в числовом значении встречается 2 (s) = 6.

Рассмотрим наиболее характерные, встретившиеся в рукописи начертания графических знаков.

Буква Е очень узкая, что часто встречается в памятниках древних (ср. в Супрас. рукописи XI в.). Верхняя часть буквы обычно острее нижней, закругленной, довольно длинный язычок расположен на середине высоты буквы. У второго писца полуовал буквы более округлый. Овал буквы О также довольно узок, так что нередко залит чернилами. С сходно по начертанию с Е и О. Такое написание

обычно для всех древнейших и более поздних русских рукописей. Буква Ж писалась в три приема: прямая вертикальная мачта пересечена в верхней (иногда в средней) своей части двумя изогнутыми линиями. Некоторую небрежность линий и отклонение в начертании буквы от строгой симметрии находим уже в простых и поздних почерках XI века, господствующими такие написания становятся в XIII веке. Асимметричные написания Ж отмечены и в нашей рукописи. Букву З писцы пишут по-разному. В первом почерке головка буквы довольно большая, стержень опускается на строку под углом 45° . Длинный и тонкий хвост, слегка закругляясь, целиком покрывает нижнюю строку. У второго писца начертание буквы несколько иное: головка больше и уже, хвост намного короче (доходит только до границы следующей строки). В целом начертание буквы довольно древнее (ср. у В.Н. Щепкина в таблице начертаний древних русских рукописей⁹ ряд 7, знаки 1, 3). Перекладина, соединяющая вертикальные мачты буквы Н проведена на середине высоты буквы параллельно основанию. Такое написание можно встретить почти во всех памятниках XI–XII вв.

Элементы буквы К не сочленены (подобные начертания типичны для уставных и полууставных написаний). У первого писца угол, образованный правой (изогнутой) линией, гораздо острее, чем у второго, точка, которой начинается буква, меньше и изящнее.

Начертание буквы М также характерно для многих древнейших памятников: ¹⁰ вертикальные мачты, расположенные наклонно друг к другу, соединяются в верхних точках с помощью дугообразной линии. У первого писца петля М довольно широкая, нередко заходит за нижнюю границу строки, мачты не равны и часто до границы строки не доводятся. Во втором почерке петля буквы несколько уже, лежит на нижней границе строки.

Буква Н состоит из двух вертикальных мачт, перекладина соединяет верхнюю половину левой мачты с серединой правой, иногда точка соединения перекладины с правой мачтой находится чуть выше середи-

⁹ В.Н. Щепкин. Русская палеография, М., 1967, стр. III.

¹⁰ Ср. Остр.Ев., Савв.кн., Супрас.рук., Изборник 1073 г. Подробнее см. об этом: Е.Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 195.

ны последней. Такие написания характерны для памятников XIII в. ^{II}

Буква ω в написании первым писцом состоит из двух довольно широких чаш, соприкасающихся друг с другом одной из сторон. Образующие букву линии не равны по длине: левая всегда чуть короче двух других. В целом начертание буквы не отличается красотой и аккуратностью. У второго писца ω более симметрична; неширокие чаши равны по размеру; все три стороны буквы (одинаковые по длине) доведены до границы строки. Такое начертание буквы характерно уже для древнейших памятников XI в.

С XII в. ω начинает постепенно исчезать, заменяясь новым типом — омегой с укороченной серединой: ω , ω ; вновь появляется у нас только в эпоху югославянского влияния (с XIV в.). ^{I2}

Буква ρ имеет небольшую головку, в верхней части более узкую, чем в нижней, и длинный, слегка изогнутый хвост, который утончаясь на конце, опускается вниз до середины следующей строки. Во втором почерке хвост у ρ гораздо короче, на конце как бы обрублен. Начертание буквы ρ у второго писца похоже на ρ Супрас. рук. (см. "Альбом снимков с юго-славянских рукоп. П.А. Лаврова, снимок 2). ^{I3}

Буква γ состоит из двух линий разной длины, соединенных у основания строки горизонтальной чертой; левая линия короткая и толстая, ограничена сверху легким штрихом; правая обычно слегка изогнута и перечеркнута в нижней части.

В изображении первым писцом буква δ приобретает вид довольно узкой небрежно написанной (возможно, одним росчерком) петли. У второго писца буква симметрична и более аккуратна; состоит из двух элементов: не слишком широкого θ , лежащего в строке и прикрепленных к нему в верхней его части небольших усиков, снабженных ограничительными штрихами.

^{II} См. таблицу устава русских рукописей XI-XIV вв., ряд 8, знаки 10-12. В кн: В.Н. Щепкин. Русская палеография, М., 1967, стр. III.

^{I2} В.Н. Щепкин, ук. соч. стр. III, 113.

^{I3} П.А. Лавров. Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма. Энциклопедия Славянской филологии. Приложение к вып. 4, I, ОРЯС АН, Пг., 1916.

Буква Φ имеет округлые петли и длинную мачту, часто пере-
черкнутую легкими штрихами между петлями или в нижней своей час-
ти. Второй писец иногда утолщает боковые стороны буквы.

Буквы Ψ и Υ снабжены ограничительными штрихами. Буква Θ
имеет перекладину, выступающую за овал и проходящую на середине
(или чуть выше) высоты буквы. У буквы χ левая линия длиннее и
тоньше правой, в середине изогнута, имеет ограничительный штрих
внизу и ограничительную точку (иногда треугольник) вверх. В на-
писании первым писцом длинная линия на конце становится почти
волосной, тогда как у второго писца за нижней границей строки
она как бы обрублена. Буква Υ имеет форму чаши, опирающейся на
прямую вертикальную ножку. Наряду с довольно симметричными напи-
саниями встречаются (особенно в первой половине рукописи) такие,
где ножка Υ сдвинута вправо, изредка настолько, что Υ принимает
вид одностороннего Υ . Вероятно, в нашем памятнике в написании
представлен тот период, когда тип симметричного Υ с округлой ча-
шей начинает сменяться асимметричным. Как известно, такие начер-
тания появляются в рукописях с XIII века.

Небольшие угловатые петли букв $\mathfrak{b}, \mathfrak{B}, \mathfrak{y}, \mathfrak{z}$ в первом почерке, у
второго писца несколько увеличиваются. "набухают". По мнению
В.Н. Шепкина, "набухшие" петли у $\mathfrak{b}, \mathfrak{B}$ характерны для XIII века.
Впрочем единичные написания такого рода позволяют говорить са-
мом начале процесса.

Свое древнее начертание сохраняют буквы \mathfrak{y} и \mathfrak{e} (перекладина
проходит параллельно основанию на середине высоты буквы). Пере-
кладина буквы \mathfrak{a} проводится всегда выше середины высоты буквы
(лл. 9а, 16а, 27а, б... 81, 89).

Итак, как мы видели, начертания многих букв памятника до-
вольно древние. Уже XI-XII вв. могли принадлежать отмеченные в
рукописи написания: $\mathfrak{H}, \mathfrak{z}, \mathfrak{M}, \mathfrak{p}, \mathfrak{Oy}, \mathfrak{c}, \mathfrak{y}, \mathfrak{e}, \mathfrak{b}, \mathfrak{y}$. Впрочем ряд на-
чертаний, характерных для этого периода, перешел и в памятники
XIII в. ($\mathfrak{z}, \mathfrak{M}, \mathfrak{p}, \mathfrak{Oy}, \mathfrak{c}, \mathfrak{y}, \mathfrak{e}$). Буквы $\mathfrak{x}, \mathfrak{x}, \mathfrak{a}$ как уже отмечалось,
в рукописи отсутствуют. Эти факты (хотя и не являются решающими)
тоже имеют значение для датировки памятника. Как известно, $\mathfrak{x}, \mathfrak{x}, \mathfrak{a}$

были полностью заменены написаниями соответственно $\mathfrak{Oy}, \mathfrak{y}, \mathfrak{x}; \mathfrak{y};$
 $\mathfrak{A}, \mathfrak{a}$ к середине XII в. Следовательно, рукопись не могла быть
написана ранее второй половины XII в. Большая часть букв имеет

начертания, характерные для памятников XIII века: В, Ж, Ч, Ч, Ъ, N, иногда Ъ, Ь, Б.

Учитывая столь разнородные показания, следует характеризовать памятник по совокупности палеографических примет. Поскольку большинство начертаний букв принадлежит XIII в., то предположительно о XIII веке можно говорить как о времени создания памятника.

Образцы почерков рукописи
"Жития Епифанія Кипрскаго" XIII в.

I

Первый почерк

л. 47а

ПНІРАНАКЪ
ЖЕНЪФЛОУ
СТІАНАУЛА
ГОСЕНМЪНКА
ДОМОУСКОЕ
МЪАКЪУМН
ЖНТАЕЛНКО
ТНТРЪКЪКІЕ
СТЪАЕГДАЖЕ
ЕНЕКОНЫТАЕ
ШНТЪГДАУЕ
МЛАІАЖЕВЪ
УАДАСТЪТН
СЪТКОРНЖЕ
ТАКОККАШЕ
ЖЕЕТЕРЪАН
ІАКЪКЪБЕНІІІ
ННМЕНЬМЪСА

II

Второй почерк

л. 87б

ОУНОЛНААЛОА
ТАТОУАНАН
АВРОКОЛЕНТ
ААЖНТНЕАА
ОУКРАНЕПАА
ЪСТАКЪНА
МЕАТРА
ДОУБЪІЕН
ДОХОКЪІАКОУ
КОАКЪІІІРЕ
КІІАКОВЪТОУ
АЪІААНОУ
ТРОСАКЪТОУ
ТВОСАКЪТОУ
ПНІРАНОКН
ПНДОЖДЕМН
ЕААФІЛОСО
ФЪЖЕЕТЕРЪ
НААЕНАААЕОУ

ОТРЫВКИ АПОСТОЛЬСКИХ ЧТЕНИЙ XII В.

Т.И. Золотова (Ленинград)

Настоящая статья представляет собой описание рукописи г.п.І. 81, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Памятник не издан, лингвистически не описан. Краткие сведения о нем имеются лишь в "Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1882 год" и в "Описании русских и славянских пергаменных рукописей" Е.Э. Гранстрем. В первой книге содержится запись о том, что она представляет собой: "Апостол по неделям. Начальные тетради. Листы 1-25 содержат в себе чтение Апостола от пасхи до пятницы 7-ой недели по пасхе (чтение в этот день прерывается не середине), лист 26 чтение: в субботу 4-ю по Пятидесятнице, неделю 4-ю, субботу пятую и неделю 5-ю по Пятидесятнице (последнего чтения только начало). На пергамене, уставом XIII века, в два столбца, 26 листов. В малый лист (п.І.81) ¹ Е.Э. Гранстрем добавляет: "... Заголовки, инициалы и заставка в красках. Встречаются инициалы звериного стиля..." ² Других сведений о памятнике нет.

Предстоит выяснить на основе палеографического и фонетического анализа вопрос о месте и времени написания рукописи. Для сопоставления было учтено соответствие написаний в датированных и локализованных памятниках.

Краткие палеографические сведения о рукописи

Современный объем рукописи — 26 листов в полный лист. Листы разлинованы на два столбца, нумерация поздняя. Номера тетрадей обозначены буквами под титлами (А — I л., В — I 60б., Д — I 7 л., Д — 260б.).

В рукописи 4 тетради, по 8 листов в каждой, кроме четвертой,

¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб, 1884, стр. 43.

² Е.Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, стр. 25.

в которой сохранилось 3 листа. Конечные тетради утеряны. Размер листов 18 x 25.

Рукопись написана на пергамене, который был распространен в раннюю эпоху письменности. Пергамен довольно толстый, шероховатый, некоторые листы сморщились и пожелтели. Особенно в плохом состоянии первый лист. На листах большое количество дыр, которые образовались в процессе обработки кожи.

Текст написан в 2 столбца, расположенных между двумя вертикальными линиями. За левую вертикаль буквы не выносятся, за правую выносятся редко по 2-3 буквы.

Почерк писца

Рукопись написана одним писцом, хотя почерк не везде одинаков. Изменение почерка зависит от перемены писцом пера и от качества пергамена. Почерк - крупный устав без наклона, аккуратный, четкий и красивый. По сравнению с некоторыми датированными памятниками XII века (Минея № 206 из Софийского собрания и Погодинское евангелие) (Погод. II) буквы Апостола более высокие. В.Н. Щепкин пишет о почерке конца XIII века: "Под конец XIII века складывается... так называемый новый стильный почерк, выравнивающий буквы, делающий их снова красивее, но сохраняющий их новые, отчасти несимметричные и негеометрические начерки. Этот почерк... имеет некоторую сжатость букв, или что то же - большую высоту."³

Буквы между собой не связаны. Элементы букв четко сочленены, за исключением буквы К.

Писец употреблял постоянный состав букв: а, б, в, г, д, ж, з, и, е, и, ѣ, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, ѱ, Ѵ, ф, х, ѱ, ц, Ѵ, ш, ѱ, ѳ, э, ѳ, и, ѣ, ю, ѳ, ѳ, ѳ. Не употребляются буквы: Ѳ, Ѳ, Ѳ, Ѳ.

Начертание букв

Многие буквы сохранили свое древнейшее начертание. Рассмотрим некоторые графические знаки, имеющие палеографические признаки.

³ В.Н. Щепкин. Русская палеография. Изд. "Наука", М., 1967, стр. II6.

а - стержень расположен под небольшим углом к нижнему уровню строки. К стержню почти под прямым углом примыкает узкая небольшая петля. Подобное начертание а представлено в таблице уставов русских рукописей В.Н. Щепкиным как характерное для XIII века (рис. 56, ряд 5, знак 9,10) ⁴.

в - выполняется в пять приемов: боковой стержень, верхняя и нижняя горизонтальные черточки и две соединительные линии (иногда дуги), отходящие от черточек и примыкающие к середине стержня в одной точке. В целом, начертание данной буквы более характерно для XI-XII веков.

ж - верхняя и нижняя части буквы несимметричны. Нижние черточки примыкают к верхним, верхние - к центральному стержню ближе к верхней части его. Несимметричность буквы ж характерна для XIII века.

н - (наш) - состоит из двух вертикальных стержней, соединенных наклонной перекладной, которая присоединяется к правому стержню выше середины. В.Н. Щепкин считает такое написание характерным для XIII века. ⁵

ω - состоит из 2-х несимметричных петель. Середина буквы невысокая, представляет собой "пониженный угол". Невысокая середина ω - отличительная черта устава XIII века. ⁶

у - имеет неглубокую почти треугольную чашечку. В.Н. Щепкин и Л.В. Черепнин отмечают, что у с треугольной мелкой чашечкой преобладает именно в XIII веке.

ь + ъ - на правом стержне посередине имеется точка. Между элементами буквы соединительной черты нет. Е.Ф. Карский полагает, что такое написание ь (без точки однако) характерно для югославянских памятников XII-XIII вв. ⁷

⁴ Указ. соч., стр. III.

⁵ Указ. соч., стр. II5.

⁶ Там же.

⁷ Е.Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. стр. II5.

Ѣ — имеет высокую мачту, пересеченную на верхнем уровне строки тонкой линией с двумя отростками по бокам. Графический знак описываемой рукописи является почти точной копией знака, приведенного В.Н. Щепкиным в его таблице устава XIII века.⁸

Ѧ — представляет собой букву а, соединенную со стержнем тонкой линией чуть выше середины. Соединительная черта параллельна уровню строки, иногда на ней имеется точка посередине.

Ѧ — состоит из буквы "о" узкой и стержня слева. Обе части соединены тонкой линией, начинающейся от середины стержня и идущей параллельно уровню строки.

Начертание Ѧ и Ѧ характерны для устава XIII века, о чем свидетельствуют данные Е.Ф. Карского.⁹

Для рукописи характерно особое написание букв в конце строки. Писец старается не выносить буквы за правую вертикаль и поэтому пользуется лигатурой: Ѧ(216, 16a) или удлинняет мачты некоторых букв: ѦѢ, 4г, ѦѢ 5в, сѢ, 2^{3a}, и т.д.

Надстрочные знаки

В рукописи из надстрочных знаков встречаются титла и точки над буквами Ѧ, Ѧ, Ѧ. Титла в рукописи различны по форме. Начертание их зависит от характера сокращаемого слова. Если сокращаемое слово сакральное, то буквы под титло не выносятся. В таких случаях титло представляет собой прямую тонкую линию с небольшими отростками по бокам и точкой посередине. Если же сокращаемое слово обычное, то буквы под титло выносятся и титло имеет форму изогнутой линии.

Буквы, обозначающие гласные, под титло не выносятся. Выносятся буквы Д, Т, С.

Между словами имеются точки, расположенные между верхней и нижней границами строки. На окончание предложения точка не указывает, но ставится не беспорядочно, а после какого-либо организованного речевого отрезка, например: вѡмѡ.ѡилипѣсѣшѣ|дѣвѣ градѣ самарѣѣрѣ.проповѣдаши имѣха.

Точки на соединительных линиях букв и Е.Ф. Карский считает

⁸ Указ. соч., стр. II 6.

⁹ Указ. соч., стр. 206.

"зачаточной орнаментикой".

В рукописи имеется одна заставка, выполненная киноварью, но просматривается она плохо. Инициалы выполняются в начале каждого зачина, чаще других — буква "В". Все инициалы в красках, различны по размерам и окраске. На листах 5г, 6а, 7а, 12в, 15в, 17г стиль выполнения инициалов тератологический, который господствовал с первой половины XIII до XV в. Кроме тератологического, встречается стиль плетения.

Итак, следующие палеографические данные позволяют считать рукопись памятником XIII века: начертание строчных букв Ѣ, Ѡ, Ү, Ѧ; выполнение инициалов, удлиненность строчных букв, отсутствие буквы Ҫ.

Графические особенности

Из графических особенностей можно отметить двойное обозначение звуков [ja] — Ѧ, Ѧ; [u] — u, u (с точками на перекладинах). Написание с точками не зависит ни от морфологических, ни от фонетических причин. Кроме того, звук [u] на конце строки обозначается через i (иногда i), а в словах *засгъпомѣ* через знак i (без точки).

[y] обозначается через ou в середине строки, а в конце через Ү и через Ү.

Отмечается смещение букв Ф и Ө.

Большой интерес представляет графика конца строки в рукописи. Кроме чисто графических явлений (стремление уписать букву в строке и отсюда появление Ү, Ү, i и лигатур) в рукописи встречаются и такие, которые нельзя объяснить только как явление графики. К ним можно отнести этимологические Ъ и Ь в конце строки. В середине строки в этих же словах Ъ и Ь уже не было. Например: *дверѣми* 7в (дверми 4а), *десѣницею* 7г, 8а, (десницею 3в), *что* 11а, 20б, (что 18б), *старѣи* 3г, (старцы 7в).

На конце строки встречаются этимологические Ъ, Ь, которые в эпоху написания памятника уже перешли в гласные полного образования: *въмъ* 9б, *въскрѣсноути* 20а, *сѣтьникъ* 25б и т.д. Кроме того, последовательно пишутся О и Е на месте этимологических слабых Ъ, Ь и неэтимологических Ъ, Ь: *вѣсемъ* 8б, 13г, 19в, *къто* 10б, *людь-*

секоюу 5а, множа 25а, обфетоша 7в и т.д.

Последовательны соотношения типа въѣть с одной стороны (написание исконого редуцированного в сильной позиции) и веѣсемь с другой (прояснение определенно выпавшего к этому времени редуцированного), могут указывать на особое произношение редуцированных в эпоху их падения.

Фонетические особенности

По употреблению редуцированных можно с большей точностью говорить о времени создания памятника. Исходя из данных рукописи, можно сделать следующие выводы в отношении редуцированных.

І. Рукопись отражает завершающийся процесс падения редуцированных, а именно этап утраты их фонетического значения:

а) исчезновение их в слабой позиции, исключая сочетания согласных, трудных для произношения, и сочетания однородных согласных: внедоузѣ І2а, князь 5г, 6в, І9а, 24а, много І3б, но дъшеры 2в, 24а, мѣзду 20б, въведе І9г, 23в;

б) "прояснение" в гласные полного образования в сильной позиции; сонма І8а, токмо 9г, призови І3б;

в) дублетные написания одних и тех же слов: тъмницю 5а, 7в – темницю 5а, 7в, І5в, съшьдше Іб, І5г, – шедь І3б, 25а, сътникъ 25б – сотъникъ 25а.

2. Сохранению редуцированных способствует их положение перед слогом со слабым редуцированным, перед гласным, однородным согласным и группой согласных: тъшетъ 25г, мѣзду 20б, предъ нимъ І2а,

3. Исчезновению редуцированных способствует их положение перед слогом с гласным полного образования и перед сонантом [Н]: праведно 6б, 9а, 9г, црковны 5г, 7в, присно 9а, І2г, дни 23а, 25а, призвавше 8а, 8б и т.д.

4. Обозначение редуцированных в абсолютно слабой позиции и этимологически верное написание ѣ и ѥ в сильной позиции является следствием влияния орфографической традиции. В целом употребление редуцированных отражает живое произношение писца и доказывает позднее происхождение рукописи.

Буквы Ъ, Е и И

О территориальной принадлежности памятника говорит также последовательное написание суффикса - Ъние - только с Ъ, написание Е в корнях: зѢмстии 6б, вѢлии 4г, І2а, вѢсели 3б и написание слова свѢдитель. Подобные написания являются характерной чертой большинства памятников галицко-волынского происхождения XII-XIV вв., описанных А.И. Соболевским ¹⁰.

Встретилось семнадцать случаев написания О после шипящих и Ц: хошомъ І4а, глюшомъ 5а, не можомъ 20б, жонъ 5а, старцомъ 2бб. Как считает И.В. Ягич ¹¹, эта черта южнорусского и белорусского наречия.

Хронологическим показателем можно считать написание сочетаний заднеязычных с последующими гласными. В рукописи довольно часто встречаются написания после Г, К и Х букв, обозначающих гласные переднего ряда, не только в словах заимствованных (килик-и-а 8б, антохи-а І6а, егюпетскоу І7в и т.д.), но и в словах русских. Как известно, написание ги, ки, хи начинают появляться начиная с XII века, но редко. В Апостоле подобные написания представлены в следующих словах: великии 2г, кии 9а, 2бб, кимъ І3в, оучники І6б, другии 24г.

І. Исходя из данных палеографии и фонетики, можно говорить о том, что рукопись является памятником XIII века. Подтверждением этого могут служить следующие факты:

- а) пергамен низкого качества;
- б) особенности в начертании некоторых букв (Ѣ, Ѡ, Ѹ, Ѧ.);
- в) отсутствие Ҁ;
- г) тератологический стиль выполнения инициалов;
- д) отражение завершающегося процесса редуцированных в слабой позиции и "прояснения" в сильной (пропуск на письме первых и замена на О, Ё вторых);

¹⁰ А.И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.

¹¹ И.В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 35.

е) вытеснение сочетаний гн, кн, хн сочетаниями ги, ки, хи в русских словах.

2. Рукопись относится к группе памятников южнорусских, в частности: галицко-волынских.

Вывод сделан на основании следующих данных:

а) последовательное написание Ѣ на месте этимологического Е перед слогом со слабым редуцированным в суффиксах -ение-, -тель-, -ель-, -есн- и в корнях -вед-, -зем-;

б) характерное для южнорусских памятников написание слов свѣдѣтьѣ, скѣрой;

в) употребление форм типа людѣстии;

г) написание после шипящих ж, ш, ч, щ и ц букв, обозначающих гласные переднего ряда.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСНОЙ КНИГИ XII В.
(ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Соф. 206)

Л.В. Зубова (Ленинград)

Рукописная июньская минея XII в. из собрания Новгородской Софийской библиотеки, до сих пор не изучавшаяся, привлекает исследователей рядом интересных лингвистических фактов. К ним относятся некоторые особенности употребления редуцированных гласных, обозначение напряженных редуцированных, обозначение мягкости и твердости согласных и т.д. Первое и наиболее полное палеографическое описание этой рукописи имеется у И. Куприянова¹:

"Минея служебная, м-ц июнь. Писана в небольшой л., одним столбцом, по всей вероятности, также в XII в., а не в XVI, как определено кем-то на заголовке первого листа, довольно мелким уставом, тремя различными одновременными почерками, между собой перемежающимися: первый почерк идет почти по всей р-си, меняясь инде со вторым, который только к концу р-си делается господствующим; третий встречается кое-где в начале и на приписках на полях р-си. Всех 115 лл., но окончания недостает. Правописание русское, изредка попадаются юсы, но употреблены бессознательно. Некоторые из песней канона Петру и Павлу и пр. Захарию имеет над собой нотные знаки. На об. 6 л., снизу, в одной строке с текстом, следующая непонятная для меня припись: Кюрилѣ + дѣѣ: ꙗꙋ ѿ ѿ: дѣяконѣ.алонѣ»"

Дальше у И.Куприянова идет список канонов, выписки из текста минеи для образца, указание на некоторые грамматические особенности рукописи.

Ряд уточнений этого описания дает Е.Э. Гранстрем²:

"... Заголовки и инициалы написаны чернилами... На л. 6 об. приписка: "Кюрилѣ ѿ[ѣ] ѿ[з] ꙗꙋс (нѣ) дѣяконѣ, ам(и)нѣ" На лл. 80-81, 108-108 об. имеются крюки. Переплет XIV-XV в., доски в тисненой коже 115 лл., 25,6 x 20,7 ..."

¹ И. Куприянов. Обзор пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб. 1857, стр. 19-22.

² Е.Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. В кн. Труды отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1953 г., стр. 20.

При работе над рукописью обнаружались еще некоторые черты, не указанные в названных работах, но важные при исследовании языка рукописи.

Кое-где встречается небольшая правка красными чернилами и подновление текста другим, более поздним почерком. О позднем характере этого почерка говорит полууставное начертание букв, а также устранение древних черт языка при правке текста (лл. 5, 8, 8 об., 9, 12, 16, 47, 51, 54, 55 об., 58, 70, 72, 72 об., 73 об., 74, 78 об., 80 об., 81, 82, 86, 89 об., 92 об., 95 об., 97, 97 об., 99, 104, 104 об., 106, 106 об.). В некоторых местах (вероятно, при этой правке) выскоблены буквы, утратившие фонетическую значимость, например что 74, мѣчкѣмъ 74, възбранъици 55, неиздреченьна 73, саму соне 97 об., 98.

Начертания букв основного почерка убедительно свидетельствуют о древности рукописи:

В – верхняя и нижняя части соединяются в одной точке, по форме обе приближаются к треугольникам; по величине или обе петли равны, или верхняя чуть больше нижней.

Д – буква опускается ниже уровня строки.

Е – полукружие с прямой черточкой, пишется прямо.

Ж – пишется в три приема: три пересекающиеся в одной точке линии; по размеру нижняя и верхняя части равны, но не симметричны: нижняя часть несколько выпукла.

И восьмеричное (Н) – пишется как современное Н; перекаладина строго горизонтальна.

Л – две слегка выпуклые линии образуют острый угол; горизонтальной перекаладины сверху нет.

М – правый и левый стержни расположены наклонно к строке; средняя часть заострена книзу и доходит до нижней линии.

Н – пишется как латинское N. Иногда срединная линия прикрепляется к самым концам стержней, иногда – немного отступая от концов.

Ω (омега) – средняя часть доходит до верхнего уровня буквы.

Р – овальная головка полностью помещается в строке; вертикальная линия опускается вниз и слегка загибается вправо.

У (ук) – встречается в двух вариантах: У, состоящее из двух наклонных линий, преимущественно представляет собой часть лигатуры ОУ и Ѹ с петлей внизу, употребляющееся более самостоятельно.

Ф (ферт) – неровный круг, пересеченный длинной чертой, выходящей за обе границы строки.

Θ (фита) – как правило, полностью помещается в строке, но иногда поднимается выше.

Х – две линии, перекрещивающиеся на нижнем уровне строки; нижняя часть больше верхней; линия, идущая справа налево, опускается ниже другой.

Ц – правая нижняя часть является продолжением правой вертикали, опускается ниже уровня строки.

Ч – имеет форму неглубокой чаши (примерно до середины буквы); буква целиком помещается в строке.

Ш – все три вертикали одной величины.

Щ – пишется в виде лигатуры (с отростком посередине).

Ы – состоит из Ъ и І; соединительной черты нет.

Ѣ – иногда очень немного поднимается выше уровня строки; горизонтальная черта – на этом уровне. Чаще буква полностью помещается в строке.

На концах строк встречаются лигатуры Ъ, І и другие необычные начертания букв: Ѣ(а) и др.

Текст второго почерка на лл. 6–6 об. написан красными чернилами (не киноварью). Характерной особенностью его орфографии является более строгое сохранение старославянских элементов (например, сочетания типа ^хtrst-, не встреченные в тексте основного почерка, употребление йотированных юсов и др.). В этом почерке Ы имеет соединительную черту, средняя длина буквы И иногда чуть скошена, наклон букв чуть больше, чем в тексте основного почерка; встречается Ж, написанное в пять приемов, Л – с горизонтальной перекладной. Перечисленные особенности могли бы указывать на более поздний характер второго почерка, но в нем имеются и древнейшие черты:

Ψ (пси) крестообразно, Ч имеет форму чаши, ѐ, ѡ, ю имеют соединительную черту строго посередине, Д почти везде целиком помещается в строке.

Третий почерк встречается на следующих листах: 13 об., 81, 82 об., 83, 84 об., 85, 85 об., 86, 86 об., 87, 87 об., 88, 89, 90, 90 об., 91, 92, 93, 94 об., 95, 97, 99. На указанных листах этот почерк перемежается с основным через несколько абзацев. В тексте его имеются в большом количестве надстрочные знаки, которые отсутствуют в тексте основного почерка и на лл. 6-6 об. Этот почерк, встречающийся в конце рукописи, характерен закругленной серединой буквы М, пятиприемным написанием Ж, меньшим размером верхней части буквы В; Ъ ниже, чем в основном почерке, целиком помещается в строке; буквы третьего почерка несколько шире. В остальном начертания букв похожи на начертания букв основного почерка.

На л. 34 об. пять строчек в середине страницы написаны почерком, несколько отличающимся от основного. Орфография при этом не меняется, и один почерк незаметно переходит в другой; возможно, эти пять строк писаны рукой того же писца.

Простые контурные инициалы перемежаются с примитивно разрисованными; небрежные, размазанные инициалы встречаются на полях л. 75 (вероятно, проба пера рукой писца); примитивно разрисованные инициалы Б и М повторены внизу, под текстом, на лл. 21 и 25.

На л. 95 об. — поздняя приписка, являющаяся добавлением к тексту богослужения. На некоторых листах встречается маленький орнамент, держащий нижнюю строку. Вязи нет.

Рукопись имеет два л. 37.

Листы разлинованы; текст помещается на одной нижней линии, а не в границах двух линеек, как это бывает в строгом древнем уставе. Почерк мелкий и небрежный, ограничительные линии под строкой и на полях соблюдаются не очень строго. Пергамен низкого качества: в книге имеются дыры, обойденные писцом, неровные края, швы. Все это говорит о том, что рукопись не парадная и не богатая, предназначена для повседневного пользования, писец не очень заботился о красоте письма. Вероятно, такие рукописи писались не самыми лучшими писцами, и следовательно, можно ожидать большого количества написаний, отражающих живое произношение переписчика.

О том, что рукопись писалась русским писцом, говорят очень многие типично русские написания. Употребление а, ѡ, Ѧ бесспорно; иногда Ѧ встречается на месте старославянского Ъ : нынѦ 4, 5, 8 об., II и др.; в соответствии со старославянским -жд-(^hđ+j) можно встретить -ж-: оутвържениѡ 2, преже 8 об., надежоу I 4, жа-жоущимъ 63 об., наслаженъ 69 об., и др. Из морфологических русизмов наиболее последовательно мягкое -т- в третьем лице глаголов настоящего времени: въсхвадѡтъсѦ I, свѣтътъ 2 об., поущѡтъ I 2, можеть 23, недооумѣвѡтъ 23 и др. Наряду со старославянским написанием окончаний творительного и дательного падежей основ на -о встречаются русские варианты -ѣмъ-, -ѣмь-, ѣмъ-, -ѣмь-, причем в творительном падеже русские написания представлены чаще традиционных: 166 русских при 96 старославянских.

Таким образом, рукописная июньская минея из Софийского собрания содержит интересный материал для исследования особенностей русского языка старшего периода.

К ИСТОРИИ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА -Ѡ И -Ѣ

И. Х.Тот

Одним из важнейших вопросов исторической грамматики русского языка является вопрос о смещении и взаимовлиянии склонения существительных с основой на -Ѡ и -Ѣ мужского рода. Этой проблеме было посвящено большое количество статей и исследований, и одновременно было обращено много усилий раскрыть важнейшие моменты утраты самостоятельного склонения с основой на -Ѣ и его последствий.

Указывая на важность этого вопроса в русском языке, заметим, что в 4-томной библиографии "Славянское языкознание", изданной в СССР, в разделе Исторической грамматики русского языка нами было подсчитано 15 статей, посвященных этой проблеме. Этот же вопрос продолжает оставаться в центре внимания исследователей и до наших дней. Об этом свидетельствует обширная монография В. Торндаля об истории флексий -у, -ю в род. и дат. п. ед.ч. в древнерусских памятниках.¹

Как известно, внимание исследователей было сосредоточено на двух следующих проблемах: 1, Какие существительные с основой на -Ѡ получают раньше всего флексии существительных с основой на -у; 2, Какие падежные формы существительных с основой на -Ѡ приобретают раньше всего флексии существительных с основой на -у.

Выработались две теории, которые пытались ответить на эти вопросы. Сторонники семантической теории, крупнейшим представителем которой был А.А. Шахматов, придерживаются такого мнения, согласно которому в древнерусском языке прежде всего приобретают флексию -у те существительные мужского рода, для которых характерно отсутствие индивидуализации, т.е. существительные с вещественным, локальным и абстрактным значением. Только позже появляется флексия -у в местном п. е.ч. суш. м.р. В последнем случае имели место и определенные фонетические условия, которые способ-

¹ William Thorndahl: Genitivens og lokativens -y/ю endelser i russiske middelaldertekster. København, 1974, стр. 927.

ствовали появлению новой флексии (избежать чередование $к/ц$, $г/з$, $х/с$ и подвижность ударения)².

Согласно акцентологической теории, восходящей к С.М. Кульбакину, в распространении флексий $\dot{а}$ -основ у существительных с основой на $-о$ сыграли роль акцентологические моменты. Эта теория была разработана С.П. Обнорским, который в усвоении флексий основ на $\dot{а}$ существительными с основой на $-о$ придал основное значение подвижности ударения, утверждая, что раньше всего появилась флексия $-у$ в род. и м.п. ед.ч. существительных мужского рода, у тех существительных с основой на $-о$, для которых характерно было наличие подвижного ударения.³

Сторонники обеих теорий пытаются доказать правильность своих взглядов. Так например, М.С. Карясова и Е.П. Гарбузова подчеркивают важность семантических моментов, между тем И.Е. Семин выделяет значение подвижности ударения.⁴ Однако, такое стремление противоречит логической закономерности, поскольку одному и тому же субъекту в одно и то же время приписываются два разных и противоречивых предиката.

Нам кажется, что достижения, достигнутые исследователями сравнительной морфологии славянских языков за последнее время, могут положительно применяться в решении указанных выше вопросов о смешении и взаимовлиянии существительных с основой на $-о$ и $-а$ мужского рода. В этом отношении заслуживают внимания некоторые положения проф. Вл.И. Георгиева, попытавшегося по-новому осветить

² А.А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 242-244, 249-250.

³ С.П. Обнорский. Именное склонение. I. Л., 1927, стр. 230-232.

⁴ М.А. Карясова. К вопросу о распространении родительного на $-у$ в склонении с основой на $-о$. Учен. зап. Мелекесского государственного педагогического института, Вып. I., 1958, стр. 88-89.

Е.П. Гарбузова. Из истории форм предложного падежа единственного числа на $-у$ в русском языке. Учен. зап. ЛПИ им. А.И. Герцена. Л., 1958, стр. 8.

И.Е. Семин. Из наблюдений над именами существительными в "Письмах и бумагах Петра I" Учен. зап. Горно-Алтайского педагогического института, Вып. I. Горно-Алтайск, 1956, стр. 96-97.

некоторые вопросы славянской диахронной морфологии. В своей книге "Основные проблемы на славянската диахронна морфология" проф. Вл.И. Георгиев приходит к следующему заключению о судьбе интересующих нас типов склонения: "от гледна точка на индоевропейския праезик в(к)сния) праславянски няма нито о-, нито ѣ- склонение: тук флексивните морфеми на споменатите две индоевропейски парадигми така се взаимно проникнали и преплетели, че в същност относително (к)сния) праславянски може да се говори само за о/ ѣ склонение".⁵ Смещение двух деklinационных типов, по мнению Вл.И. Георгиева, произошло в средний период развития праславянского языка, т.е. за отрезок времени от VIII/VII вв. до н.э. до IX/V вв. н.э.⁶ Это предположение означает, что тот период, когда процессы смещения, совпадения склонения существительных с основой на -ѣ, с основой на -о мог начаться отделяться от времени появления первых памятников русского языка очень значительным интервалом во времени: приблизительно 13 веков отделяет их друг от друга. За это время могли происходить такие изменения, которыми были затемнены первоначальные фазы взаимовлияния типов склонения основ на -о и основ на -ѣ. Могли быть также изменения диалектного порядка в общеславянском языке.

Этим фактами объясняется, на наш взгляд, что исследователи выдвигали различные теории об усвоении флексий и основ существительными с основой на -о. Однако, тот длительный период, который отделяет начало взаимовлияния интересующих нас типов склонения от первого письменного закрепления в памятниках, не позволяет реконструкцию определения распространения, перенос флексий из одного типа склонения в другой. Источники освещают совсем другое явление, и необходимо обратить большое внимание на них.

Как известно, при смешении или совпадении двух типов склонения обычно получаются параллельные падежные флексии, т.е. в одном и том же падеже возможно наличие двух (или даже трех) па-

⁵ Вл.И. Георгиев. Основные проблемы на славянската диахронна морфология. София, 1969, стр. 18.

⁶ Вл.И. Георгиев. Три периода развития праславянского языка. Славянская филология. т. XII. Езикознание. София, 1973, стр. 14-15.

дежных флексий. Это положение хорошо видно и в полученном новом, смешанном типе склонения; в нем, в принципе, были возможны следующие окончания во время первых письменных памятников.

Ед.ч.	род.п.	-а, -оу
	дат.п.	-оу, -ови
	мест.п.	-ѣ, -оу
Мн.ч.	им.п.	-и, -ове, -ови
	род.п.	-ѣ, -овѣ
Дв.ч.	им-вин-зв.п.ед.ч.	-а, -и

В таком случае, когда возникает больше возможностей для выражения одного и того же грамматического значения двумя или тремя морфемами, происходят два процесса: 1. дифференциация падежных флексий, при которой параллельные флексии получают какой-нибудь добавочный семантический оттенок. Морфемы, которым не было свойственно какое-нибудь семантическое добавочное значение, обычно исчезают.⁷ 2. обобщение одного из падежных окончаний становится общей флексией падежного значения, и другие ее варианты исчезают из языка. Надо также отметить, что в обоих отмеченных нами процессах могут иметь место и диалектные расхождения. Оба эти процесса дают себя знать в истории славянских языков.

Дифференциация происходит в род.п. ед.ч. в русском языке, где флексия -а выражает принадлежность, а флексия -оу становится выразителем другого значения, родительного части целого. Эта дистрибуция флексий В.А. Богородицким хорошо выделяется в первых памятниках древнерусского языка в XI в. Дифференциацию флексий -а, -и в род.п. ед.ч. можно обнаружить, например, в польском и чешском языках, где существительные, обозначающие неодушевленные предметы, получают флексию -и.

Обобщение имеет место в изоморфизме твор.п. ед.ч. существительных не женского рода, где южнославянские языки имеют флексию -омѣ, восходящую к основам на -ѣ, тогда как для восточнославянских

⁷ В.А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. Казань, 1909, стр. 191-193. Лекции по общему языковедению. Казань, 1916, стр. 167-169. Общий курс русской грамматики. Москва, 1935, стр. 103-104.

и западнославянских языков характерно употребление окончания -ьмь, восходящего к основам на -ĭ. Это обобщение восходит к позднему периоду праславянского языка. Примером диалектного расхождения может служить форма дат.п. ед.ч. м.р. -ови, которую очень рано получали и в староболгарском (старославянском) языке существительные, обозначающие имена, лиц: петрови, мужеви.⁸ Дальнейшая дифференциация этих флексий имеет место (правда, с некоторым ограничением), например, в польском и чешском языках, где существительные, обозначающие одушевленные "предметы" или лиц мужского пола, оканчиваются на -ovi.⁹

Такое различие этого падежного окончания не получило место в русском языке, где единственно возможной флексией существительных м. и ср. родов в дат.п. ед.ч. является флексия -у.

Все эти процессы отражены уже древнейшими памятниками славянских языков¹⁰, ведь для славянских языков характерно, что для выражения новых значений охотно употребляются старые, параллельные морфемы, которые становятся "свободными", "лишними" и исчезают, если не получают новое, добавочное значение.

Памятники русского языка (как и других славянских языков) вряд ли указывают на то, какие существительные, в каком падеже усвоили флексии -у основ в праславянском языке. Вместо этого они имеют достоверные указания, как употреблялись параллельные флексии смешанного типа ĭ/и основ, какие тенденции их семантической дифференциации отмечались в славянских языках на раннем этапе их истории. Памятниками отражены правила употребления флексий. Задача исторической грамматики состоит в том, чтобы выяснить, какое добавочное дифференцирующее значение имеют формы существительных с флексиями -ĭ основ. Такой подход к памятникам ранней поры действительно, прольет свет на закономерности внутреннего развития грамматической системы русского языка и одновременно придает ценные данные и для сравнительной грамматики славянских языков.

⁸ Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. Москва, 1957, стр. 243.

⁹ А.Г. Широкова. Чешский язык, Москва, 1961, стр. 112.

¹⁰ Насчет древнерусского языка: В.А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Москва, 1935, стр. 300.

Таким образом, учитывая новейшие достижения сравнительно-исторической грамматики славянских языков, мы можем внести определенные коррективы в конкретные задачи изучения истории отдельных славянских языков. Теорию и вытекающие из нее выводы Вл.И.Георгиева о судьбе склонения существительных с основой на -о, и ю-, с точки зрения истории русского языка мы считаем очень плодотворными и поэтому пытались указать на ее применимость к исторической морфологии русского языка. Однако, следует подчеркнуть, что для применения этой теории будут необходимы дальнейшие исследования над некоторыми случаями употребления флексий, восходящих к о - основам в памятниках русского языка.

АГОШТОН ПАВЕЛ — ФИЛОЛОГ

И. Х. Тот

В 1976 году исполняется 90 лет со дня рождения и 30 лет со дня смерти выдающегося южно-славянского филолога Агоштона Павела. Агоштон Павел — крупный деятель венгерской славистики, внёс большой вклад в дело установления дружественных отношений между венграми и славянами. Поэтому в связи с его юбилеем мы с благодарностью посвящаем ему эту статью. Это особенно актуально также и потому, что Агоштон Павел был профессором Сегедского университета. Из большого и многообразного наследия Агоштона Павела мы в первую очередь останавливаем наше внимание на его филологических работах, выделяя те достижения, которые обогатили венгерскую славистику.

Во многих отношениях ценная, со многих точек зрения первооткрывательская деятельность Агоштона Павела даёт возможность считать его крупным деятелем славянской филологии. С этой точки зрения мы будем анализировать его труды. В центре нашего исследования стоят в первую очередь работы Агоштона Павела по языкознанию. Что касается его филологических трудов другого характера, то мы остановимся лишь на самых важных. Такой подход оправдан тем, что и современники Агоштона Павела ценили в первую очередь его деятельность в области языкознания.

I. Славянская филология в Венгрии как наука, основоположником которой был профессор Будапештского университета Оскар Ашбот, начала существовать сравнительно поздно. Хотя Венгрия была многонациональным государством, в котором были представлены все три славянские группы (представители восточных, южных и западных славян), славистика как наука родилась лишь в 80-х годах XIX века.

Ашбот был учёным с широким кругозором, он хорошо знал все проблемы международной славистики, ведь он был лично знаком и состоял в переписке с её самым блестящим представителем. Наряду с этим Ашбот изучил те особые, вытекающие из истории и взаи-

отношений венгров и славян, задачи, которые стояли перед славянской филологией в Венгрии, и должны были быть решены в первую очередь языковедом. Эти особые задачи славянского языковедения в Венгрии можно сформулировать следующим образом:

1. Изучение славянских элементов в венгерском языке, а также изучение венгерских элементов в некоторых славянских языках.
2. Изучение и разработка славянских диалектов в Венгрии (словенского, сербского, хорватского, словацкого, украинского, польского), а также возможно сложившихся на их основе региональных литературных языков.
3. Разработка и применение славянского по происхождению материала топонимии и истории культуры краеведения.
4. Поиски, сбор, обработанные палеографически и языковедчески издания славянских памятников языка, находящихся в Венгрии.
5. Создание учебников, пособий по языку по общей славистике, а также по отдельным славянским языкам.
6. Изучение славянской системы письменности и регулирование написаний славянских слов и имен в венгерском языке.

Всё это было огромной задачей, стоящей перед венгерской славистикой. Признав, что развитие венгерской славистики запоздало, Амбшт стремился восполнить пробелы и устранить недостатки. Он собрал вокруг себя талантливых учеников, задачей которых явилось ознакомиться с той или иной областью славистики, разрабатывать и развивать её. Будущих славистов Амбшту предстояло найти в первую очередь в рядах университетских студентов славянского происхождения, знавших славянские языки. И тут благодаря счастливой встрече требовательный профессор нашёл способного, трудолюбивого и преданного ученика в лице Агостона Павела — вешедеткутца по рождению (ныне Цанкова), прекрасно знающего вешедеткутский словенский диалект и владеющего им. Агостон Павел под влиянием профессора Оскара Амбшта начал серьезно заниматься словенской филологией.

2. Общеизвестно, что в венгерском языке имеется довольно значительное число заимствованных слов славянского происхождения. В нашем литературном языке насчитывается более пятисот слов славянского происхождения, которые входят в основной словарный фонд.

В диалектах, соседствующих со славянами, таких слов гораздо больше. Славянские заимствования пришли в наш язык не из одного из славянских языков, а из разных славянских языков, имеющих какие-либо связи с венгерским. Одна из основополагающих задач венгерской славистики — определить когда, где и из какого славянского языка мы переняли тот или иной слой заимствований. Для этого необходимо основательное знание славянских языков. Для исследования заимствований словенского происхождения необходимо основательно знать словенский язык, словенские диалекты и в особенности словенские диалекты живущих в Венгрии словен. Агоштон Павел был призван восполнить пробелы в изучении словенского языка и словенских диалектов, т.к. он сам прекрасно знал словенский язык.

Словенские диалекты в Венгрии достигли уровня регионального литературного языка, первые памятники которого восходят к XVIII веку. Надо отметить, что как словенские диалекты в Венгрии, так и развившийся из них, использовавшийся почти исключительно как церковный, региональный литературный язык были неизвестны международной славистике. Агоштон Павел в своей работе "Фонетика вашхидеккутского словенского диалекта", написанной еще в студенческие годы и впоследствии ставшей его диссертацией, первым описал фонетику одного из словенских диалектов в Венгрии. Важность и ценность его работы подтверждается тем фактом, что она появилась как первый выпуск в серии "Славянские диалекты в Венгрии" в издательстве Академии Наук Венгрии под редакторством Оскара Ашбота. Эта работа содержала в себе материал, восполняющий пробел во всем славянском языкознании. Она также послужила толчком для исследований остальных славянских диалектов в Венгрии. В этой работе Агоштон Павел добросовестно и подробно, с прекрасным чутьем к фонетике описывает весь запас гласных и согласных звуков, а также их динамические преобразования. Охарактеризовав артикуляционные особенности отдельных звуков, он возвращает нас к тем древнесловенским, а также к древнеславянским факторам, к которым восходит исследуемый звук. Такая ретроспективная разработка требует чрезвычайно основательной подготовки, но в то же время открывает возможности для того, чтобы видеть языковые явления не только в их взаимозависимостях и взаимовлияниях, но и в процессе исторического раз-

вития. Наряду с данными вашхидегкутских диалектов мы находим последовательно соответствующие им данные литературного словенского языка. Иногда исследователь приводит и параллели с другими словенскими диалектами. Там, где природа языка этого желает, автор приводит соответствия из самого древнего из сохранившихся славянских литературных языков — старославянского, или данные других славянских языков. Все это подтверждает, что Агоштон Павел освещает материал диалектов с помощью сопоставительно-исторического метода. Особого внимания заслуживает "Вступительная часть", где говорится об отношениях словенских диалектов в Венгрии и вашхидегкутского диалекта. Автор выделяет 10 малых словенских диалектов на словенской языковой территории в Венгрии¹.

Вашхидегкутский диалект относится к ровенцской группе, которая занимает территорию от Вашхидегкута (Цанкова) до Мурасомбата (Мурска собата).² Характерно, что этот диалект испытал много-стороннее языковое воздействие: на него влияли соседние словенские диалекты, венгерский и немецкий языки. Это повлияло оригинальным образом на формирование словенских особенностей. В ходе исследования отдельных звуков вашхидегкутского диалекта перед исследователем открывалась возможность описать и важнейшие особенности данного диалекта (гласная i на месте славянского и, наличие ö, ó на месте словенского ol u (там, где в старославянском был l, a' на месте j и т.д.). Богатый материал, приведенный Агоштоном Павлом, давал возможность получить основательную информацию о словарном составе вашхидегкутского диалекта. Трудно переоценить значение первой работы Агоштона Павела, о которой можно сказать следующее:

1. Данные, приведенные в ней, широко используются в истории словенского языка и в диалектологии.
2. Эта работа является важным отправным пунктом для славянского сравнительного языкознания, т.к. она дает представление о распространении особенностей славянских языков.
3. Она совершенно необходима тем, кто занимается изучением славянских, точнее словенских заимствований в венгерском языке.

С этой точки зрения первым использовал данные о словенском диалекте Янош Мелих в своей работе "Славянские заимствования". Мелих не был в достаточной мере знаком с словенскими диалектами, и поэтому его данные не всегда точны. Павел во многих случаях дополняет, исправляет, уточняет определения Мелиха. Вашхидегкутский диалект был одним из тех словенских наречий, которые непосредственно соприкасались с венгерскими диалектами и служили источниками заимствований словенского происхождения. Приняв во внимание этот факт, мы должны признать, что значение работы Агоштона Павела для венгерского языкознания еще более возрастает. Хотелось бы лишь сослаться на то, что по мнению Элемера Моора наши далекие предки переняли от словен средневропейский тип ведения сельского хозяйства.

Примем ли мы эту теорию, или отвергнем её – в любом случае фонетика диалектов Вашхидегкута играет в решении этого вопроса очень большую роль. Возвращаясь к вопросу о славянских заимствованиях в венгерском языке, мы хотим процитировать мнение одного из самых компетентных специалистов, Оскара Ашбота: "... богатый и во всех отношениях достоверный материал делает работу эту первоклассным источником"... Работа Павела содержит благодарный материал и для венгерских лингвистов; если же кто-либо как раз думает, что словенский язык оказал сильное влияние на венгерский, и не только думает, но и считает так и ищет доказательств, то тогда он совершит крупную ошибку, если не прочтает внимательно работу Павела".³

3. Эту работу молодого Павела в истории общей славистики лучше всего сравнить с одной из работ выдающегося ученого И.А. Бодуэна де Куртенэ, в которой молодой исследователь первым проанализировал сохранившийся в чуждых условиях словенский диалект – резьянский. Описание Агоштона Павела имеет основополагающее значение как для словенского языка, так и для общей славистики.

После окончания университета Агоштон Павел продолжает изучение словенского языка под руководством Оскара Ашбота. Ашбот

предоставляет ему возможность опубликовать работы по вопросам словенского языка в редактируемом Ашботом авторитетном журнале "Языкознание". В 1916 году здесь появляются две работы Павела. В работе "Новейший литературный язык вендов" Агоштон Павел освещает вопросы регионального словенского литературного языка в Венгрии, а также пишет о новейшей фазе его развития. О значении этой работы свидетельствуют новейшие достижения исследований в области венгерской славистики. Ласло Хадрович подчеркнул интересную закономерность, согласно которой региональные славянские литературные языки в Венгрии в большой степени отличаются от развивавшихся на своей "родной территории" литературных славянских языков.⁴ Причину этого явления надо искать в том, что основой регионального литературного языка в Венгрии служит, как правило, существующий здесь диалект. Это и отличает данный язык от построенного на других диалектах, но стоящего над диалектами, наделенного уравнивающей функцией, литературного языка "на родной территории". Региональный литературный словенский язык в Венгрии построен на диалектах, существующих в Венгрии, т.е. противостоит словенскому литературному языку, нижнеукраинскому по происхождению.

Во вступлении к своей работе Павел подчеркивает, что этот литературный язык является в первую очередь церковным литературным языком, имеющим не литературное, а историко-культурное значение, не эстетическую, а практическую ценность.⁵

Обрисовав историю регионального литературного словенского языка, Павел перечисляет его особые, оригинальные черты. В 27 пунктах он суммирует важнейшие особенности словенского — или как его называет Павел, вендского — литературного языка, которые отличают его от стайерского диалекта, оказавшего на него в последнее время значительное влияние. В своей работе Агоштон Павел выступает и за самостоятельность регионального литературного словенского языка в Венгрии. Правда, в дальнейшем Агоштон Павел изменил свое мнение о словенском литературном языке в

Венгрии. Как указал Вилко Новак, Павел неоднократно подчеркивал в беседах, что не считает верными свои ранние высказывания, относящиеся к сохранению регионального вендского языка.⁶ Само собой разумеется, эти изменения во взглядах не снижают научную ценность его работы, ведь в ней, по нашим сведениям, он первым описал особенности одного из региональных славянских литературных языков в Венгрии и дал представление о его функции. В этом мы видим важнейшее значение анализируемой работы для венгерской славистики.

В труде "Сборник текстов вендов и история предшествующих сборников" он оценивает работу по исследованию словенских диалектов баратлакского словенского самоучки Иштвана Кухава, который под влиянием работы Агоштона Павела о Вашхидегутском диалекте начал заниматься более точным анализом текстов, приближаясь к самой сущности языка. Павел публикует четыре удивительно точно и тщательно записанные словенские народные сказки. Значение этой работы еще увеличивается тем, что автор снабжает публикуемые тексты подробными языковыми комментариями. Эти комментарии свидетельствуют о больших специальных знаниях Агоштона Павела, значительно облегчают работу исследователей, занимающихся изучением диалектных текстов. Они содержат интересную информацию и для ученых, занимающихся общей славистикой и для словенских диалектологов.

В двух указанных нами работах Павел пользуется словом венд для обозначения народа. Надо заметить, что это вовсе не означает какого-либо пренебрежительного отношения. Использование древнего, индоевропейского по происхождению (венеты) слова означало лишь, что речь идет о словенах, живущих на территории Венгрии⁷. Тот, кто знает историю этого названия, которым в течение долгого времени в средневековых неславянских источниках обозначались западные славяне, не придает использованию этого названия Павлом какого-либо двусмысленного значения. Можно предположить, что в выборе этого названия сыграло роль то обстоятельство, что Павел хотел словом "венд" обозначить потомков коцельского народа

на территории Венгрии, что никак не может быть оценено негативно. Напротив, именно это название указывает на большое историческое прошлое словенства. Перечисленные работы Павела имеют огромное значение и в наше время. Они побуждают к дополнению их новыми данными. Это в особенности относится к региональному церковному словенскому языку (*pravi, istinski, stari slovenski ezik*), который и сейчас распространен среди словен-католиков в Венгрии.

Уже в молодые годы Агоштон Павел стал авторитетным словенским ученым венгерской славистики. Это ярче всего доказывает тот факт, что его учитель Оскар Ашбот поручил ему собрать словенский иллюстративный материал диссертации для Академии Наук на тему "Мена ј>гу в языке отечественных словен и в задунайских диалектах".

4. Понятно поэтому, что при таком успешном начале карьеры ученого мы вправе были ожидать и предсказывать дальнейший взлет и успешное продолжение его работы. К сожалению, все произошло иначе. В жизнь Агоштона Павела вмешалась сама история. Это были трудные годы: тяжелое ранение, полученное на войне, выговор и перемещение, как следствие выказанного им сочувствия Венгерской Советской Республики, смерть Ашбота. В этих условиях он не может с прежней интенсивностью продолжать начатую работу по словенскому языкознанию. Атмосфера, сложившаяся после I мировой войны, также не благоприятствовала такого рода исследованиям. Несмотря на это, он не прекращает начатой работы. Известно, что он составил грамматику отечественного словенского языка, написал труд в 1500 страниц по сравнительной грамматике и проанализировал венгерские элементы в отечественных словенских диалектах.

Все эти материалы он подготовил в рукописях, ожидая лучших условий для их публикации и надеясь на благоприятные изменения для себя и для отечественной славистики. К сожалению, эти, с огромным чувством оптимизма и ценой больших жертв, написанные труды не могли быть опубликованы, т.к. этому препятствовали господствующие до освобождения "односторонние и ограниченные, и даже антинаучные, взгляды в науке и ситуация, свидетельствующая о недальновидной политике" (слова Агоштона Павела).

В связи с деятельностью Агоштона Павела в области языкознания мы должны упомянуть, что он хорошо знал и русский язык. Следуя примеру Ашбота, который написал полезную и для своего времени очень ценную с научной точки зрения грамматику русского языка, Павел издает практическую грамматику русского языка. В 1944–45 гг. пишет подробную грамматику русского языка, объемом в 300 рукописных страниц. К сожалению, эта работа не была издана.

Агоштон Павел рано познакомился с сравнительной исторической литературой и под руководством профессора Дайоша Катона овладел всеми необходимыми знаниями для её разработки. В этой области он выступил с работой "Родственные сказания об Орфее, мифы в южно-славянском фольклоре".⁸ Эта работа говорит о его большой филологической подготовке, ведь древнегреческие по происхождению сказания об Орфее дошли к словенам из долины Марица через болгар, сербов, хорватов. Естественно, что в результате такого длительного по времени и охватывающего такое огромное пространство странствования миф значительно изменился; в нем действуют другие лица, в том числе и венгерский король Матиаш. Но несмотря на это, основные мотивы сохранились. В своей работе Агоштон Павел первым обратил внимание на неизвестные венгерские связи в словенском фольклоре. Работа свидетельствует, по мнению Шандора Шик, и о том, что автор ее прекрасно знаком с сравнительной историей литературы и отлично пользуется ее методами. В пределах схожей темы и его работа "Южно-славянские источники легенды о дочери Банко", в которой автор обращает наше внимание на соответствие темы переодетой в мужское платье девушки сходным темам, встречающимся в сербо-хорватских балладах. Из перечисленных работ наиболее значительной с точки зрения нашего дальнейшего исследования мы считаем работу об Орфее. Здесь мы встречаемся с первым упоминанием о короле Матиаше – традиция, которая очень сильна в среде словен. Дальнейшая жизнь Хуняди, т.е. жизнь образа короля Матиаша, в словенской традиции станет на протяжении многих лет центральной темой исследований Агоштона Павела. О том, насколько важной была

эта тема для самого исследователя, свидетельствует тот факт, что в феврале 1941 года он читал в университете пробную лекцию на тему: "Король Матиаш в словенском фольклоре и литературе". Интересно с этой точки зрения выяснить вопрос о том, как разрабатывали венгерские исследователи славянский фольклор. Венгерская славистика занималась прежде всего, из всего фольклорного материала окружающих славянских народов, фольклором южных славян. В этой области заметно менее всего отставаний. В этом почетную роль сыграли исследования Агоштона Павела. Агоштон Павел является не только прекрасным знатоком словенского фольклора, но и знатоком очень богатой ценностями, но в Венгрии мало известной словенской литературы. Он был специалистом в этой области, переводчиком и популяризатором. Упомянем оставшиеся в рукописи очерки истории словенской литературы, которые он подготовил для "Онтологии южнославянских баллад". В этом произведении Агоштон Павел с большим пониманием и с тонким чувством анализа воссоздает почти тысячелетнюю историю словенской литературы. Его работа и до наших дней не потеряла своего значения и актуальности.

5. Агоштон Павел подводит итоги своей многолетней деятельности в области словеноведения в работе, опубликованной в 1943 году в сборнике "Ungarn und die Nachbarvölker" под заглавием "Венгры и словены".

Особенно интересна с точки зрения научных заслуг Агоштона Павела его итоговая работа "Венгры и словены", которая появилась в издании "Венгрия и Восточная Европа" в 1947 году, спустя год после смерти автора.

В отечественных словенах Агоштон Павел видит потомков народа Коцеля (859-874), который оказал на венгров значительное влияние после обретения венграми родины. Это влияние автор считает важным в области вероисповедания, европейской культуры и государственных отношений. Сначала словене оказывали более сильное влияние на венгров, но позднее и венгры начали оказывать влияние на язык и культуру отечественных словен. Это влияние распространилось позже и на язык и культуру словен, живущих не на венгерской территории. В языке венгерских словен мы находим примерно 300 слов вен-

герского происхождения. Упрощение ударений, переход *j* в *d'*, очевидно, объясняется венгерским влиянием. Языковые воздействия на словен, живущих не на венгерской территории, менее значительны и проявляются скорее в народных традициях. Таковы традиции дальнейшей жизни образа короля Матиаша в словенском фольклоре и литературе. В фольклоре Агоштон Павел выделил три варианта образа Матиаша: эпический герой, лишенный каких-либо особых словенских национальных черт, национальный герой, выступающий как представитель словенского народа, и, наконец, представитель всех угнетенных и униженных. "Традиция Матиаша — это самая неизменная ценность, которую венгры дали словенскому народу, да и для словен это самое универсальное и самое глубокое народное и национальное чувство".⁹

Агоштон Павел стал лучшим специалистом по словенам, поэтому с полным правом широко известный своими прогрессивными взглядами профессор Сегедского университета Шандор Шик заметил: "Павел у нас сейчас самый первый специалист по Славонии".

Еще будучи студентом университета, а позднее будучи преподавателем в г. Сомбатхей Павел много сделал для развития южно-славянской филологии. Он поставил перед собой цель: развить южно-славянскую филологию и тогда, когда 16 апреля 1940 года обратился к руководству Сегедского университета с просьбой о назначении его приват-доцентом, занимающимся вопросами южно-славянских и венгерских языковых и литературных связей. Для определения научных и личных заслуг Павела историко-филологический факультет назначил известного лингвиста Гедоне Месёи и отличного историка литературы Шандора Шик. Прогрессивно настроенные преподаватели университета с радостью приняли и поддержали просьбу Павела. Это объясняется тем, что в начале 40-х годов в Сегеде образовался круг прогрессивных ученых, которые хотели, чтобы университет был таким научным центром, в котором изучались бы южно-славянские, в первую очередь сербо-хорватские, языки и литература. Убеждение этого круга ученых выразил в характеристике Агоштона Павела Шандор Шик, считая желательным развитие в сегедском университете южно-славянской филологии и "с точки зрения культурной политики страны".

О подготовке Агоштона Павела как специалиста и Геден Мейс, и Шандор Шик были самого высокого мнения и с радостью предложили Историко-филологическому факультету допустить его к чтению лекций. После пробной лекции, прочитанной 6 февраля 1941 года в присутствии тогдашнего ректора университета Альберта Сентдёрди, 12 апреля 1941 года министерство удовлетворило просьбу Агоштона Павела.

По поручению Историко-филологического факультета Агоштон Павел представил продуманный план лекций на 8 семестров, основу которого составлял словенский язык. Лекции начались с курса "Король Матиаш в словенской литературе". Лекции по литературе должны были чередоваться с языковыми. Задачей построенных по принципу последовательности лекций было со всех сторон осветить языковые и литературные венгерско-южно-славянские связи, на основе которых Павел намеревался сделать важные просветительские и историко-этнографические выводы. На I семестр 1941/42 учебного года Агоштон Павел объявил курс лекций "Король Матиаш в словенской народной традиции и литературе". Этот курс фигурировал в учебной программе университета до первого семестра 1943/44 учебного года. К сожалению, историческая обстановка - вероломное выступление Венгрии против Югославии, растущий шовинизм, национальная дискриминация - не благоприятствовала планам Павела, который хотя и объявил курс лекций, но не смог его прочитать.

В Сегеде Агоштон Павел познакомился с такими прогрессивно настроенными учеными, которые видели в славянах не врагов, а друзей, товарищей по несчастью. По всей вероятности, с помощью этих ученых Агоштон Павел установил связи с журналом "Делвидеки Семле", в котором появились три его перевода. Ко всем трем переводам он дал краткое литературное приложение, в котором с большим пониманием и любовью обрисовал историю венгерско-южно-славянских связей и значение переведенных произведений.

Хотя военные события помешали прекрасному ученому осуществить в Сегеде свои планы, деятельность Агоштона Павела в качестве профессора Сегедского университета считается одной из ярких стра-

ниц в истории университета. Надо отдать справедливость словам его современника Шандора Шика, который заявил, что зачисление Агоштона Павела в университет есть "замечательная победа".

Иван Книежа, анализируя развитие славистики в Венгрии, упомянул тот печальный факт, что за 100 лет в будапештском университете были представлены лишь четыре приват-доцентские диссертации по славистике.¹⁰ Это замечание мы дополним тем, что эта пятая диссертация была первой, имевшей место не в будапештском университете. Если бы замыслы Павела, касающиеся развития славистики, осуществились в Сегедском университете, то произошла бы счастливая децентрализация в исследовании славистики в Венгрии. Для славистики в Венгрии до освобождения было характерно, что ее разработка была сосредоточена лишь в будапештском университете; в нестоличных университетах не было ее представителей, не существовало "лаборатории" славистики. Сегедское приват-доцентство Агоштона Павела имело большое значение с точки зрения развития славистики, т.к. открывалась возможность создания "лаборатории" славянской филологии. К сожалению, эта возможность в силу перечисленных причин не была осуществлена.

Для того, чтобы оценить филологическую деятельность Агоштона Павела, мы должны были упомянуть те задачи, которую составляли специфику венгерской славистики. Анализируя с этой точки зрения деятельность большого ученого, мы должны будем убедиться в том, что Агоштон Павел вел действительно широкую, ценную и полезную работу и многое создал в области южно-славянской филологии в Венгрии. Его блестящие способности, основательная подготовка, талант организатора позволяли ему достигнуть большего. И не его вина, что он не смог этого сделать. Он жил и работал в такое время, когда обстоятельства не благоприятствовали исследованиям в области славистики. Но мы должны заметить в этом очерке его творческого пути, что его работы по славистике были не эпизодами, а органической частью венгерской славистики, что они продолжали ее

лучшие традиции. Вопросы, разработанные Агоштоном Павелом, актуальны и в наши дни и ждут дальнейшей научной работы. Одной из будущих важных задач славянской филологии в Венгрии должно стать дальнейшее продолжение исследований, начатых Агоштоном Павелом.

Литература

- I Агоштон Павел. Фонетика вашхидегкутского диалекта.
Будапешт, 1909, стр. 2.
Pável Ágost: A vashidegkuti szlovén nyelvjárás hangtana.
Budapest, 1909. 2.
- 2 Вышеуказанная работа. стр. 3.
- 3 Оскар Ашбот. Агоштон Павел. Фонетика вашхидегкутского словенского диалекта. Рецензия. Будапешт, "Языкознание". 1911/3.
стр. 126, 127.
Asbóth Oszkár: Pável Ágost: A vashidegkuti szlovén nyelvjárás hangtana. Recenzió. Budapest, Nyelvtudomány. 1911/3. 126, 127. 1.
- 4 Ласло Хадрович. Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten in 18. und 19. Jahrhundert, Будапешт, 1974, стр. 15.
- 5 Агоштон Павел: Новейший литературный язык вендов. Будапешт, "Языкознание", 1916/1-2. стр. 2.
Pável Ágost: A legújabb vend irodalom nyelve. Budapest. Nyelvtudomány. 1916/1-2. 2. 1.
- 6 Вилко Новак. Агоштон Павел – языковед. Сборник воспоминаний. "Дунантули Семле. 1949. стр. 42.
Vilko Novák: Pável Ágoston, a nyelvűdős. Pável Ágoston Emlékönyv. Dunantuli Szemle. 1949. 42.1.
- 7 Агоштон Павел. Венгры и словене. Венгрия и Восточная Европа. Под редакцией Иштвана Гал, Будапешт, 1947. стр. 151.
Pável Ágost: Magyarok és szlovének. Magyarország és Kelet-Európa. Szerk.: Gál István, Budapest, 1947. 157.1.
- 8 Агоштон Павел. Родственные сказания об Орфее, мифы в фольклоре южных славян. Будапешт. Этнография 1909/6. стр. III-II2.
Pável Ágost: Az Orpheus-monda rokonai a délszláv népköltészetben, Budapest. Ethnographia 1909/6. 111-112. 1.
- 9 Агоштон Павел. Венгры и словене... стр. 166.
Pável Ágost: Magyarok és szlovének... 166. 1.

- 10 Иштван Книежа. Проблемы и задачи венгерской славистики.
АН Венгрии. Сообщения отделения языка и литературы, XII.
(1955). стр. 76.

Knieszsa István: A magyar szlavisztika problémái és feladatai.

MTA Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei.

XII. /1955/ Budapest. 76. 1.

РЕЦЕНЗИИ

А.К. ФЕДОРОВ. "ОБРАТНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ" ^I

Мы не ставим перед собой задачу рецензировать все три работы, составляющие научный сборник "Проблемы синтаксиса русского языка", а обращаемся лишь к одной из них – "Обратное подчинение в современном русском языке". Автор её – проф. А.К. Федоров – известен в советской грамматической науке как глубокий, пытливый исследователь вопросов русского синтаксиса, главным образом вопросов сложных, трудных, еще не решенных современной наукой. В 1972 г. А.К. Федоров оказал преподавателям и методистам русского языка неоценимую помощь своей книгой "Трудные вопросы русского синтаксиса", в которой он предстает как замечательный методист, умеющий по-научному и вместе с тем просто, доходчиво объяснить и решать многие трудные вопросы школьной грамматики. Уже в этом методическом пособии и в докторской диссертации на тему "Система подчинительных союзов в современном русском языке (Проблема взаимосвязи значения и структуры сложного предложения)" рассматриваются некоторые вопросы обратного подчинения в русском языке. В рецензируемой нами работе эти вопросы освещены со всей подробностью, научной глубиной и обоснованностью.

Проф. А.К. Федоров, всегда верный своим научным интересам, и в этой работе рассматривает один из самых трудных и малоразработанных вопросов современного русского языка. Напомнив о традиционном тезисе сложного синтаксиса: "придаточное предложение всегда зависит от главного, поясняет, определяет его", исследователь обращается к таким конструкциям русской речи, которые со всей очевидностью опровергают это явно устаревшее положение. Оказывается, в русском литературном языке существует великое множество конструкций – временных, следственных, причинных, условных, целевых и уступительных – с так называемым обратным подчинением. Современные синтаксисты по-

^I Научные труды Курского государственного педагогического института, т. 32 (125), Орел, 1974, стр. 3-61.

разному рассматривают подобные конструкции, подчас упрощая их сущность, уклоняясь в сторону от научного решения, отрывая форму от содержания и т.д. В этом многообразии точек зрения концепция А.К. Федорова (точнее было бы сказать: концепция А.Н. Суровцева – А.К. Федорова), по нашему мнению, наиболее близка к научной истине. Выдвигнутая А.Н. Суровцевым (в его работах: "Сложноподчиненное предложение с придаточными причины и придаточными следствия в современном русском литературном языке", 1953; "К вопросу об "относительных" придаточных предложениях", 1956; "К вопросу о сложных конструкциях с взаимоподчиненными придаточными предложениями", 1958; "Сложноподчиненные предложения с составными союзами", 1963) теория прямого и обратного подчинения нашла в лице проф. А.К. Федорова своего достойного продолжателя. Уже один анализ различных точек зрения на упомянутые выше конструкции свидетельствует о широте и глубине профессиональной эрудированности автора рецензируемой работы, представляющей собой глубокое по научности и стройное по композиции сочинение.

Исходя из тезиса о том, что обратноподчиненными считаются такие конструкции, в которых определяющим является не придаточное, а главное предложение, А.К. Федоров последовательно анализирует обратноподчиненные предложения с союзами временными, следственными, причинными, условными, целевыми и уступительными. Вот образцы таких предложений с обратным подчинением, которые рассматривает А.К. Федоров:

а) временное: Уже смеркалось, когда мы приехали домой; (ср.: Мы приехали домой, когда уже смеркалось);

б) следственное: Картина ваша очень хороша, так что мое замечание не может повредить ей; (ср.: Мое замечание не может повредить вашей картине, так как она очень хороша);

в) причинное: По-видимому, тетюшку они любили, так как держали себя при ней свободно и даже курили; (ср.: Они держали себя при тетюшке свободно..., потому что, по-видимому, любили ее);

г) условное: Это явление – истинное чудо, если оно дарит нам столько радости; (ср.: Так как это явление – истинное чудо, оно дарит нам столько радости);

д) целевое: Вскоре после того, как дом был построен, его хозяева уехали, с тем чтобы никогда не вернуться; (нелогично спрашивать: с какой целью уехали?);

е) уступительное: Марья Дмитриевна в сущности не много больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась перед Лаврецьким, что одна воспитала детей своих (ср.: Марья Дмитриевна хвасталась перед Лаврецьким, что одна воспитала детей своих, хотя в сущности она не много больше мужа занималась Лизой).

В самом деле, анализируя любую из этих конструкций, убеждаемся, что они не укладываются в традиционные рамки сложноподчиненных предложений, в которых придаточные зависят от главного, определяют его; здесь, наоборот, или главное определяет придаточное, или, в крайнем случае, придаточное не зависит по смыслу от главного, являясь по сути самостоятельной конструкцией; вопросы, которые обычно ставятся к придаточному, чтобы определить его вид, здесь оказываются нелогичными и т.п.

Обращает на себя внимание тщательный анализ не только грамматической, но и стилистической сущности подчинительных союзов (например, их синонимии), семантики слов с логическим ударением в обеих частях сложного предложения, корреляции временных и видовых значений глагольных сказуемых и т.д.

Работа А.К. Федорова завершается четкими выводами, характеризующими грамматическую и смысловую сущность обратноподчиненных предложений. Автор выделяет шесть общих признаков, отличающих обратное подчинение от прямого:

- 1) определяющей предикативной единицей является не придаточное, а главное предложение;
- 2) придаточное, как правило, может быть трансформировано в главное и, наоборот, главное — в придаточное;
- 3) в подчиняющем предложении нет и не может быть соотносительного (указательного) слова; расчленение же оосоставного союза на простой союз и указательное слово или совершенно невозможно, или приводит к семантико-грамматическому переосмыслению всей конструкции;
- 4) придаточное, как правило, не соотносится ни с каким членом предложения и не трансформируется в член предложения;
- 5) придаточное предложение обычно находится в постпозиции (во временных, условных и уступительных конструкциях оно может быть препозитивным);
- 6) обратноподчиненные предложения всегда двучленны, придаточ-

ное в них относится не к одному слову или словосочетанию главного, а ко всему объему главного предложения.

Исследования А.Н. Суровцева, а вслед за ним А.К. Федорова открывают новую страницу в истории изучения русского сложноподчиненного предложения. Признание и применение на практике теории прямого и обратного подчинения позволит устранить многие существующие до сих пор противоречия и трудности в решении проблемы взаимного подчинения.

М.И. Ильяш

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, I, I

Языковедам, занимающимся изучением проблематики словообразования русского языка, известен сборник материала I Республиканской конференции УзССР, изданный в 1972 г. в двух выпусках под названием "Актуальные проблемы русского словообразования".

В данный сборник включено 90 статей, докладов и сообщений, представленные на межвузовскую научную конференцию, проводимую Самаркандским государственным педагогическим институтом. Объем сборника 516 стр.

В сборнике обсуждаются ряд актуальных проблем русского словообразования, имеющих большое теоретическое и практическое значение. Значительное место отводится обсуждению проблем взаимоотношения словообразования с другими ярусами русского языка (см. статьи А.Н. Тихонова, М.А. Шелякина, О.М. Соколова, Е.С. Кубряковой). В некоторых работах затрагиваются вопросы, касающиеся важных проблем составления морфемных и словообразовательных словарей. Продолжается разработка определения словообразовательных гнезд разных частей речи в работах С.А. Емельяновой, А.Н. Тихонова, Э.М. Мухаммадиева и др. Очень интенсивно работают языковеды над уточнением и выяснением сущности окказиального и потенциального словообразования (Н.А. Янко-Триницкая, В.Б. Сузанович, В.С. Гимпелевич и др.).

Авторы изучают словообразовательную структуру слов, относящихся к разным словообразовательным типам: прилагательных на -ическ(ий), на -чат(ый), прилагательных с суффиксом -ск-, отнаречных темпоральных прилагательных; глаголов звучания с приставкой от-, глаголов на -(е)ствова(ть), на -нича(ть), глаголов с приставкой из-, обозначающих полноту проявления действия; существительных на -мость, -щик/чик, -(е)ние, -ец, -льник, -к(а), приставочно-суффиксальных существительных, деминутивов и др.

Отдельные авторы успешно стремятся к упрощению и уточнению терминов, что и является необходимым для продолжения успешной работы.

Настоящий сборник дает весьма ценные и полезные данные о русском словообразовании и его материал в основном способствует комплексному решению самых кардинальных вопросов этой области языкознания.

К. Фабриц

I Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института, № 143 Ташкент, 1975.

ZBIGNIEW BARANSKI, JERZY LITWINOW: ROSYJSKIE MANIFESTY
LITERACKIE / PRZEŁOM XIX I XX WIEKU / +

Авторы хрестоматии взяли за решение ответственной и важной задачи: подбором программных манифестов основных литературных направлений конца XIX начала XX вв. дать представление об исканиях теоретической и художественной мысли этого сложного историко-литературного периода, в оценке которого и до сих пор существуют разные концепции. Хотя в последнее время появились фундаментальные историко-литературные и теоретические работы, освещающие этот период,¹ художественные тексты, теоретические и критические статьи, которые необходимы для его изучения, остались малодоступными или совсем недоступными широкой публике.

При составлении хрестоматии / как об этом говорится в предисловии / авторы руководствовались прежде всего задачами утилитарными, вызванными потребностями обучения студентов-русистов в Польше, ими был учтен факт, что для создания верного и живого представления об основных направлениях данного историко-литературного периода необходимо знакомить студентов и с первоисточниками, текстами художественными, теоретическими и критическими.

Общедоступной по данному периоду является только хрестоматия под редакцией Н.А.Трифонов², включающая в себя богатый материал, но в основном ориентирующаяся на программу преподавания в советских вузах. Хотелось бы отметить, что в хрестоматии Н.А.Трифопова большинство теоретических статей программных манифестов приводится в значительно сокращённом виде, и принцип расположения материала является не достаточно дифференцированным по сравнению с развитием историко-литературной науки на теперешнем этапе; вся "нереалистическая" литература подводится под общее родовое понятие "модернистско-декадентской литературы".

+ Zbigniew Barański, Jerzy Litwinow: Rosyjskie manifesty literackie. Część I /Przełom XIX i XX wieku/, Poznań /Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu/ 1974.

¹ Русская литература конца XIX - начала XX вв. т. I.-III. "Наука", Москва 1968-1972; Литературно-эстетические концепции в России конца XIX-начала XX вв., "Наука", Москва, 1975; В.А.Келдыш: Русский реализм начала XX века, "Наука", Москва, 1975.

² Русская литература XX века. Дореволюционный период. Хрестоматия. Сост. Н.А.Трифонов, Москва 1962, изд. 2. 1966, изд. 3. 1972.

В первом томе хрестоматии /она задумана как двухтомная/ из сложных тенденций и направлений русской литературы конца XIX начала XX вв. выделены три: символизм, акмеизм и футуризм. Этим выбором и определяется принцип расположения материала: хрестоматия разделена на три соответствующие большие части.

В хрестоматию вводится очень богатый материал, неоспоримая ценность её в том, что она делает для студенческой аудитории общедоступными такие материалы, с которыми и специалисты могут знакомиться по первоисточникам. Теоретические статьи и программные манифесты в большинстве своём приводятся в полном своём объёме или с незначительными сокращениями, таким образом читателю открывается возможность знакомиться не только с сухими программными тезисами, но и с живым ходом развития теоретической мысли, с теми расхождениями, которые существовали в пределах отдельных литературных направлений и между ними.

Часть материала цитируется по первоисточникам, в случае же их недоступности авторы обратились ко вторичным источникам, список которых даётся в конце хрестоматии.³

Принцип выбора и расположения материала был продиктован авторам задачей показать три основных направления русской поэзии на рубеже двух веков в их сосуществовании и в процессе их смены.

Выбранный авторами принцип распределения материала по трём главам: Символизм, Акмеизм, Футуризм – был бы достаточным, и наверное единственно возможным, если бы авторы довольствовались только подбором программных и теоретических документов отдельных школ. Однако, авторы включили в хрестоматию и большое количество художественных текстов, своеобразных "художественных деклараций", в которых, как авторам казалось, с наибольшей наглядностью воплощаются основные направления теоретических программ. И здесь уже принцип разделения материала только по школам стал недостаточным и противоречивым, особенно в разделах Акмеизм и Футуризм.

³От символизма до "Октября". Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров, Москва 1924; Литературные манифесты. От символизма к "Октябрю". Приг. к печати: Н.Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров, Москва 1929; Anfänge des russischen Futurismus herausgegeben von Dmitrij Tschizevskij, Wiesbaden 1963; Манифесты и программы русских футуристов. Mit einem Vorwort und herausgegeben von Vladimir Markov, München 1967.

Известен факт, что программные манифесты той же самой группы бывают весьма противоречивыми и по отношению друг к другу, что отдельные представители данной школы те же программные пункты истолковывают в принципиально разном духе, и, таким образом, они ведут к совершенно разным стилевым последствиям в художественной практике. Известно также, что существует очень мало таких произведений, которые являются не больше чем декларативным прямым выражением теоретических заявлений в словесно-художественной форме, что художественная практика настоящих поэтов далеко выходит за пределы программных тезисов отдельных школ.

Поэтому при расположении художественных текстов нужно было бы ввести не только название школы или группы, каковыми являются акмеизм и футуризм, но и категории стиля, стилового явления, течения. Иначе остаётся непонятным, как могут быть соединены в пределах одного раздела представители столь разных стиливых явлений как М.Волошин и И.Анненский с одной стороны, и М.Зенкевич и В.Нарбут с другой стороны. Ведь их присутствие в рамках того же раздела мотивировано совершенно разными аспектами подхода к материалу. Если отнесение стихотворений И.Анненского к этому разделу оправдано исключительно с точки зрения стиловой /тем, что ассоциативный психологизм его "вещного мира" и импрессионистичность стиля подготовили тот поэтический подход к реалиям предметного мира, который воплощается в поэтическом стиле А.Ахматовой и некоторых других поэтов постсимволистской поры/, но он к акмеизму, как группе, школе не принадлежит, то отнесение М.Зенкевича и В.Нарбута сюда же, наоборот, оправдывается тем, что они были действительными членами "Цеха поэтов", но их поэтический стиль ничего общего со стилем И.Анненского не имеет.

Можно было бы указать ещё на несколько таких примеров, свидетельствующих о том, что введение в хрестоматию художественных текстов, потребовало бы применения более дифференцированных аспектов, если не в делении на отдельные главы, то в комментариях аналитического характера.

Хотелось бы в этом месте отметить, что именно таким дифференцированным принципом расположения художественного материала обращает на себя внимание хрестоматия под редакцией Л.Силард, вышедшая в издании Будапештского университета по этому же периоду.⁴

⁴ Szöveggyűjtemény a XX. század orosz irodalmából /1917-ig/. Szerkesztette: Szilárd Mihályné, Tankönyvkiadó, Budapest, 1969.

Требовать от любой хрестоматии, чтобы она дала полное, адекватное отражение литературной жизни данной эпохи в своём живом богатстве и во всей своей сложности — нереально. Любой принцип распределения таит в себе опасность схематизации, и любой принцип выбора обречен на сужение живого литературного процесса. Задача хрестоматии может состоять только в том, чтобы она дала верное представление об основных направлениях эпохи. Этому критерию работа польских авторов полностью отвечает, поэтому наши последующие замечания касаются лишь частных вопросов.

В разделе "Символизм" даны самые важные материалы, характеризующие теоретический облик обоих поколений русских символистов. Однако, из полемических статей, помещённых на страницах журнала "Аполлон" за 1910 год, вызвавших дискуссию о "кризисе" символизма, в хрестоматию включена только статья Вяч.Иванова "Заветы символизма", послужившая толчком к началу этой полемики. Мы полагаем, что введение и других документов, свидетельствующих об этом "расколе" в лагере символистов, дало бы ещё больше почувствовать ту литературно-критическую атмосферу, в которой выступали акмеисты и футуристы. Картину эту могли бы ещё дополнить теоретические работы В.Соловьёва, сыгравшие существенную роль не только в теоретическом самоопределении старших символистов, но и в трактовке некоторых ключевых тем в творчестве второго поколения.

При характеристике акмеизма авторами хрестоматии приведены не только общеизвестные программные манифесты Н.Гумилёва и С.Городецкого,⁵ но и более ранние, собственно преакмеистические статьи Е.Аничкова и М.Кузмина,⁶ появившиеся ещё до возникновения группы "Цех поэтов" и первых деклараций его участников, но предвещавшие те направления, которые будут характерны для теории и практики акмеизма. В хрестоматии приводится и статья О.Мандельштама "Утро акмеизма", в которой в отличие от эклектичности и случайности теоретических заявлений Н.Гумилёва и С.Городецкого даётся чёткое филологическое и историко-культурное обоснование акмеистической концепции поэтического слова

⁵Николай Гумилёв: Наследие символизма и акмеизм; Сергей Городецкий: Некоторые течения в современной русской поэзии, "Аполлон"; 1913/№1.

⁶Е.Аничков: Последние побеги русской поэзии, "Золотое руно"; 1908/№2;
М.Кузмин: О прекрасной ясности/Заметки о прозе, "Аполлон"; 1910/№1.

⁷О.Мандельштам: Утро акмеизма, "Сирена"; 30/1-1919г. Воронеж.

Самую трудную задачу для авторов хрестоматии очевидно составлял отбор из многочисленных футуристических альманахов и сборников, включающих программными и дискуссионными статьями, тех материалов, которые дают представление о ключевых положениях и профиле отдельных подгрупп, о полемике, идущей между ними, и о той эволюции, которую претерпевало всё направление от первых манифестов до 1914-15 годов.

В подразделе "Мезонин Поэзии" рядом со статьей М.Россианского "Перчатка кубофутуристам"⁸ было бы оправдано привести и дискуссионный отклик на неё Вадима Шершеневича "Открытое письмо М.М.Россианскому"⁹, для того, чтобы увидеть в истолковании поэтического слова Шершеневичем-"футуристом" зачатки теории слова-образа в имажинизме. Представление было бы ещё более полным, если бы в разделе "Центрифуга" наряду с теоретическими работами С.Боброва была приведена ещё и статья Б.Пастернака "Вассерманова реакция"¹⁰, в которой принцип метафоризма Шершеневича, построенный на сходстве, а не на смежности явлений, отвергается, и которая является существенной для понимания лирического сознания Б.Пастернака.

Среди авторов, представляющих поэтическую деятельность группы "Мезонин Поэзии", в хрестоматии находим имена Вадима Шершеневича, Рюрика Ивнева и Антона Лотова. Стихов Сергея Третьякова, составляющих самые яркие страницы альманахов "Мезонин Поэзии"¹¹, здесь нет, они приводятся в подразделе Кубофутуризм, хотя на страницах сборников кубофутуристов стихи С.Третьякова не печатались, его имя, как сотрудника, появляется только в "Первом журнале русских футуристов"¹². Несомненно, стихи Сергея Третьякова своей тональностью остро выделяются среди поэтической продукции "Мезонина Поэзии", они гораздо ближе к урбанистическим стихам кубофутуристов, но не очень понятно, почему здесь, в единичном случае нарушается тот принцип расположения материала по принадлежности авторов к определённым группам, который выдержан во всей хрестоматии.

⁸Верниссаж. Выпуск I. Мезонин Поэзии. Сентябрь 1913г.

⁹Крематорий здравомыслия. Выпуск III-IV. Мезонин Поэзии. Ноябрь-декабрь 1913г.

¹⁰Б.Пастернак: Вассерманова реакция, Руконог. Сборник стихов и критики. Книгоиздательство "Центрифуга", Москва 1914.

¹¹Пир во время чумы. Выпуск II. Мезонин Поэзии, Октябрь 1913г.; Крематорий здравомыслия... 1913г.

¹²Футуристы. Первый журнал русских футуристов, Москва, 1914 №1-2.

На страницах сборников кубофутуристов самое большое место отводилось теоретическим статьям и поэтическим произведениям Хлебникова, поэтому для сохранения правильной пропорции, можно было бы включить в хрестоматию ещё некоторые его работы /как нр. "Образчик словоновшеств в языке"¹³, дающий ключ к структуре его неологизмов и к пониманию закономерностей его поэтического мышления, или его "Предложения", содержащие утопические планы о строении будущего, стоящие рядом с боевой статьей Маяковского "Капля дегтя"¹⁴/.

В разделе Кубофутуризм стихотворный материал цитируется по разным источникам, это в некоторых случаях приводит к противоречивым явлениям. Нр. стихотворение Маяковского "Из улицы в улицу" цитируется по полному собранию сочинений, и рядом цитируются некоторые фрагменты этого же стихотворения, в такой форме, как они были напечатаны в альманахе "Требник троих"¹⁵, перед тем как сложились в одно поэтическое целое. Не очень ясна цель авторов; если они хотели показать "метаморфозы" того же стихотворного текста, почему не процитированы все фрагменты первоначального варианта, или это просто просчёт?

Маяковский представлен только несколькими стихотворениями и "экспериментальными" стихотворными фрагментами. Однако, при характеристике кубофутуризма как направления нельзя забывать о том, что на страницах сборников этой группы публиковались не только экспериментальные и "заумные" стихи, но и стихотворения Маяковского "Нате!"¹⁶, "Вам, которые в тылу",¹⁷ "Я и Наполеон", "Мама и убитый немцами вечер", "Война объявлена"¹⁸. Итак, возникает вопрос: какие же стихи будем считать "программными" для данного направления? Те, которые сами их авторы считали программными для себя и для своего направления, или те, в которых историко-литературная перспектива усматривает "программный" характер? Хрестоматии, очевидно, для того, чтобы восстановить верный облик данного литературного направления, должны ориентироваться на первоисточники, но для того, чтобы не пострадала и правильная историко-литературная перспектива, этот подбор, ориентированный на первоисточники, должен сопровождаться пояснительными аналитическими комментариями.

Хан А., Секе К.

¹³ Пощёчина общественному вкусу, Стихи-Проза-Статьи, Москва, 1913, стр. 110-12.

¹⁴ Взял. Барабан футуристов. Декабрь. 1915.

¹⁵ Требник троих. Сборник стихов и рисунков, Москва, 1913г.

¹⁶ Футуристы. Рыкающий Парнас, 1914.

¹⁷ Взял. Барабан футуристов, 1915.

¹⁸ Весеннее контрагенство муз, Москва 1915.

СОДЕРЖАНИЕ

Фейер, А.	Второй бунт Духа (Интерпретация поэмы Лермонтова "Демон").....	3
Хан, А.	К проблеме жанрового своеобразия ранней лирики А. Ахматовой (ч. II.).....	21
Хармат, М.	Проблемы изучения Просвещения в русской литературе XVIII века.....	45
Секе, К.	Орнаментальный сказ или орнаментальная проза? (К проблематике романа Андрея Белого "Серебряный голубь").....	57
Ильяш, М.И.	Экспрессивно-эмоциональные эквиваленты слов-предложений ДА и НЕТ в русской разговорной речи.....	65
Пете, И.	Способы выражения контактирования в русском языке в сопоставлении с венгерским языком.....	79
Кун, Л.	К изучению порядка слов в русском языке.....	103
Кун, Л.	К нерешенным вопросам теории актуального членения.....	III
Кечкеш, И.	Вторичное пространственное значение приставки о- (об-, -обо) в русском языке.....	123
Соколова, М.А.	Церковнославянизмы и русский литературный язык (ч. II.).....	133
Аверина, С.А.	Описание русской рукописи XIII века ("Житие Епифания Кипрского").....	139
Золотова, Т.И.	Отрывки апостольских чтений XII века.....	151
Зубова, Л.В.	Палеографическое описание рукописной книги XII века.....	159
Х.Тот, И.	К истории склонения существительных с основой на -б и -й.....	165
Х.Тот, И.	Агоштон Павел - филолог.....	171
Рецензии		
Ильяш, М.И.	А.К. Федоров: "Обратное подчинение в современном русском языке".....	187
Фабриц, К.	Актуальные проблемы словообразования, I. ..	191
Хан, А., Секе, К.	Z. Barański, J. Litwinow, Rosyjskie manifesty literackie.....	192

F . k . . : Dr. Csukás István JATE BTK dékánja.

Készült a JATE Sokszorosító Üzemében Szeged.

Példányszám: 350

Méret : B/ 5.

Engedélyszám: 37570

F.v.: Lengyel Gábor